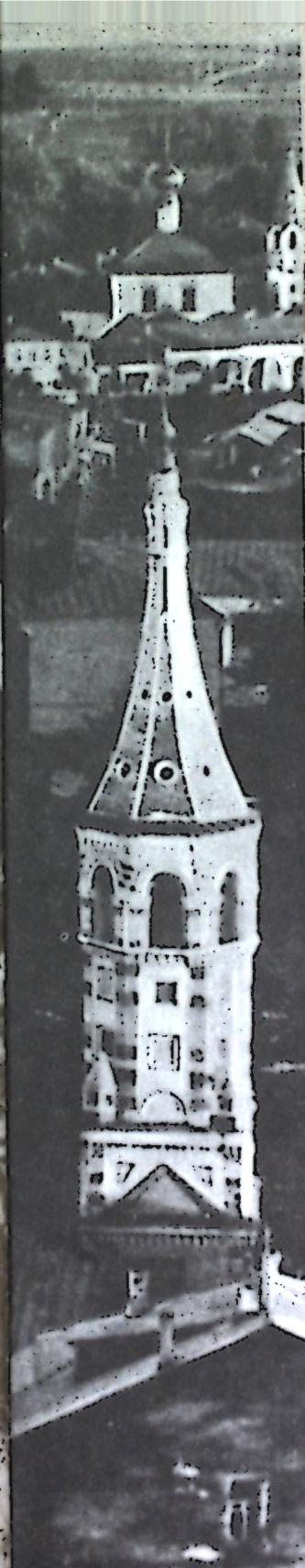

приглашение
к
путешествию

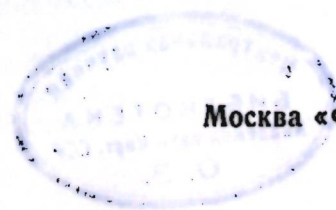

приглашение к путешествию

из которого турист узнает интересные факты
героического прошлого и славного настоящего нашей Родины,
познакомится с чудесными уголками природы,
откроет для себя новые увлекательные маршруты
по каждой из пятнадцати советских республик

Москва «Физкультура и спорт» 1973

Составитель
Л. М. ГУРВИЧ

Приглашение к путешествию М.,
П 75 «Физкультура и спорт». 1973.

288 с. с ил.

На обороте тит. л. сост.: Л. М. Гурвич.

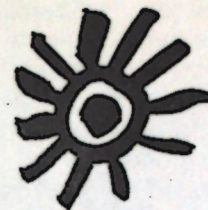
Книга очерков о путешествиях по Советской стране, о ее безграничных туристских возможностях, о ее туристской карте. Путевые впечатления, рассказы о необычных явлениях природы, исторические экскурсии, встречи с людьми на маршруте — таково содержание очерков, авторами которых выступают писатели и журналисты, краеведы и путешественники-спортсмены.

Для всех любителей путешествий.

П 0693—074
009(01)—73 101—73

7 А6.1

© Издательство «Физкультура и спорт», 1973 г.

От издательства

Бескрайни просторы и безграничны туристские возможности нашей страны. По разнообразию мест, богатству природы с ней едва ли сравнится какая-либо другая страна в мире.

Куда же лучше поехать?

Авторы этой книги — писатели и журналисты, поклонники музыки странствий — приглашают вас в увлекательное путешествие по союзным республикам нашей Родины. Каждый из них расскажет о том, что особенно близко его сердцу: в одном случае — о красотах природы, в другом — об историческом прошлом и бесценном культурном наследии, в третьем — о встречах с кипучей жизнью республики сегодня. Некоторые очерки нарисуют вам общую, хотя, конечно же, далеко не полную, картину жизни республики, другие поведут по отдельным полюбившимся маршрутам, которые, мы надеемся, станут еще более популярными и привлекут к себе новые потоки туристов.

Этот сборник не претендует на показ всех туристских возможностей каждой из наших республик. Для этого потребовалась бы не одна книга. Наша цель — так показать читателю Родину, чтобы кружочки городов и селений на карте, коричневые штрихи, зеленые пятна и голубые ниточки приобрели для него конкретность, ожили, предстали в своем неповторимом разнообразии, вызвали желание ближе познакомиться с жизнью республик.

Каждой союзной республике посвящен

один очерк. Исключение сделано для России и Украины, огромные территории которых невозможно представить в одном-единственном путешествии.

Рассказ о каждой республике дополняется «фотоокнами», через которые читатель может заглянуть в те чудесные места, о которых он не прочитал в очерке, и которые, может быть, захочет посетить.

Наша книга — не путеводитель. В ней нет подробного описания всех достопримечательностей на маршруте. Это приглашение к путешествию по стране. В ней вы найдете немало интересного для себя. И если эта книга позовет вас в дорогу, цель ее будет достигнута.

До встреч на туристских тропах!

Туристскими тропами

Что может быть лучше дороги! В дороге человек становится чище и здоровее духом. Все мелкое, житейское, душевное остается позади, в тесноте квартиры, среди привычных, надоевших вещей; ты открыт пространству, новизне свежих и ярких впечатлений, встречаешь природу и людьми. Дорога — не только радость, но также испытание. Ты проверяешь себя, свою выносливость, свое терпение, умение справляться с трудностями и лишениями. Ведь не всегда светит солнце, иной раз и дождик промочит, и град посечет, и ветром продует до костей, и морозом обожжет. Ночевать доводится и в стоге волглого сена, и на охапке палых листьев, и просто на земле, положив под голову вещмешок, под уханье совы и вопли филина, от которых сжимается сердце. Но ведь такие лишения лишь украшают и разнообразят нам жизнь, которая без них была бы пресной, обыденной и тусклой. И что значат все эти малые неудобства для молодого, полного сил человека, да и для человека на возрасте, если он не до конца растратил себя и не забыл горький, волнующий запах дорожной пыли. Турист открывает мир для себя. Пусть я знал, что есть Ангара и Байкал, но пока я воочию не увидел прозрачной реки и великого озера, я вовсе не знал их. Они существовали в моем мозгу условными географическими понятиями, а теперь стали частью моего существа, моей души. То же я могу сказать о Каракумах, о Валдае, о ле-

сах и озерах незабвенной Мещеры, о Закарпатье, о горных дорогах Кавказа и Крыма и о многих, многих других дивных местах нашей Родины. Туристский поход открывает нам лицо родной страны, помогает постигнуть ее прошлое и настоящее, заглянуть в будущее, обрести новых друзей. В походах мы читаем самую лучшую, самую увлекательную книгу на свете — книгу самой жизни.

Нашим туристам-путникам очень повезло — необъятная советская земля предоставляет им бесчисленность самых фантастических маршрутов. В пределах нашей страны можно увидеть и познать весь мир. В Закарпатье ты прочтешь рисунок Балкан, феодосийский Крым напомнит о Греции, в Памире ты откроешь Гималаи, чудесами Шахразады наградят тебя Бухара и Самарканд; древней Русью опажнут Кижи. А старинные замки и крепости Прибалтики, а медовые степи Украины, а сказочные Уральские горы, а сумеречная Сибирская тайга, а Беловежская пушта... Да разве можно перечислить все чудеса, которые ждут пытливого путника на дорогах наших республик! Надо только уметь видеть.

Мне не хочется быть назидательным, но туризм не просто отдых. Он многому учит человека. Он делает зримой историю, помогает установить осязаемую связь с предыдущими поколениями. И прежде всего, возвращает к природе, что так важно современному человеку,

все более отдаляемому цивилизацией от своих естественных начал. Он сродняет человека с деревьями и травами, горами и долинами его родины, приучает любить и ценить великое достояние, завещанное ему от рождения.

Туристские маршруты не минуют больших городов,строек, месторождений скрытых в нашей земле безмерных богатств. И Родина открывается как величественная строительная площадка, как создательница всех рукотворных чудес современности.

Туризм помогает молодому человеку выбрать будущее, ибо знакомит его с различными видами деятельности, сводит с представителями самых разных профессий — хранителями лесов и вод, разведчиками недр, дорожными и строительными рабочими, хлеборобами, сплавщиками, охотниками, рыбаками, садоводами, преобразователями земли. Сводит с мечтателями, чудаками, поэтами жизни. И подспудно, естественно, словно дыхание, приходит ощущение себя членом семьи — огромной, дружной семьи равноправных народов, объединенных общим делом, общей судьбой.

В дороге обретаешь дружбу, любовь и самого себя. Нигде не раскрывается человек так полно, как в дороге. Тут не место фальши, хвастовству, зазнайству, себялюбию, паразитизму; тот, кто крив душой, часто не доходит до конца пути. Трудная дорога любит прямых и чистых сердцем, верных и надежных, готовых подставить плечо другу. И как важна эта проверка дорогой, как много значит она во всей последующей жизни!

Вот сейчас, на пороге старости, разве вспоминаю я часы и дни, когда сидел в теплой комнате, в уюте налаженного быта, в сонливом покое городского благополучия? Конечно, нет! Мне вспоминается, как яростно и грозно крутили нашу лодчонку водовороты на Ангаре; как мы тонули на Усолке в легком челноке, полном рыбы, когда его набило

крупным, с вишню, градом после чудовищной, неистовой грозы; как я стыл в шалахе на Мещерских озерах, ожидая подлета северных уток; как меня жрали комары в лесах Приволховья и как я жрал их вместе с пшенной кашей, сваренной на костре; как срывался с гладких отвесных стен Карадага, пытаюсь спуститься в Сердоликовую бухту. Я вспоминаю обо всем этом и многом другом не с чувством облегчения, — мол, избежал опасности, а как о самом лучшем, самом счастливым, что было у меня в жизни. Я считаю, что не жил тот, кто, будучи здоровым и сильным, не сбивал ноги на каменистых дорогах, не ловил ртом воздуха на вершинах гор, не стыл на морозе, не мок под ливнями, не изведаль дорожной жажды, голода, валящей с ног усталости. Ибо в конце концов ты приходишь к намеченной цели и получаешь все: свежую воду, пищу, отдых и радостные воспоминания на всю жизнь. Так будьте благословенны туристские тропы — с песней и потом, мозолями и тяжестью заплечного мешка, солнцем и пьянящим воздухом, закатами и восходами, дымком костра и звездами над головой, глубоким сном и росной свежестью пробуждений!..

Юрий Нагибин

Главный город страны

«Кто хочет познать Россию, тот должен прийти сюда и посмотреть на Москву». Эти слова А. П. Чехова были сказаны много лет назад, но в наши дни они звучат с особой силой.

Необозрима панорама, открывающаяся со смотровой площадки на Ленинских горах — самого возвышенного места столицы на правом берегу Москвы-реки. Четко выделяются башни Кремля и красный флаг Верховного Совета СССР на зеленом куполе Большого Дворца, массивные силуэты высотных зданий и 536-метровая Останкинская телебашня. До самого горизонта раскинулись кварталы домов и зеленые массивы парков и бульваров. Повсюду виднеются ажурные стрелы башенных кранов: в Москве ежегодно четыреста тысяч человек справляют новоселье, возводятся сотни корпусов предприятий, научно-исследовательских институтов, вузов и школ, учреждений культуры. «Надо видеть, видеть... надо чувствовать все, что она говорит сердцу и воображению», — писал Лермонтов о панораме Московского Кремля.

Панорама столицы...

Это — пять тысяч проспектов и площадей, улиц и переулков, скверов и бульваров, набережных и проездов.

Это — десятки мест, связанных с именем Владимира Ильича Ленина.

Это — сотни красивейших зданий, старинных дворцов и уникальных сооружений наших дней, исторических мест, напоминающих о баррикадах Пресни, о

боях в Октябрьские дни. Более 500 памятников и мемориальных досок — летопись ее истории, революционных событий, имен борцов, писателей, ученых. Мы находим в панораме Красную площадь с Мавзолеем. Идем от него к Вечному огню у могилы Неизвестного солдата.

Это — десятки музеев и выставок, готовых удовлетворить вашу любознательность, чем бы вы ни интересовались: историей или техникой, живописью или медициной, космосом или зодчеством.

Это — лучшие в мире театры и концертные залы. Ни на день не затихает культурная жизнь столицы. Уезжающие на гастроли театральные коллективы Москвы сменяют лучшие театры братских республик и талантливейшие представители зарубежного искусства.

Это — множество заводов и фабрик, выпускающих продукцию, славящуюся во всем мире. От автомобилей и сложнейших электронных машин до кондитерских изделий и разнообразнейшего текстиля.

Москва — это миллионы жителей, трудолюбивых, энергичных, радужных и гостеприимных, живущих шумной и кипучей жизнью. Среди москвичей и гостей столицы — представители всех национальностей мира. Пульс города всегда напряжен и бодр. Здесь бьется сердце Родины, а имя Москвы стало символом дружбы народов всего мира. История Москвы знает немало лихих

годин. Город разрушали иноземные нашествия, пожары, чума. Но всякий раз после лихолетий город делался еще краше, величавее, сложнее, он как бы готовил себя к наивысшему взлету: стать столицей первого в мире социалистического государства, Союза братских республик.

Город некогда тесных и кривых улочек за годы пятилеток превратился в город с широкими Ленинским, Калининским, Кутузовским и другими проспектами, лучшим в мире метро, каналом, соединившим его с пятью морями, стал центром творческой и научной мысли.

Знакомясь с улицами Москвы, вы увидите немало памятников архитектуры, возведенных лучшими зодчими Родины многие столетия назад, восстановленных теперь во всей своей красе и неповторимости. А рядом — или поблизости — вознеслись десятки новых огромных сооружений, уникальных и по назначению и по современной архитектуре, превращающих столицу в красивейший город мира, создающих исключительное сочетание многовековой старины с взметнувшимися высоко вверх зданиями. Один из примеров — церкви Зарядья рядом с колоссальной гостиницей «Россия».

План развития города предусматривает, наряду с прокладыванием новых широких магистралей и дальнейшим возведением в его центре крупнейших сооружений, сохранение заповедными всех исторических районов, как, например, Красная Пресня, уголки Арбата и Замоскворечья.

Великой названа победа под Москвой над немецко-фашистскими захватчиками. Многие улицы Москвы носят теперь имена героев битвы, многочисленны мемориальные доски и монументы о первом сокрушительном поражении, нанесенном гитлеровским полчищам. Посещение рубежей обороны (особенно таких, как Дубосеково, Бородино, Петрищево, Нара, и других)

наглядно познакомит с конкретными эпизодами великого сражения, в котором участвовали представители всех народов Советского Союза.

«Превратим Москву в образцовый коммунистический город!» — призвал XXIV съезд партии, и каждый день жизни столицы приближает ее к выполнению этой задачи.

Рассказать даже бегло о достопримечательностях Москвы невозможно.

Попробуйте обойти город пешком, делая по 5 километров в час и нигде не останавливаясь. Договоримся, что ходить будете ежедневно по десять часов. Без выходных дней. И тогда вам понадобится больше двух месяцев!

Наше приглашение к путешествию мы начинаем с приглашения побывать в Москве.

Лев Гурвич.

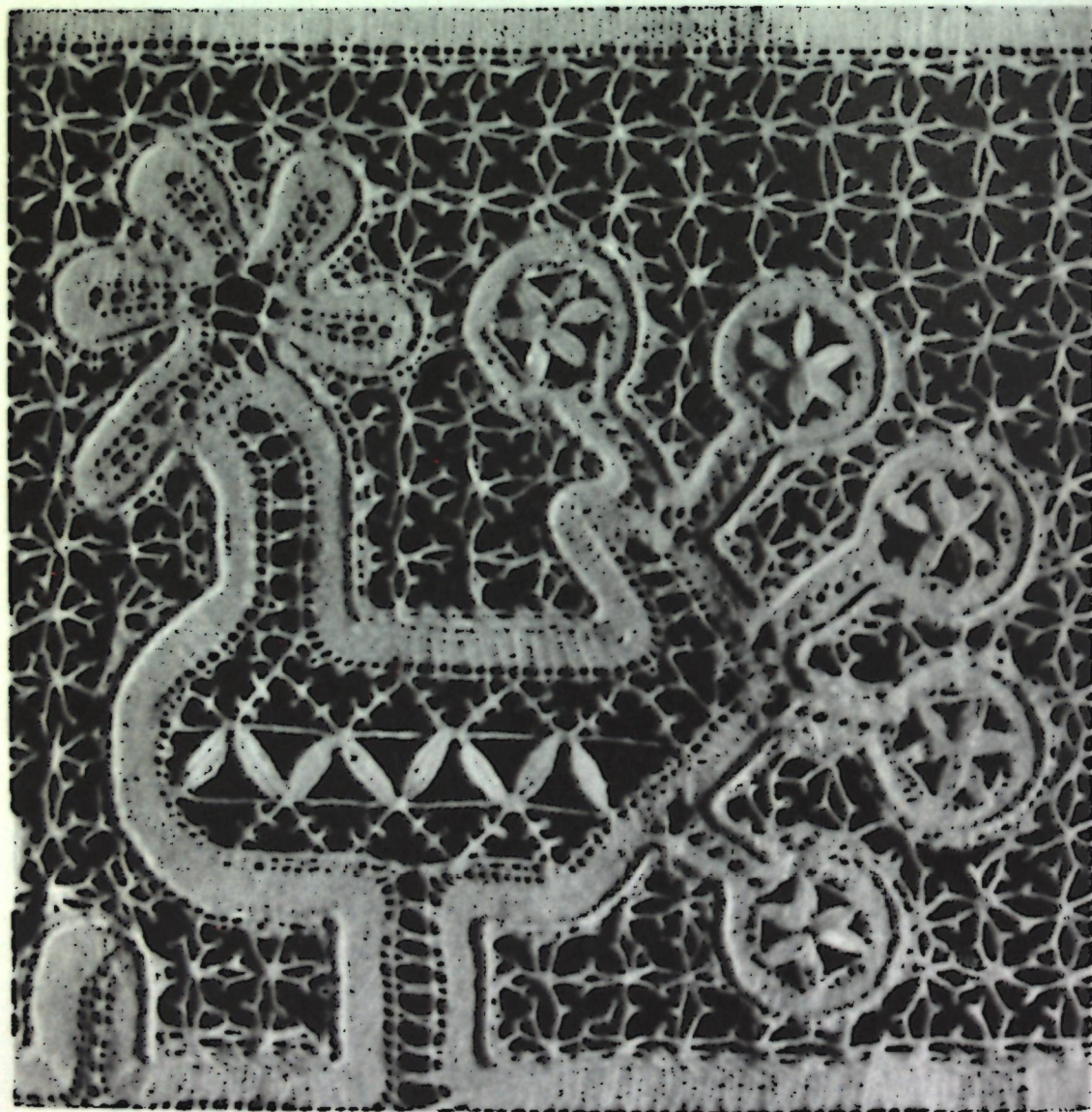

Российская Федерация

Пояс славы

Простучав по привокзальным стрелкам, поезд вырвался из Москвы. Замелькали дачные и заводские поселки, деревни и новостройки, луга и перелески. Асфальтовые ленты многочисленных шоссе бежали рядом, ныряли под мосты, взбирались на виадуки. По ним мчались грузовики, автобусы, легковые, выстраиваясь пестрыми лентами у переездов. В нашей группе немало бывалых туристов, побродивших по самым отдаленным районам страны. Но на этот раз мы миновали кассы поездов дальнего следования. Автомат в пригородном зале Киевского вокзала столицы отщелкал билеты до седьмой зоны. Наш нынешний маршрут — по местам боевых подвигов советских воинов в Подмосковье.

Прошло более тридцати лет с той осени, когда здесь бушевала война, и, когда едешь поездом, кажется, что уже не осталось следов тех трудных и героических дней. Кажется... Но вот табличка над дверями вагона: «Изготовлен из металлолома, собранного пионерами и школьниками Подмосковья. 1946 год». В ту пору еще много было на полях минувших сражений остатков немецких танков, тех, что двинул Гитлер, стремясь захватить нашу столицу. Перед началом наступления Гитлер приказал: «Москву следует окружить так, чтобы ни один русский солдат, ни один житель, будь то мужчина, женщина или ребенок, не мог ее покинуть. Всякую попытку подавлять силой!» Но случи-

лось то, чего не ожидали ни фюрер, ни его военачальники. Сотни тысяч москвичей вступили в дивизии народного ополчения и заняли рубежи обороны. Из Сибири и Казахстана, Урала и Дальнего Востока подоспели вновь сформированные части. Москва устояла. И не только устояла. Когда фашисты считали, что советский строй доживает свои последние дни, Красная Армия, которую они поторопились объявить окончательно разгромленной, перешла в наступление и далеко отбросила врага на запад.

21 октября немцы ворвались в город Нарофоминск. Путь им преградили бойцы 1-й моторизованной стрелковой дивизии, только что прибывшей к Наре. Немцы были остановлены, и река, пересекавшая город, стала линией фронта.

Церковь — первый памятник войны на нашем пути — превратилась в наблюдательный пункт 175-го полка. Ее купол сбит, стены изрешечены. Прежде продолговатые, окна стали теперь почти круглыми от прямых попаданий снарядов.

Может, вон на той опушке укрывался танк лейтенанта Георгия Хетагурова? Не здесь ли выползала бронированная машина из-за деревьев, придавливая их ветви и начиная свой, ставший легендарным, прыжок в город?

Чтобы разведать огневые точки противника, Хетагуров предложил смелый план. Развив предельную скорость, его

танк промчался по занятому немцами городу. Ошеломленные дерзостью советских воинов, фашисты поначалу растерялись, и танкисты не только выполнили задание, но и уничтожили несколько вражеских орудий, десятки солдат и офицеров.

И где-то здесь же, на берегу Нары, погиб рядовой Николай Новиков. Смертельно раненный, он нашел место обрыва телефонного провода, зубами стиснул концы перебитых проводов и умер, но связь была восстановлена.

Еще далеко было до полной победы над гитлеровской Германией, но бойцы верили в нее. В нагрудном кармане Ивана Хмелева, комсомольца из Московской области, павшего в рукопашном бою на улицах Нарофоминска, оказалась записка:

«Товарищи московские комсомольцы! Не забываете реки Нары! Нам было здесь очень трудно, но фашисты все равно получают капут!»

...Через небольшой овраг перекинулся широкий мост. Крутоватый спуск к нему изрезан колеями. По дну оврага бежит ручей. Кое-где он пропадает за непролазно густыми кустарниками, затем выныривает и, неторопливо извиваясь, исчезает за поворотом. За мостом дорога делится. Минувя сосну с раздвоенным стволом, мы выходим на прохладную тропинку, протоптанную в невысокой траве и ведущую в сторону Верей. Стволы сосен пылают, освещенные заходящим солнцем, а кустарники и поросли ельничка уже начинают темнеть. На опушке отдает от деревьев теплом, накопленным ими за этот жаркий день, а из чащи уже потягивает холодком и сыростью.

Неширокая, вытянувшаяся метров на семь-восемь траншея со сползающими в нее узловатыми корнями выросших на бровке деревьев, с лопухами и крапивой, с кучей лесной трухи на дне. И земля пообвалилась и пооплыла, и лес во круг подрос, но выгляделись подступы

перед нами старый окоп. Неподалеку еще один: нет, это, пожалуй, остатки землянки. Вот и небольшой уступ сохранился — бывший вход в нее.

Быть может, это след одной из стоянок партизанского отряда И. И. Евтеева, действовавшего в этих местах? Не у этой ли землянки проходило собрание, на котором клялись верейские партизаны: «Не изменю Родине, не выдам тайны, каким бы пыткам меня ни подвергали...»?

На дне бывшей землянки обнаруживаем позеленевший винтовочный патрон и коптилку, сделанную из снарядного стакана. Свидетели давних боевых дней...

Живописные окрестности Нары привлекали многих писателей и художников. Ими восхищался Лев Николаевич Толстой, их рисовал Игорь Грабарь. В усадьбе Якунчиковой Антон Павлович Чехов писал свою пьесу «Вишневый сад». В Литвиново приезжал Сергей Есенин. А для нас сейчас в этих местах открываются все новые эпизоды битвы за Москву. Чуть ли не в каждой деревне очевидцы, иногда и участники событий.

В Шустикове мы узнали о подпольном госпитале, созданном местными комсомольцами, они спасли жизнь многим нашим воинам, в Симбухово — об особенно жестоких боях близ села, ставшего важным пунктом на подступах к Верее.

— В воздухе было жарко, как летом, и по улицам бежали потоки воды от таявшего снега, — рассказывали нам жители Симбухово. — Все горело кругом, зарево было видно на всю округу. А ведь стоял небывало крепкий мороз.

— Симбухово противник словно задался целью перепахать снарядами и минами, — вспоминал участник боев В. К. Соловьев, — перемешать в сплошное месиво снег, людей и мерзлую землю. Две дивизии немцев старались тут остановить наше наступление...

Первые упоминания о Верее относятся еще к XIII веку. Ее, пограничную крепость на западе русского государства, не раз осаждали иноземные захватчики, но удачное расположение — естественные обрывы и высокие валы — делало крепость неприступной. Само слово «верей» означает столб, на который навешиваются ворота. Вторым столбом западных ворот Москвы был в те времена Можайск. Нынешняя Верея — небольшой тихий городок с несколькими памятниками архитектуры XVI—XIX веков.

От Верей к линии Белорусской железной дороги проще было выйти напрямую и таким образом перейти от Наро-фоминского направления битвы за Москву к Можайскому. Но как не побывать в Петрищеве, у памятника Зое и в музее ее имени? Не узнать подробнее о подвиге студентки Веры Волошиной, погибшей с пеннем Интернационала, и о юном разведчике Коле Евменове? По-знакомились мы здесь и с листовкой, найденной у убитого фашиста: «Помни и выполняй, — говорилось в ней, — нет нервов, сердца, жалости — ты сделан из немецкого железа... На войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание — убивай! Мы поставим на колени весь мир!»

В Петрищеве проходил один из дней Второго всесоюзного слета участников походов по местам славы. Одному из нас довелось быть на слете и вместе с Маршалом Советского Союза И. С. Коневым сажать деревца на аллее близ памятника Зое.

— Маршал тогда говорил нам, — рассказывал мой спутник, — что походы следопытов ценны не только восстановлением забытых эпизодов войны и воспитанием на боевых традициях отцов, но и тем, что в них воспитываются воля и мужество, приобретаются многие полезные навыки. Особенно когда туристы учатся самостоятельно ориентироваться на местности, совершать дли-

тельные переходы, преодолевать сложные препятствия, не теряться в любой обстановке.

Через деревню Моденово, известную по приездам сюда Ленина в 1920 году, мы вышли к железной дороге и электричкой добрались до станции Бородино.

К широкому песчаному пляжу нас подвел вплотную прилегавший к нему луг. Запах нагретой травы сливался с мягким благоуханием полевого многоцветья и терпким ароматом молодых сосен, что разбежались по краям луга. Несколько лет назад здесь петляла узкая и мелководная Москва-река. После постройки гидроэлектростанции и плотины возникло крупное Можайское водохранилище, ставшее одним из наиболее привлекательных подмосковных «морей». Причудливо изрезанные берега с лесами, обильными грибами и ягодами; рыбалка на щуку, карпа, линя, окуня, прогулки на лодках по бесчисленным бухточкам и заливам — все было так чудесно, что мы провели на берегах Можайского моря три дня, вместо ранее намечавшейся дневки.

И снова дорога. Вдоль строя обступивших ее тополей, берез и лип, мимо деревень с аккуратными палисадниками у крытых железом домов.

Бородино. Поле русской славы, воспетое Лермонтовым, описанное Толстым, сохранившее все главные военные укрепления 1812 года. В октябре 1941 года оно вновь стало ареной ожесточеннейшего сражения. Путь наступавшим гитлеровцам преградила 32-я дивизия под командованием полковника В. И. Полосухина. Несколько дней безуспешно штурмовали фашистские танки и пехота село Семеновское, батарею Раевского, Багратионовы флеши и Шевардинский редут.

— Нам казалось, — вспоминает генерал Д. И. Лелюшенко, командовавший

5-й армией, в которую входила и полосухинская дивизия, — что мы стоим перед лицом истории и она сама велит нам: не посрамите славу тех, кто пал здесь смертью храбрых, умножьте их доблесть новыми подвигами, стойте насмерть, но преградите врагу путь к Москве.

Боец Федор Чихман один уцелел из всего орудийного расчета, защищавшего батарею Раевского. Он подбил пять танков и был тяжело ранен. Несмотря на рану, сумел подбить и шестой. Санитары хотели увести его с кургана. «Товарищ полковник, — обратился Чихман к подошедшему в эту минуту Полосухину, — прикажите перевязать здесь. Не могу я уйти, у пушки никого не останется...»

На Бородинском поле осталось 117 подбитых вражеских танков, более десяти тысяч трупов. Полосухинская дивизия отошла от Бородина по приказу командования лишь после возникшей угрозы обхода.

А вскоре Бородинское поле увидело картины, живо напомнимшие отступление разбитой армии Наполеона. Закутавшись в награбленные у населения полушубки и женские шали, обмотав ботинки соломой, бежали под напором советских войск арийские «сверхчеловеки».

Теперь с памятниками героям двенадцатого года соседствуют памятники героям сорок первого. Шеренга берез выстроилась у восстановленного дзота. Танк застыл на постаменте. Бывший наблюдательный пункт Полосухина также стал одним из памятников сражения.

Живописно расположился на холмах Можайск. Когда-то он играл приметную роль в истории Московского государства, был и столицей самостоятельного княжества. Стены основанного в 1408 году Лужецкого монастыря и другие памятники старины помнят многие осады. Участвовали можайцы и в кре-

стьянском восстании Болотникова. В здешних местах нападали наполеоновские отряды и обозы Денис Давыдов, гусар и поэт.

Берега реки Рузы — места действий кавалерийского корпуса генерала Л. М. Доватора. Прорвав в середине декабря фронт противника, корпус совершил рейд по его тылам, наводя панику смелыми налетами. Больше полтора километра прошли конники по глубоким снегам, в мороз и метели, разгромили отборную дивизию СС, уничтожили ряд вражеских гарнизонов. Многие атаки Доватор возглавлял лично. Выехав на разведку с группой в 25 человек, он встретил роту немцев. С шашкой наголо врезался первым Доватор в ее ряды. Более семидесяти гитлеровцев было уничтожено в этой схватке. А через несколько часов близ деревни Палашино генерал был убит. Серый мраморный обелиск, окруженный высокими соснами, высится на месте его гибели. Доватор смотрит с него на запад, куда помчались его конники, освобождая родную землю.

Луга вдоль извилистой речки, поросшей ивой и ракитником, ведут нас к холмам с перебегающими по ним желтыми полями и черными полосами паров. За холмами цепочкой вытянулась деревня. Пройдя ее, идем к озеру Глубокое. Здесь в одной из схваток с немцами комиссар партизанского отряда С. И. Солнцев был ранен в голову, но не покинул боя. Вторично раненный, он потерял сознание и был схвачен врагами. Его били, кололи штыками, ему жгли руки и ноги, но Солнцев не выдал никого.

В деревню Иваново вошли для разведки два наших танка. Гитлеровцы стали скрытно окружать их. Шестнадцатилетняя комсомолка Лида Матвеева бросилась к танкистам и предупредила их об опасности. Танки успели уйти, а страшная девушка погибла. Ее схватили враги и повесили в центре деревни, где теперь установлен памятник.

На Волоколамском направлении немцам противостояла 16-я армия под командованием К. К. Рокоссовского. В середине ноября здесь наступили решающие бои. Это было вскоре после того, как на Красной площади столицы состоялся праздничный парад. Традиция не была нарушена, хотя до линии фронта было всего двадцать-тридцать километров. И возвращались бойцы с парада не в свои казармы, а прямо с площади на передовую.

«Сегодня. Нинок, был в Москве на параде, а вечер мы провели в землянках и окопах, но провели неплохо», — писал домой ротный политрук Василий Клочков из дивизии генерала И. В. Панфилова.

А через неделю неподалеку от разъезда Дубосеково взвод панфиловцев — истребителей танков преградил путь наступавшим гитлеровцам. На них обрушились бомбы, одна за другой следовали атаки вражеских автоматчиков. А потом двинулись 20 танков. «Меньше чем по одному на брата. Это не так уж много», — спокойно сказал Василий Клочков, пробравшийся к взводу под бешеным огнем.

— Один танк шел на мою ячейку. Осталось до меня двадцать метров, — рассказывает Григорий Шемякин, один из пяти уцелевших героев. — Я приподнялся и кинул гранату. Вижу: метко бросает бутылки с горючей смесью мой сосед Григорий Конкин, рядом танк поджигает Мусабек Сенгирбаев. Так уничтожили мы 14 танков. Уцелевшие повернули назад. Поредели и наши ряды. И тут на нас двинулись еще 30 танков. В эту минуту слышу голос политрука: «Братцы! Велика Россия, а отступать некуда! Позади Москва!»

Нет, героев не сбить на колени,
Во весь рост они встали окрест,
Чтоб остался в сердцах поколений
Дубосекова темный разъезд...

Когда Николай Тихонов писал эти строки, еще не стоял близ разъезда памятник,

не было музея в Нелидове. Теперь ежегодно собираются здесь ветераны Панфиловской дивизии. Приходят и приезжают туристы, школьники, иностранные гости. Идут по аллее молодых лип. Стоят у скромного памятника.

Жестоко пострадал от нашествия гитлеровцев Волоколамск, известный по древним летописям как волок на Ламе. Монумент на городской площади. Здесь были казнены восемь московских комсомольцев. К. Пахомов, Н. Галочкин, Н. Коган, П. Кирьянов, В. Ординарцев — все с завода «Серп и молот», И. Маленков с завода «Москабель» и две студентки Московского художественного училища имени М. И. Калинина — А. Луковина и Е. Полтавская сражались до последнего патрона и израненными попали в плен. Семеро упали после первого залпа, а оставшийся стоять успел воскликнуть: «Бейте фашистов, жгите их проклятых! Красная Армия скоро придет!»

20 декабря город был освобожден, и Волоколамское направление перестало существовать. Как и все остальные пять направлений Московской битвы. В боях враг потерял около полумиллиона человек. Были разгромлены три танковые армии из четырех. Развеялся миф о непобедимости германской военной машины.

С каждым годом все больше близ столицы монументальных памятников. Нам видится время, когда будут запечатлены на местах не только самые значительные события героической обороны Москвы, но и ее важнейшие детали. Ибо героизм был всюду.

В одном случае это будет восстановленная землянка, в другом — мемориальная доска, в третьем — хотя бы памятный камень со словами благодарности или специально посаженное дерево. Так создается вокруг столицы Пояс Славы — запечатленная на земле история подвига народа.

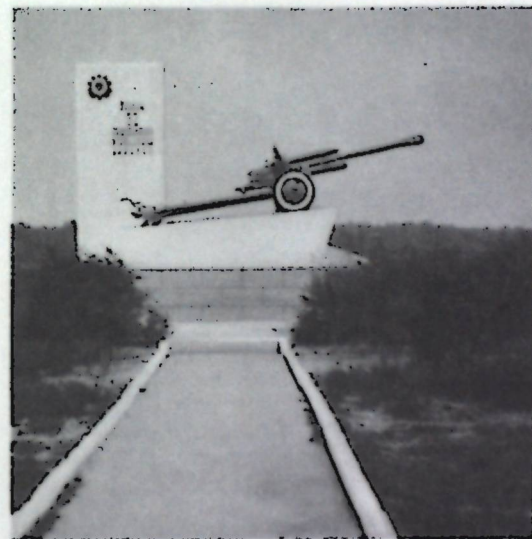
В. Дробинин

Ленинград. Зимний дворец

*Кольцо Славы. Памятники защитникам
столицы в Подмоскovie*

Памятник героям битвы на Волге

«Золотое кольцо»

Пять лет назад в благодатную летнюю пору довелось мне попасть в Суздаль — город неотразимого обаяния. Перед глазами покрытые изумрудной зеленью берега уютной Каменки, за рекой слева и справа шатры и колокольни стройных суздальских храмов. Шумит, сверкает оживленный, многолюдный город-музей. А в памяти не остыли еще поэтические видения владими́ро-суздальской земли — издревле славное Ополье так обласкало ваш взгляд и сердце, что долго-долго вы будете грезить этим уходящим за горизонт полемым простором. Мы обошли тогда весь Суздаль и задержались у могучих крепостных стен Спас-Евфимьевского монастыря. Разглядывая неприступные башни и буквально литую кладку прясел монастырской стены, совершенно нечаянно я оказался у городской границы, которая была обозначена дорожным указателем: «На Иваново». Тут-то и посетила меня беспокойная мысль: надо бы пройти этот путь от знаменитого центра старорусского зодчества Суздаля до славного своим революционными традициями большого промышленного города Иваново.

Открыв «Атлас автомобильных дорог СССР», довольно быстро наметил маршрут. И удивился, и обрадовался тому, что он — кольцевой. По-моему, он и не мог быть другим. Судите сами, добравшись через Владимир и Суздаль до Иванова и той же дорогой возвращаться в Москву — интереса мало. А что если

продолжить путешествие? Побывать в Иванове и миновать Шую, право, обидно. От Шуи рукой подать до Палеха. Но Палех стоит на Горьковской дороге, а из Горького прямой путь во Владимир. Повторение! Не годится. Можно из Шуи через текстильные города Родники и Вичугу попасть на берег Волги в Кинешму. Город, в котором Александр Николаевич Островский увидел впервые героев своих волжских драм «Гроза» и «Бесприданница». По преданию, здесь Стенька Разин навек расстался с молодой персидской княжной. Как говорят легенды, старорусское «кинешмя» (последний трагический возглас княжны) со временем стало именем города на Волге.

...На стареньком «Москвиче» по бывшей Владимирке — ныне шоссе Энтузиастов — мы, журналисты «Советской культуры» и искусствоведы Третьяковки, покатали в сторону Владимира. Дорога отменная. Воздух свежий, ядреный. Ноябрь, как это часто бывает в средней полосе России, стоял безветренный, погожий. Ночью заморозки серебрили пожухлую, ржавую траву, а как только солнце набирало высоту, эта помертвевшая трава вдруг загоралась мириадами крохотных хрусталиков. В ласковых лучах осеннего солнышка грелись окрепшие, закустившиеся зеленыя, в придорожных лесах бронзовели дубы, в ожидании разбойных ветров красовались золотистым монисто березы; густые в сквозном предзимнем лесу

ели да сосны, казалось, одни бережно хранили память о щедром лете.

Во Владимир, славный русский город, основанный в XII веке князем Владимиром Мономахом, нас влекли утонченная красота его архитектурных памятников, фрески Андрея Рублева и Даниила Черного в Успенском соборе, такие выразительные реликвии истории, как Золотые ворота, через которые несколько веков кряду шли на рать и возвращались из дальних походов владимирские полки, самый поэтичный в России храм Покрова на Нерли.

Признаюсь: Владимир — моя первая любовь. Здесь впервые дрогнуло сердце, ощутившее необходимую, бесценную для него близость отечественной истории, несказанную красоту родной земли.

Откуда бы вы ни подъезжали к Владимиру, из дальнего далека открываются перед вами живописные ландшафты древнего города, царственно поставленного на крутом берегу Клязьмы.

С быстроходной современной магистрали Москва — Горький Владимир предстаёт в кипении садов. Со стороны Юрьева-Польского Владимир открывается как город индустриальный, город новостроек.

К югу, как и встарь, тянутся леса Мещерской низменности. Ополье и Мещеру разделяет голубая лента Клязьмы. И все же главное, самое яркое, самое запоминающееся — это белокаменные соборы древности, поставленные на краю плато, вознесшегося над рекой на пятидесятиметровую высоту.

Когда вы отправитесь в Суздаль, оглянитесь на удаляющийся Владимир.

От скрывающейся в низине за мягкими увалами деревни Суходол Владимир виден как на ладони. Ранним летним утром 1177 года этим путем отправились в поход полки князя Всеволода III. Когда дружина оказалась за Суходолом, то воины увидели «аки на воздухе» «святую богородицу», то есть Ус-

пенский собор, «и весь град до основания». Туман еще закрывал владимирское плато, а собор горел в лучах восходящего солнца своим золотым куполом-шеломом, словно сам он парил в облаках.

Оказаться во Владимире и не побывать в Успенском соборе — значит не увидеть самого дорогого, самого главного. Собор заложен в 1158 году. Он был крупнейшей постройкой Андрея Боголюбского и мыслился как главный храм великого княжества Владимирского, а поскольку стольный Владимир претендовал на роль политического центра Руси, то и собор строился с расчетом стать достойным соперником Софии Киевской. Летопись сообщает, что в связи с постройкой Успенского собора во Владимир «бог привел мастеров из всех земель». Но поскольку главный храм великого княжества Владимирского целиком сложен из тесно пригнанных белокаменных блоков, то уже по этому можно с уверенностью сказать, что среди «мастеров из всех земель» не было специалистов кирпичной кладки из Киева и городов Поднепровья.

Владимир возвышался, противоборствуя влиянию на Русь древнего Киева. Остро стоял вопрос и о церковном главенстве, поскольку только церковь в эпоху феодализма простирала свою власть через рубежи княжеств и играла роль собирателя разрозненных сил древней Руси.

Итак, к 1160 году храм Успения богородицы был закончен постройкой. Исполинский богатырь в золотом шеломе встал над Клязьмой, над ширью вольных просторов земли, утверждая политическую и духовную самостоятельность Владимира.

Подкупольное пространство храма поражало своей высотой и светлостью. Успенский собор по площади был меньше Софии Киевской, и поэтому при равной высоте он казался возвышеннее

киевской святыни. Шесть стройных, легких столбов без усилия, грациозно несли своды и единственную главу храма. Из двенадцати окон, прорезавших всю высоту барабана, лились щедрые потоки света, и написанный по византийским канонам в куполе храма Христос, казалось, парил в воздухе. «Князь Андрей создал очень красивую церковь Богородицы,—свидетельствует современник Андрея Боголюбского священник Микула,—и украсил ее различными изделиями из золота и серебра, он устроил трое позлащенных дверей, украсил храм драгоценными камнями, и жемчугом, и всякими удивительными узорочьями, он осветил церковь многими серебряными и золотыми паникадилами, а амвон устроил из золота и серебра». Впечатление сказочной красоты усиливалось видением сверкающего ковра наборного майоликового пола.

В 1185 году городской пожар сильно повредил Успенский собор. Выгорели деревянные связи, обгорел белый известняк стен. Княживший в ту пору Всеволод III приказал своим зодчим вернуть собор к жизни. Вокруг сильно пострадавшего от пожара храма возвели новые стены, которые словно бы заключили в футляр первоначальную постройку. В старых стенах, оказавшихся внутри, прорезали большие и малые, арочные проемы. Прежде одноглавый, собор стал пятиглавым.

Еще не раз военные набеги татар и стихийные бедствия обрушивались на белокаменные стены собора, но он до наших дней остался в своей конструктивной основе таким, каким вышел из рук владимирских зодчих, перестроивших его после пожара 1185 года.

Все, что сказано об Успенском соборе, пусть придет вам на память, когда, оказавшись под сводами сумеречных «новых» (1185—1189 годы) галерей, вы захотите постичь топографию древнего здания, пожелаете представить себе ту

подкупольную высоту, что открылась строителям, положившим весной 1160 года последний, замковый камень в свод храма.

Успенский собор особенно дорог нам еще и потому, что он единственный донес до нас фрески гениального художника древней Руси Андрея Рублева. Живопись этого храма многослойна. Известен крохотный фрагмент росписи 1161 года — это часть наружной фресковой росписи: два синих павлина с пышными хвостами, обрамляющий шелевидное оконце, растительный орнамент и плохо различимые фигуры пророков со свитками в руках. В юго-западном углу собора Андрея Боголюбского доступны обозрению фигуры святых Артемия и Авраамия — это уже живопись 1189 года. Поставленные фронтально фигуры неподвижны, строгие. От них веет суровостью времени, аскетизмом феодального средневековья.

И еще одна эпоха, канун монгольского нашествия, 1227 год. Епископом Митрофаном (церковный сановник, писатель, художник — весьма распространенное явление той далекой поры) на стене южной галереи — там, где находились княжеские гробницы, — написана фреска в похвалу воинской доблести. Сохранилась часть фигуры воина. В 1408 году для возобновления пострадавшей от очередного пожара росписи собора из Москвы были присланы Андрей Рублев и Даниил Черный с учениками. Они наново расписали весь собор, придерживаясь старой системы размещения сюжетов.

В ликах святых и праведников, напоминающих лица простых русских людей, художники стремились воплотить нравственный идеал той героической поры, сообщив им выражение душевной стойкости и нравственной чистоты.

«Перенесенные народами в пору монгольского ига страдания ушли в прошлое, разгром полчищ Мамай на Кули-

ковом поле предвещал конец монгольской зависимости, страна входила в пору нового подъема, мрак уступал свету надежды. Отсюда пронизывающие рублевскую роспись умиротворенность и радость», — пишет о фресках Успенского собора лауреат Ленинской премии, большой знаток истории культуры Северо-восточной Руси, профессор Н. Н. Воронин.

Но поспешим в дорогу. А перед тем как покинуть Владимир, заметим кстати, что «Золотое кольцо» с не меньшим интересом, чем при непрерывном движении, можно пройти поэтапно.

Честно говоря, Владимир и пригородное село с историческим прошлым — Боголюбове, в близком соседстве от которого находятся и храм Покрова на Нерли, и древнее городище Сунгирь, где археологами открыто славяно-меренское поселение IX—XI веков, для самого общего знакомства потребуют два-три дня. Поэтому вполне разумно, в пятницу добравшись на вечерней электричке до Владимира, пробыть там субботу и воскресенье, а поездку в Суздаль или Иваново совершить в другой раз.

В Боголюбове произошло убийство Андрея Боголюбского. Раненый князь был добит на ступеньках «восходного столпа», — каменной лестницы, винтом вившейся в княжеском дворце. В прошлом столетии стены лестничного перехода были украшены рисунками с эпизодами «убийства мученика Андрея». Ныне от великолепного некогда дворца сохранились лишь белокаменная башня и двухъярусный переход из нее на хоры княжеского храма — свидетели убийства князя заговорщиками.

К Покрову дорога ведет широко раскинувшимся лугом. Храм показывается не сразу: тропинка то ныряет в низину, то идет вдоль кустарника, то деревья заслоняют его. Только близ клязьминской старицы он сразу возникает перед нами, отражаясь в почти неподвижной

воде старицы. Возникает, очаровывая удивительной стройностью и легкостью своих линий, белизной стен, особенно яркой на фоне мягко голубого неба и нежной зелени луга.

...Свернув с магистрали Москва — Горький на Суздальскую дорогу, путешественник, жаждущий встречи с историей, чувствует себя охотником, ступившим на хорошо различимую звериную тропу. Тут куда ни пойдешь, откровение для «первопроходца». Да и природа не жалеет красок, спешит удивить, заманить путешественников. Золотое жнивье. Ополе. Древняя житница Северо-восточной Руси. Из-за мягких, круглящихся холмов тянутся к небу высокие колокольни. Встаньте у обочины, взгляните в иссиня-белесый, золотистый воздух, и вы заметите прихотливый полет серебристых нитей паутин.

Попав в Суздаль, человек думает про себя, что после такого изобилия великолепных архитектурных сооружений ближайшие окрестности города ничем его не могут удивить. Но вот вам предложили побывать в Кидекше — это в пяти километрах от центра Суздаля, — и вы, увидев самый древний храм Северо-восточной Руси — церковь Бориса и Глеба, будете потрясены его строгой простотой и величием.

По Суздалью (в древности Суждалю, где раньше судили и куда ссылали опальных) нынче судят о нашем, советском, отношении к памятникам истории, к старине. Сюда добровольно готовы «сослать» себя миллионы туристов. Гостеприимство Суздаля поразительно. Здесь в летние месяцы ежедневно гостит людей столько же, сколько живет, — 12—14 тысяч. А после того как будет полностью осуществлено постановление Совета Министров СССР и Совета Министров РСФСР о создании в Суздале первого в стране туристского комплекса, город сможет принимать гостей вдвое больше.

Отобедав в Суздале, наш экипаж мимо Спас-Евфимьевского монастыря устремился к Иванову. Не в таком уж далеком прошлом (в сравнении с возрастом Владимира и Кидекши), в XVII веке, Иваново упоминается как село, производящее холсты. В конце прошлого века Иваново-Вознесенск — центр текстильного края. В 1905 году здесь в ходе политической стачки возник Совет уполномоченных — первый Совет рабочих депутатов. В Иванове старожилы, экскурсоводы Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, покажут места первых маевки, дома, в которых были конспиративные квартиры и подпольные большевистские типографии.

На реке Талке, там, где в далеком 1893 году ивановские текстильщики впервые подняли на высокую стройную сосну алый флаг рабочей маевки, мы возложили цветы к подножию обелиска, сооруженного в память о первом в этих краях организованном выступлении рабочих.

Из Иванова направились в Шую. Древнее ядро города расположено на высоком холме, и венчает его величавый шпиль соборной колокольни, отчего весь город кажется устремленным ввысь, особо привлекательным. У этого города заслуженная боевая рабочая слава. Многие в Шую напоминают о выдающемся деятеле большевистской партии, талантливом полководце Михаиле Васильевиче Фрунзе.

Да и древность Шуи заслуживает уважения. Шуяне мужественно бились на городских валах, защищая кремль и посад. При Иване Грозном отсюда вышел полк на взятие Казани. За отвагу и храбрость воинов царь пожаловал Шую опричнину и три водяные мельницы.

При Петре Великом Шуя была торгово-промышленным городом, изделия которого шли даже за границу. Из кож, вырабатываемых здесь, шили амуни-

цию для русской армии. До наших дней сохранился воеводский дом, в котором останавливался царь Петр. Интересно, что шлюзы на реке Тезе построены личным повелением Петра.

Екатерина II «пожаловала» в герб города... кусок мыла. Будто не нашлось в истории города символа, более близкого к существу ратных и трудовых дел шуян.

Палех остался в стороне. Из Шуи, как и было намечено, двинулись в сторону Кинешмы (впрочем, совсем нетрудно, имея в запасе полдня, из Шуи сделать рейд в Палех, осмотреть палехские музеи, полюбоваться древним, на редкость красивым селом). Сильно выщербленная, с ухабами каменка от Шуи до Вичуги сдерживала пыл водителя. Но медленная езда позволяет пристально вглядываться в лица нынешних российских деревень. Остановки, даже вынужденные, подарили нам запомнившиеся на всю жизнь встречи с прекрасными людьми.

А какое молоко у добросердечных хозяек в деревнях Михалево и Новички! Какая прелесть — деревянное кружево наличников! Как ладно срублены дома в ивановских деревнях! Сколь мудро строились деревни! Один дом незримо зацеплен за другой, а вся улица, встающая перед глазами за золотистым ржавым жнивьем, словно серебряная цепочка, протянувшаяся между лесом и полем.

Вичуга. В тридцатые годы нашей советской эпохи имя этого города не сходило с газетных полос. Тогда в Вичуге, на фабрике имени Ногина, ставили рекорды производительности ткачихи-многостаночницы Дуся и Маша Виноградовы. В 1935 году Виноградовы стали обслуживать по 208—216 ткацких автоматических станков. Нормой считалось 30—40. Разве не интересно попасть в такой город! И мы гордились тем, что попали в него, следуя дорогами истории в поисках замкнутого маршрута.

В Кинешме «Москвича» поставили на паром и поплыли в Заволжск. Едва расставшись с волжским городом-легендой, мы въехали в лесную сказочную страну — страну берендеев. В двадцати четырех километрах от Заволжска находится Щельково — творческая мастерская великого русского драматурга А. Н. Островского. Творческая мастерская его — это и кабинет писателя, и бескрайние леса Заволжья, и тихие речки Куекша, Сеньдега, Мера, и Ярилина долина, где бьется Снегурочкино сердце.

Оказавшись в Заволжье, в центре лесного Костромского края, мы стали искать пути, ведущие в областной центр, в Кострому, от которого рукой подать до Ярославля. А там Ростов, Переславль-Залесский, Загорск и Москва. Когда маршрут на Кострому, идущий через Островское и Судиславль, был намечен, стало ясно, что кольцо замкнется. Да как! Две мощные туристские реки — Ростово-Ярославская и Владимиро-Суздальская, пополнившись достопримечательностями Ивановской и Костромской областей, слились в один нескончаемый поток.

Три дня в Костроме пролетели как один миг. Полный день ушел на огромный и интереснейший музей-заповедник, расположенный в Ипатьевском монастыре. Русское деревянное зодчество, богатейшая коллекция народного декоративно-прикладного искусства, фрески Гурия Никитина и Силы Савина в главном Троицком соборе Ипатьевского монастыря, этнографическая коллекция, увлекательнейший отдел природы и, наконец, уникальное собрание насекомых, завещанное костромскому краеведческому музею Иваном Михайловичем Рубинским — костромичом, посвятившим свою жизнь изучению насекомых, обитающих на земле.

Нижний Новгород, Кострома, Ярославль — эти славные волжские города сыграли выдающуюся роль в освобо-

дительном движении 1611—1612 годов. Нижний Новгород дал России Кузьму Минина. Костромская земля возвышена подвигом Ивана Сусанина. Бурные события смутного времени не раз переклестывали через высокие крепостные стены Ипатьевского монастыря, ставшего в конце концов первой резиденцией избранного на царство Михаила Романова. Ранней весной 1613 года в монашеской келье Ипатьевского монастыря, как о том свидетельствует историк С. М. Соловьев, именитые послы «молили и били челом Михаилу и матери его с третьего часа дня до девятого». Здесь принял шестнадцатилетний царь посох от архиепископа.

И, наконец, Ярославль, ставший главным пристанищем ополчения Минина и Пожарского перед выступлением народного войска для очищения Москвы и земли русской от интервентов. (Сюда мы попали, преодолев легкий шестидесятикилометровый отрезок отличной шоссе-дороги).

Город основан Ярославом Мудрым в 1027 году. Ярославль сохранил для нас «Слово о полку Игореве». В 1750 году здесь основан первый русский театр. Тот, кто хотя бы однажды пройдет по Волжской набережной Ярославля, полюбит навсегда этот удивительно стройный и красивый город.

Путешественники и в прошлые века, и в наше время никогда не обходили своим вниманием Ростова Великого. Здесь так же, как и в Суздале, создается ныне всесоюзный туристский центр. Русское строительное искусство, знаменитые фрески ярославской школы, малиновый звон ростовских колоколов, думается, известны хотя бы понаслышке каждому.

Следующий пункт по дороге к Москве — Переславль-Залесский, город, основанный Юрием Долгоруким. Город молодости и мужания военного таланта Александра Невского. Город, где родился русский флот. Плещеево озеро

стало колыбелью его славы. Здесь в 1688—1693 годах царь Петр построил «потешную флотилию». Сбереженный до наших дней ботик Петра живо напоминает о том времени.

Загорск, Абрамцево — эти места хорошо знакомы туристам, поклонникам искусства, знатокам старины. Но в том и был интерес нашего путешествия, которое завершилось в Москве у станции метро «Проспект Мира», где мои спутники покинули «Москвич», пробежавший за неделю двухтысячекилометровый путь, что и эти «близкие», хорошо известные места осветились новым светом, вошли в наше сознание как неотъемлемые составные части единого образа России.

Название «Золотое кольцо» пришло не сразу. Нужно было сдавать в редакцию написанный очерк, а все еще не ясно было, как я его назову. «Кольцо русских городов»? Чего-то здесь не хватает. И вспомнились ясные, с изморозью ноябрьские дни, сияние золотых куполов Владимира, синь неба, видения монастырей-крепостей, могучие, поистине золотые современные заводы Ярославля и Кинешмы, Костромы и Иванова и сказались эти два слова — «Золотое кольцо».

Так возникло ставшее теперь столь популярным у туристов название. Так называлась и научная экспедиция, которую летом 1968 года отправил Центральный совет Всероссийского общества охраны памятников для детального изучения маршрута. Экспедиция наметила многочисленные ответвления от основной трассы «Золотого кольца». Сегодня утвердилось, что в систему маршрутов «Золотого кольца» входят «Малое волжское кольцо» (Ярославль, Тутаев, Мышкин, Углич, Борисоглебск, Ростов Великий, Ярославль) и Юрьев-Польской, Плес, Приволжск, Дунилово — места отдыха в лесах, на воде и вблизи воды, традиционный приют художников, почитателей природы; по-

ездка по традиционным центрам художественных промыслов (Гороховец, Вязники, Холуй, Палех). Летом шестьдесят девятого в Ярославле состоялась конференция, обсудившая весь комплекс проблем освоения «Золотого кольца». Сейчас идет будничная работа: строятся гостиницы, реставрируются памятники, реконструируются дороги, возрождаются угасающие кое-где народные промыслы, налаживается производство сувениров. По предварительным расчетам «Золотое кольцо» ежегодно будет служить двум миллионам туристов!

А сколько их сегодня? Около полумиллиона туристов уже принимает в течение года Владимиро-Суздальский заповедник, столько же — Ярославско-Ростовский. Каждый день сотни экскурсионных автобусов, туристских поездов, тысячи «Волг», «Жигулей», «Москвичей», «Запорожцев» выходят на туристскую орбиту «Золотого кольца». Многих вам «дивных впечатлений», «чудных замыслов», «поэтических грез»!

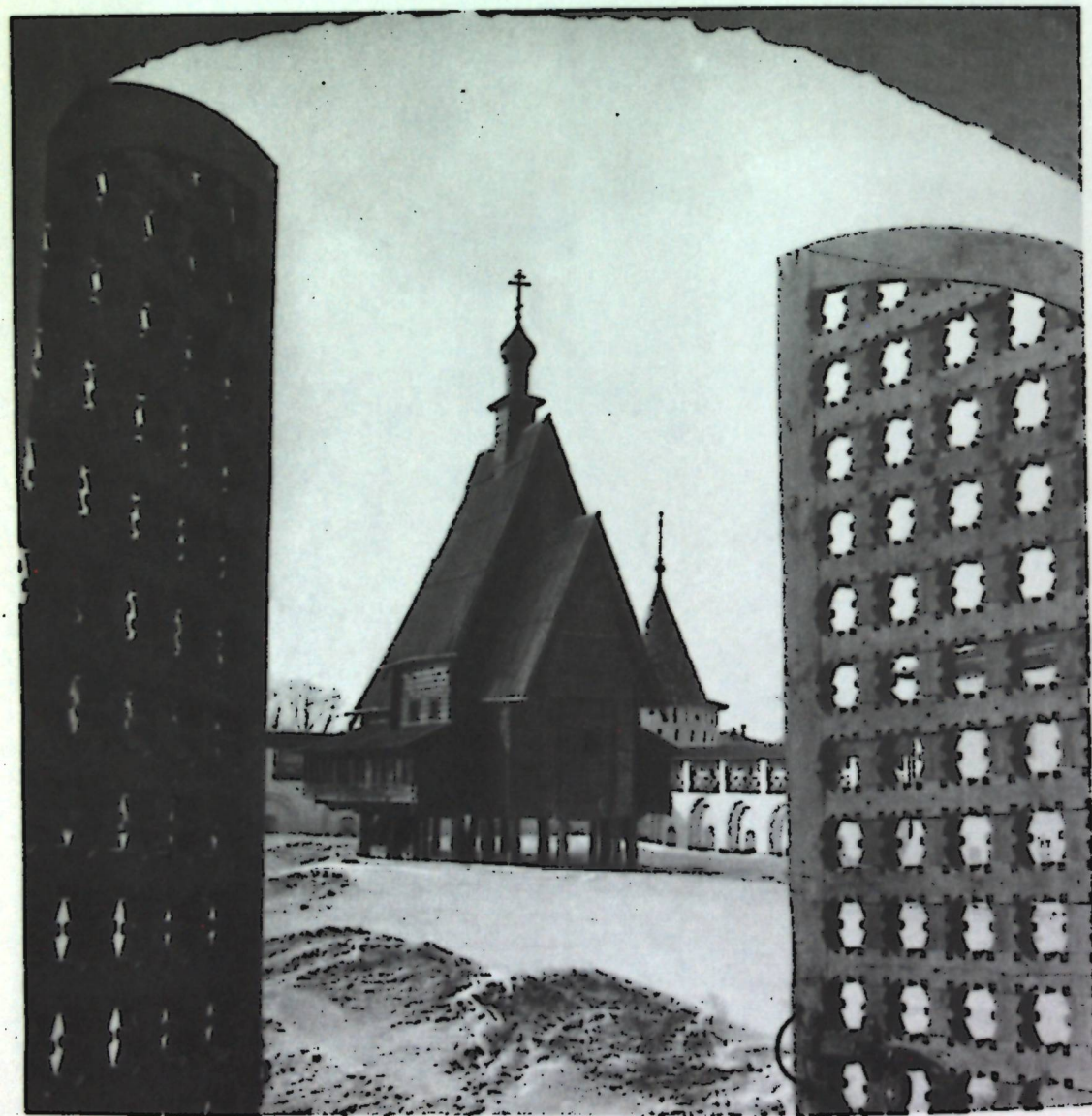
Юрий Бычков

Церковь Покрова на Нерли —
самый поэтический храм в России

Древние церкви — свидетельства талантливости русских мастеров

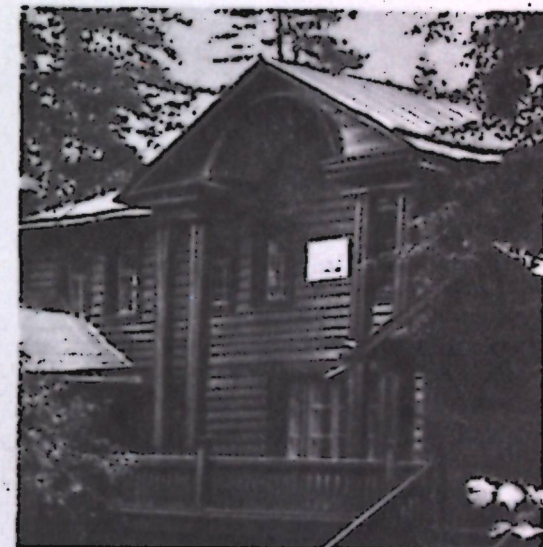

*Пушкинские Горы
Любимая скамейка Льва Толстого*

*Домик Лермонтова в Тарханах
Имение Тургенева в Спасском-Лутовинове
Дом А. Н. Островского в Щелыкове
Дом Есениных в Константинове*

Раздолье зимой на лыжах!

Грачи прилетели...

Далекое и близкое

1 октября 1639 года Иван Москвитин со своими товарищами — томскими и красноярскими казаками — отправился в первое путешествие по дальневосточным меридианам. Спустя три с лишним столетия то же самое предстоит сделать и нам, группе туристов, приехавших сюда из разных концов страны.

Конечно, три века назад еще рано было говорить о туризме, и первые русские землепроходцы, вышедшие к дальневосточному морю в 1639 году, едва ли занимались этим ради развлечения. Но в каждом человеке заложено стремление к познанию нового.

Правда, вместо утлых деревянных кочей, управляемых парусом и ветром, к нашим услугам красавец теплоход «Владивосток», с первоклассными каютами и музыкальным салоном, оранжевой, защищенной от ветров надежными стеклами, уютным баром, который помогает скрасить однообразие ненастных дней.

Нужно сказать, что, еще не начав путешествия, мы уже понимали: отдых будет настоящим. Я говорю не только о комфорте на судне. Само по себе путешествие морем — это великолепно! Мне думается, что билет на туристский теплоход может вполне конкурировать с путевкой в дом отдыха.

Наш корабль пока стоит у пристани. Внутренне я уже приготовился к путешествию по дальневосточным меридианам. Я стал туристом. Но не обычным, а морским туристом. И мир, который

откроется передо мной в этом походе, тоже не обычен: мир Тихого океана.

Итак, в путь! Нас зовет морская туристская тропа!

К Курильским водопадам...

И на вулканы Камчатки...

В горном Приморье нас встретят автобусы. Там путь на Сихотэ-Алинь...

Зеркальный песок океанского пляжа скроет наши следы...

Мы будем пробиваться сквозь заросли бамбука на Кунашире. К вулкану Менделеева...

И собирать диковинный урожай с океанских огородов — морскую капусту...

И обдирать ладони о камни, чтобы сфотографировать на память этот необычайный пейзаж...

И ловить рыбу прямо из океана...

И встречать рассвет на самой кромке планеты...

Корабль и солнце. Два символа, которые очень точно определяют: Приморье, Дальний Восток. Страна начинающегося дня, и страна океана.

А пока — Владивосток. Этот памятник высится у главного въезда, на дороге, идущей из Хабаровска: ветры всех широт наполняют паруса корабля, волны всех морей омывают его стальные борта, солнце всей земли освещает его по утрам. И едва переступив невидимую черту, за которой начинается город, невольно начинаешь чувствовать себя ну если не моряком, то хотя бы чуть-чуть имеющим отношение к морю.

Отсюда и мы начнем свое путешествие.

Тоже с корабля. Однако немного терпения: от въезда в город (корабля-памятника) до собственно Владивостока — 28 километров. По сторонам машины бегут зеленые километры. Мелькают деревья, знаменитые приморские дачные места. Летом здесь царствуют пионеры. Остается место и взрослому населению — для них санатории, дома отдыха, дачи...

И вдруг дорога со всего маха влетает в город.

Стоит ли говорить о темпах, размахе строительства во Владивостоке, оперируя многозначными числами? Достаточно назвать «бывшие» имена новых районов. Капустное поле. Аэродром. Вторая речка. Все это было настолько недавно, что люди еще не успели забыть старых названий.

Владивосток пользуется популярностью не только у туристов. Вглядитесь внимательно в афиши. Здесь можно познакомиться и с киевлянами, и с москвичами, и с темпераментными представителями Кавказа... Но нужно спешить! Времени у нас мало. Ждет океан.

Порт. Здесь кончаются улицы Владивостока и начинается второй город — город на море.

Последнее здание на земле. Морской вокзал. Он словно узел, связавший вместе океанские и земные пути. Отсюда дороги разбегаются во все концы планеты.

Последние приготовления к рейсу. На белоснежное «лицо» нашего парохода ложатся последние мазки косметики. Умные приборы — радиолокатор и пеленгатор — проходят последнюю инспекторскую проверку.

И вот мы в море. Впереди маячит алый стяг на мачте китобойца. Владивосток — родина этого мужественного промысла. Этот небольшой юркий кораблик — сгусток огромной энергии. Физической и духовной. Стальные борта, мощная гарпунная пушка, сильная машина. И мужество, упорство, настойчи-

вость — компоненты, которые не поддаются обычному цифровому обсчету. Зато результаты их действия весьма ощутимы. Конечно, такая бывает удача. Порой исходишь тысячи миль — и ничего. Напрасно марсовый качается на мачте в «вороньем гнезде», напрасно шарят по горизонту глаза бинокля. Ни фонтана!

И наконец:

— Есть!

Следуют слова команды, румбы, направления, и вот уже китобоец полным ходом «жмет» за добычей. Напрягся гарпунер. Кажется, сейчас он сам вылетит за борт вместе с капроновым линем, гранатой и семидесятикилограммовым гарпуном. Кит ближе, ближе... Совсем близко! Хлопает выстрел.

Потом убитого кита накачивают воздухом и ставят на флаг, чтобы не потерять. После охоты, «насытившись», китобоец собирает добычу. С трудом веришь, что эти горы только что резвились в океане.

Китовое мясо, китовый жир, китовый ус... Витамины. Целая фабрика витаминов! Обо всем слышал, читал в занимательных книжках, видел в кино. Но сейчас стал свидетелем необыкновенного! Любопытна история китового уса. Собственно, это никакие не усы, а зубы. Кит «синтетику» стал применять значительно раньше человека. Вместо обычных зубов, какими обходятся, например, кашалоты, усатые киты «придумали» себе заменитель: мягкие роговые пластины, расположенные в полости рта. Так сказать, усы «внутри», через которые кит выдавливает трехтонным языком воду, оставляя в пасти миллионы крошечных рачков.

Когда-то мода едва не стоила жизни всем китам. Их усы очень уж привлекали модниц. Упругие, эластичные пластины использовались во многих деталях женского туалета. Китами пришлось худо. Потребовалось специальное вмешательство мужчин, чтобы положить

конец варварскому истреблению усатых обитателей океана. Сейчас легче. Сейчас нет такой острой нужды. Выручает синтетика.

Что ни миля — новое знакомство. Правда, этот «зверь» поменьше: кому не известен вкус королевских крабов! Только вот обращаются с ними вовсе не по-королевски...

Ранним утром от бортов огромных плавающих заводов тихо отваливают небольшие мотоботы. Это отправляются на промысел краболовы. Неслышно опускаются в воду сети, вырастая на пути крабовых полей непроходимой стеной. А через несколько часов «коронованные особы» уже почти готовы к употреблению. Надо сказать, вкуснее всего краб, сваренный в морской воде.

Новое открытие: икра знаменитых дальневосточных лососей. Если киты — золотые слитки океана, то икра лососей — его золотые россыпи. Вот они, на ладонях человека, переливаются прозрачностью янтаря.

Добыть их — штука нехитрая. Особенно теперь, когда повсюду торжествует техника. Главное — сохранить. Сделать так, чтобы из каждой икринки выросла золотая рыбка.

Давайте ступим на сушу. Тем более, что сделать это, в общем, довольно не сложно: туристские маршруты гибки. Наше путешествие по приморской земле начнется с Артемовской электростанции, энергетического сердца Приморья.

А эти замысловатые переплетения металлических деталей явно «отдают» Вселенной. Так и есть: агрегат — один из приборов Дальневосточной станции службы Солнца. Отсюда, из далекого таежного пункта, ученые отправляют результаты своих наблюдений в Москву.

Чуть дальше от шоссейной дороги — тайга. Она начинается чуть ли не у самой кромки океана и уходит вдаль, ширирь, взбирается на крутые склоны

Сихотэ-Алиня, прячется в глубокие распадки.

Такой встретила нас дальневосточная тайга.

Это, конечно, не значит, что в ней перевелись тигры или, скажем, медведи. Ничего подобного! Поезжайте в Иман, найдете тигроловов — они вам все расскажут. А если придется по душе, и возьмут на охоту. У них каждый тигр на учете, у каждого есть имя, и охотники всегда в курсе дел, которыми занимаются их «подопечные».

Когда-то этими тропами ходили Пржевальский и Арсеньев. Сегодня шествуем мы. Здесь добывают олово и свинец, цинк, серебро... Здесь выросли поселки, которые не сегодня-завтра станут городами. Такие, как Тетюхе...

Мощные горнообогатительные комбинаты навечно вписались в пейзаж «Приморской Швейцарии». Трудно теперь представить ее склоны без аккуратных белых корпусов.

И вот мы снова у моря. Есть в Приморье город, название которого как нельзя более точно определяет самый его характер. Находка. Действительно, находки на каждом шагу. Прежде всего, огромное количество иностранных кораблей. Британия, Греция, Япония, Голландия...

Здесь привыкли встречать. Встречают в интернациональном клубе моряков.

Встречают на причалах и пирсах порта. Радущия горожанам не занимать. Морская дорога — главная артерия, по которой вливаются в Магаданскую область жизненные силы. Льды здесь настолько крепки, что порой даже такому мощному кораблю, как флагманский ледокол «Москва», не под силу справиться с ними «в лоб». И тогда на помощь приходят самолеты. Крыло чертит замысловатые узоры в воздухе — пилот ищет малейшую щель в ледяном панцире. Туда будет направлен корабль. Один, второй, целый поезд. Караван судов выходит на чистую

воду. Теперь можно идти прямо, без задержки... до очередного ледового поля.

Ночью и днем горят огни в Арктике. Но кончился морской путь. Начинается Большой Колымский тракт.

Крутыми перевалами, коварными склонами петляет путь по сопкам Колымы. Приложите ухо к полотну дороги — услышите немолчный гул, словно работает под бетонной подушкой мощный механизм. Идут машины. Куда спешит дорога? К каким неведомым местам приведет она?

Шагнув через реки вместе с высоковольтными опорами, она откроет золотое дно. Да, в самом прямом смысле! Светится ночной иллюминацией золотой завод. Работает драга. Это фабрика драгоценного металла. Тысячи кубометров породы проходят через ковши экскаваторов, тысячи кубометров воды промывают землю.

И вот результат — золото. Порой природа бывает весьма щедрой. Тогда фотографы спешат запечатлеть самородки и торопливо ищут спичечные коробки для сравнения. Но случается это не часто. Всякий раз такая находка — большое событие.

И снова наша дорога спешит вперед. И вверх. Она пролегла по облакам: винт вертолета стрижет холодный воздух. Дорога приводит в стойбище, к оленеводам.

Сотни километров тундры — путь оленьих стад. Зимой в мороз, летом по топкой тундре. Взгляните: это святая святых чукотской тундры. Если спросить у чукчи о смысле жизни, он, верно, покажет на фигурки, вырезанные из кости оленя или моржа. Жители Уэлена — народные художники России. Теперь на Камчатку. В страну вулканов и вечного тепла.

В страну геологов, рыбаков, оленеводов.

Авачинская бухта. Вторая в мире по величине. Обычно добавляют, что она

может вместить весь военный флот мира.

Бухта, точно, грандиозна. Гигантская подкова, в которой тут и там, как шляпки гвоздей, торчат головы вулканов. Надо сказать, головы довольно буйные. Иногда они поднимаются из воды, и тогда сейсмографы работают вовсю: регистрируют землетрясения. Тот же вулкан Авачинский. Называют его здесь довольно безобидно: сопка. Так вот, эта сопка время от времени напоминает о своем существовании городу, который находится от нее всего в пятидесяти километрах. Порой напоминания бывают довольно бурными.

Это — в необычные дни. А в обычные к кратеру совершают увеселительные прогулки даже школьники. Я имел счастье побывать на вулкане. Ничего особенного. Вулкан как вулкан. Классической формы. Специалисты говорят — типа Везувия. Кстати, он не уступает итальянцу и в темпераменте, хотя живет на севере.

Рядом — Корякский. Этот — «пенсионер», молчит. Слева, если входишь в бухту, задумчиво уставился в небо Вилчинский вулкан. Возле него бухта-тезка. Спокойная, красивая, под пару вулкану.

Всего на Камчатке 128 вулканов. Активных — одна пятая. Но и этого вполне достаточно. Многие годы молчавший вулкан Безымянный начал как-то вдруг извергаться. При одном только первом взрыве выделилось такое количество энергии, которое Куйбышевская ГЭС может выработать за... 3600 лет!

Удивительная страна Камчатка! Природа обделила ее солнцем, зато много тепла запрятала в ее недра. По всему полуострову растеклись подземные горячие источники. Одни довольно спокойны, другие весьма норовисты. Это гейзеры, уникальные создания природы. Как и вулканы, они извергаются. Но только кипятком. И через строго определенные промежутки времени.

Можно проверить часы. И варить картошку.

Картошку, к сожалению, нам варить не пришлось: на пароходе позаботились об экскурсантах и снабдили их отличными завтраками. Но зато мы побывали там, где построена первая в нашей стране электростанция на подземном тепле. Это в долине реки Паужетки, на западном побережье полуострова. Другая — на восточном — будет построена на подземной энергии горячих Больше-Банных ключей.

Щедрая природа повсюду здесь создала круглогодичные купальни. Ощущение ни с чем не сравнимое: ванна в снегу! Здорово.

В знаменитой Долине гейзеров в реке можно купаться в самый лютый холод: температура вполне сносная.

Совершенно не укладывается в мозг: снег, кипиток, зеленая трава... И все на каком-то «пятачке» в несколько квадратных метров.

А знаете ли вы, что лосось — один из рекордсменов мира по прыжкам в высоту? Инстинкт продолжения рода вселил в нее силы, она идет на нерест вверх по течению через перекаты, пороги, иногда переползая по земле. Такова биология лососевых, золотых россыпей Тихого океана. В это время река сплошь запружена рыбой. Лососи отложат икру и затем погибнут.

Сейчас на Дальнем Востоке созданы десятки рыбных «родильных домов» — рыбозаводов. У специально устроенных плотин люди вылавливают идущую на нерест рыбу, извлекают из нее икру, а затем над будущим потомством берет шефство человек. В специальных бассейнах, таких мальковых пансионатах, крошечных рыбешек кормят, оберегают от болезней, пока они не обретут способность к самостоятельной океанской жизни.

Рыба — «хлеб» Дальнего Востока. Океанский сейнер, запечатленный на фотоснимке, принадлежит рыболовец-

кому колхозу имени В. И. Ленина. Это крупнейшее из коллективных хозяйств страны. Уже сейчас его годовая добыча достигает полумиллиона центнеров. Правление колхоза — на берегу Авачинской бухты. А «угожья» — миллионы квадратных миль Тихого океана и Охотского моря. Воды, омывающие Курильские и Командорские острова. БМРТ ходят в Индийский океан.

Когда-то на Камчатке существовал лишь один способ добычи рыбы — прибрежный, или пассивный. Рыбаки выставляли сети неподалеку от берега и ждали улова.

От прибрежного промысла не отказываются и теперь. Так добывают все того же знаменитого дальневосточного лосося.

Никакие другие орудия кроме ставного невода применять нельзя. Иначе это называется браконьерством.

Все прочие породы рыб добываются активным способом. Сельдь, камбала, окунь, минтай... Активный лов — это многомесячные походы в океане, трудная борьба со стихией. Когда шторм превращается в ледяной дождь, а дождь — в панцирь, сковывающий корабль, тогда вся надежда на силу в руках, на мужество в сердце и на великую любовь к жизни.

Наша туристская тропа приходит в удивительную долину. словно гигантские сахарные головы, высятся остроконечные каменные столбы. Люди возле них кажутся карликами. Если умудриться спилить такой столб и бросить его в воду, на нем... можно плавать. Столбы не тонут! Их тела из самого легкого в мире камня — пемзы. Долина реки Паужетки не только родина первой геотермальной электростанции, но и самых «невесомых» камней.

А вот «медвежий угол» в самом прямом смысле слова.

Хорошо, если у вас окажется с собой сахар. Тогда дипломатические отношения с подрастающими представителями

косоплотового племени можно считать установленными.

И это — тоже Камчатка. Прямо на вас бежит собачья упряжка. С дороги! В сторону!.. И нарта умчится дальше, обдав вас снежным, чистым дыханием тундры.

Собачий поезд, пожалуй, основной вид транспорта в камчатской тундре. Правда, назначение собак не исчерпывается лишь одними транспортными функциями.

Псы — отличные охотники. Они выводят на след зверя своего хозяина. Да и шкурки зверей, что стали добычей охотников, тоже попали человеку в руки не без помощи собаки.

Много удивительного, необыкновенного в жизни современной тундры. Жаль, что не каждому достанет смелости отправиться в далекое путешествие зимой. А зря!

Тундра — страна сильных. Так скажешь, глядя на обнаженных мускулистых парней, по пояс зарывшихся в снег. В борьбе выявится достойный. Кому-то из них подарит мисс Камчатка свою улыбку?

Мужают уже с такого возраста. Когда можно свободно пройти под... мордой оленя.

И тогда глубокий след лыжни, что петляет по тундре, становится дорогой твоей жизни.

Мы покидаем тебя, Камчатка. Время. Впереди еще большая дорога. Прощай, удивительная страна!

А теперь Сахалин. Часть суши, как пишется в учебниках географии, окруженная водой. Что же это за «часть суши»? Островитяне. Видно, не зря в туристский маршрут включена и эта тропа.

«Тропой» оказался бетонный причал огромного порта — первое, что встретило нас в стране робинзонов.

Город Корсаков, бодро взбирающийся на горки, которые и здесь называют сопками. Он наполнен запахом моря, пряным и пьянящим, солоноватым и

ветреным. Технический прогресс перешагнул через Татарский пролив. Он представлен здесь тракторами и кранами, комбайнами, сложными машинами. Сахалин называют островом сокровищ, но чтобы достать их, нужна техника.

Столица острова Южно-Сахалинск. Его сокращенно называют «Южный». Ровнехонькие улицы под охраной зеленых солдат-деревьев, белые прямоугольные «черемушки», совершенно изумительный парк — таким запомнится нам Южный.

Зимой Южный скорее похож на «Северный». Пурга наваливается на крыши, подпирает стены домов, укутывает улицы пушистыми белыми мехами. Из-под снега порой бывают видны только трубы.

А в сахалинской тайге вырастают гигантские грибы.

Сплошные контрасты: снеговые горы и фруктовые сады.

Но снег приносит не только неудобства. Буквально на окраине Южно-Сахалинска, в полчасе ходьбы по одной из крутых дорожек, прижался к склону горы Российской целый спортивный городок. Это Горный воздух. Сегодня этот спортивный центр знают во всей стране. Каждую зиму он принимает у себя сильнейших горнолыжников. Здесь проходят традиционные соревнования прыгунов с трамплина и слаломистов.

Лето — сезон туристов. Их много на Сахалине.

Остается за спиной гостеприимный Южный. Вечер окутывает дома.

И только светятся в ночи ярко освещенные витрины.

Дорога идет в горы и в тайгу.

Отсюда десятки тысяч кубометров древесины уходят на сахалинские целлюлозно-бумажные комбинаты. А с острова на материк пароходы увозят огромные рулоны, на которых выведено: Макаровский ЦБК, Долинский ЦБК, Холмский... Кто знает, не на сахалинской ли бумаге написаны эти строки!

Природа подарила острову многие кубометры угля буквально у самой поверхности. Стоит экскаватору вскрыть небольшой слой почвы — и перед вами «чёрный континент», в который упрятаны тысячи, миллионы калорий тепла. Недолгий путь из карьера — и они приведут в движение мощные турбины электростанций, лопасти корабельных винтов, дадут тепло городам.

И наконец, вершина сахалинской короны. Север острова. Здесь резервуары нефти.

Столица нефтяников острова — город Оха — встает в утренних лучах скупого северного солнца. Летом здесь царствуют ветры. Зимой — морозы.

Нефть, черная кровь земли, пульсирует в трубопроводах, и крошечные солнца сварочных аппаратов определяют ее надземный путь.

Сахалинская нефть — особая. Состав ее уникален. Здесь есть такие месторождения, нефть из которых можно заправлять в двигатели без всякой предварительной переработки. Из сахалинской нефти получают отличное трансформаторное масло, высококачественное арктическое топливо, которое не замерзает при низкой температуре, и еще массу полезных вещей. Не зря остров соединяется с материком второй ниткой нефтепровода, которая пройдет по дну Татарского пролива.

Дальневосточные острова — удивительнейшее явление природы. Здесь словно специально сконцентрировано необыкновенное, и просто диву даешься, как это им до сих пор удалось сохраниться. Впрочем, пойдете по ним вниз по меридиану.

Птичьи базары. Затерянные в верховьях Охотского моря, они не любят людей. Здесь живут сотни тысяч птиц.

Здесь с детства не знают страха. И, верно, потому так доверчиво юное поколение пернатого племени. И не только выстрелить — спугнуть не поднимается рука.

А потом нас приветствуют люди. Это хозяева Командор, тех самых знаменитых островов, у которых закончила свой путь экспедиция Витуса Беринга.

Я сказал: хозяева — люди. И ошибся. Люди здесь только хорошие друзья природы. Друзья драгоценных животных, что избрали местами летнего отдыха каменистые пляжи островов Беринга и Медного. Истинные хозяева — котикки. Здесь они чувствуют себя в полной безопасности, щеголяют в изысканных мехах, воспитывают потомство и, разумеется, не помышляют о пушных аукционах и прилавках магазинов. Острова спускаются на юг.

На юг плывем и мы. Открываем новые для себя земли, познаем неведомые стороны жизни.

Курильская гряда. Мимо проплываю океанские жемчужины. Островов много, и только специалисты знают их все. И как-то неожиданно выглядит знаменитый темперамент Шикотана.

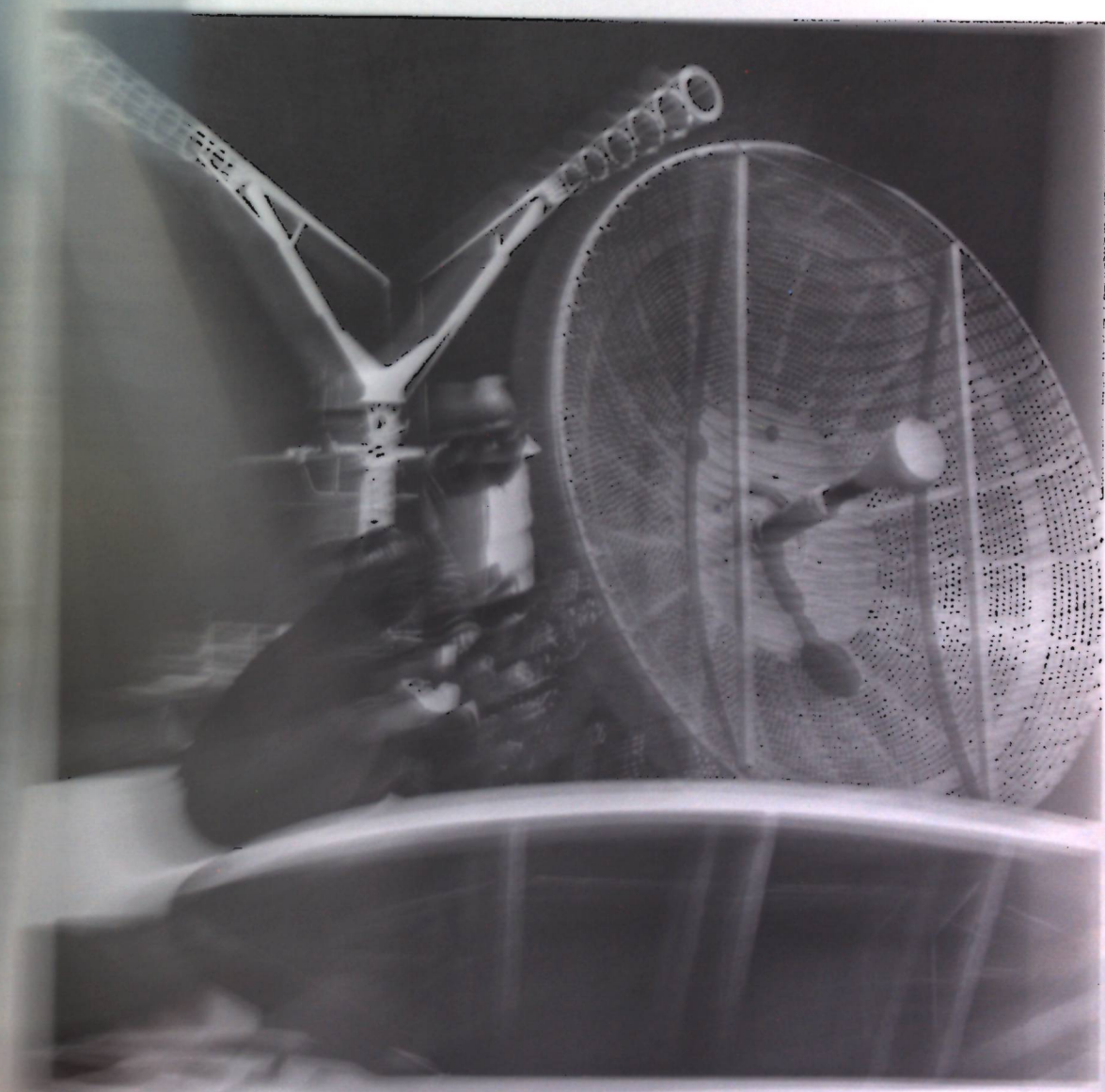
Лето буквально сочится из стволов деревьев. Эта земля так долго ждала солнца, настоящего, горячего солнца, что, когда оно приходит, земля терзает голову.

Деревья ложатся навзничь, истомленные ароматом курильского лета, их наполненные соком стволы нежно обвивают лианы...

Правда, порой жесткие штормы налетают на остров и на корабли. И не все корабли возвращаются в гавани. Это край для сильных.

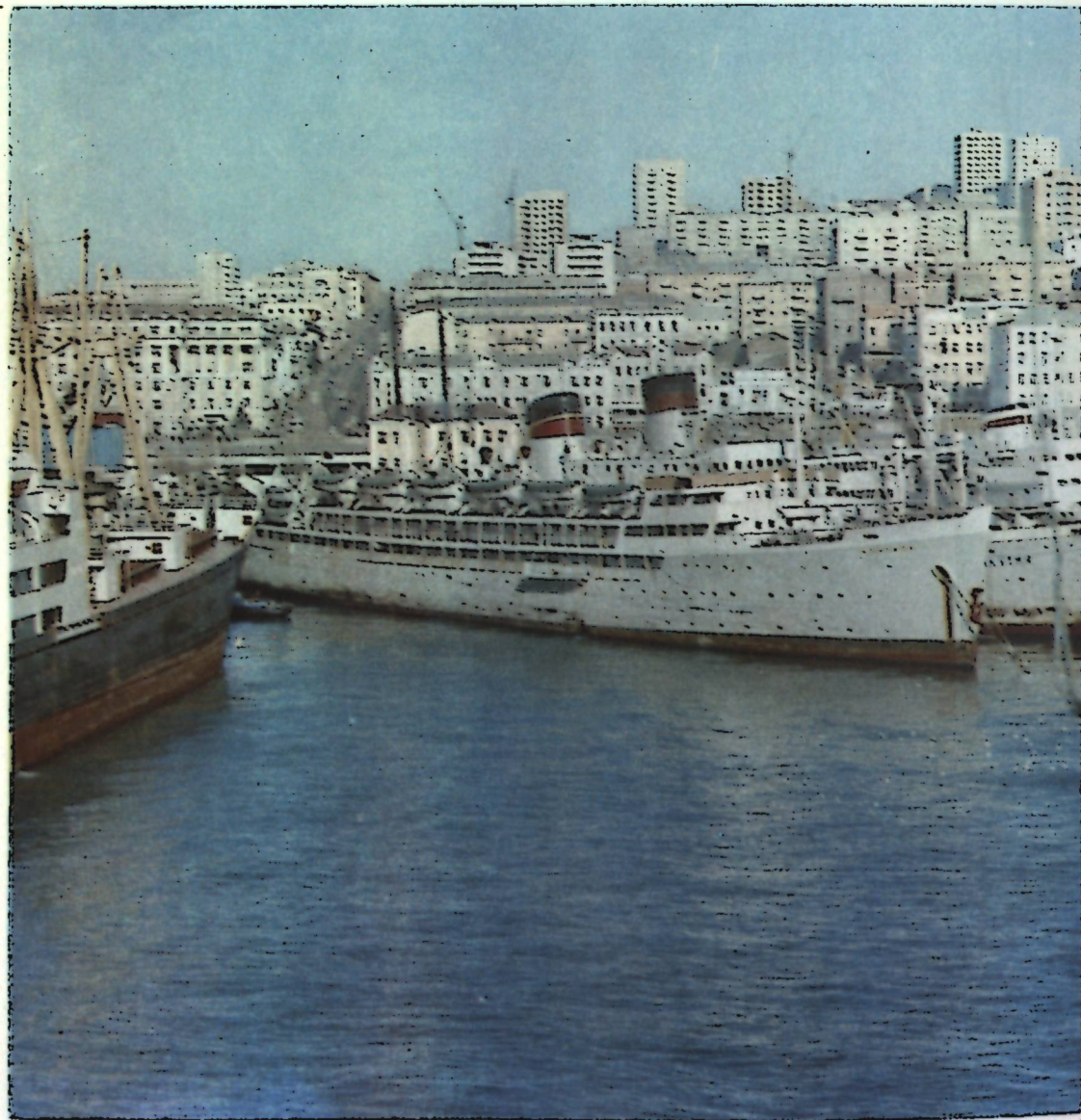
В самом конце путешествия вдруг становится обидно, что ты здесь — всего лишь турист. Ты оставляешь позади сияющий город в океане, который, в том, без тебя, будет жить своей неповторимой, полной неповторимости жизнью.

«Академик Королев» — научное судно

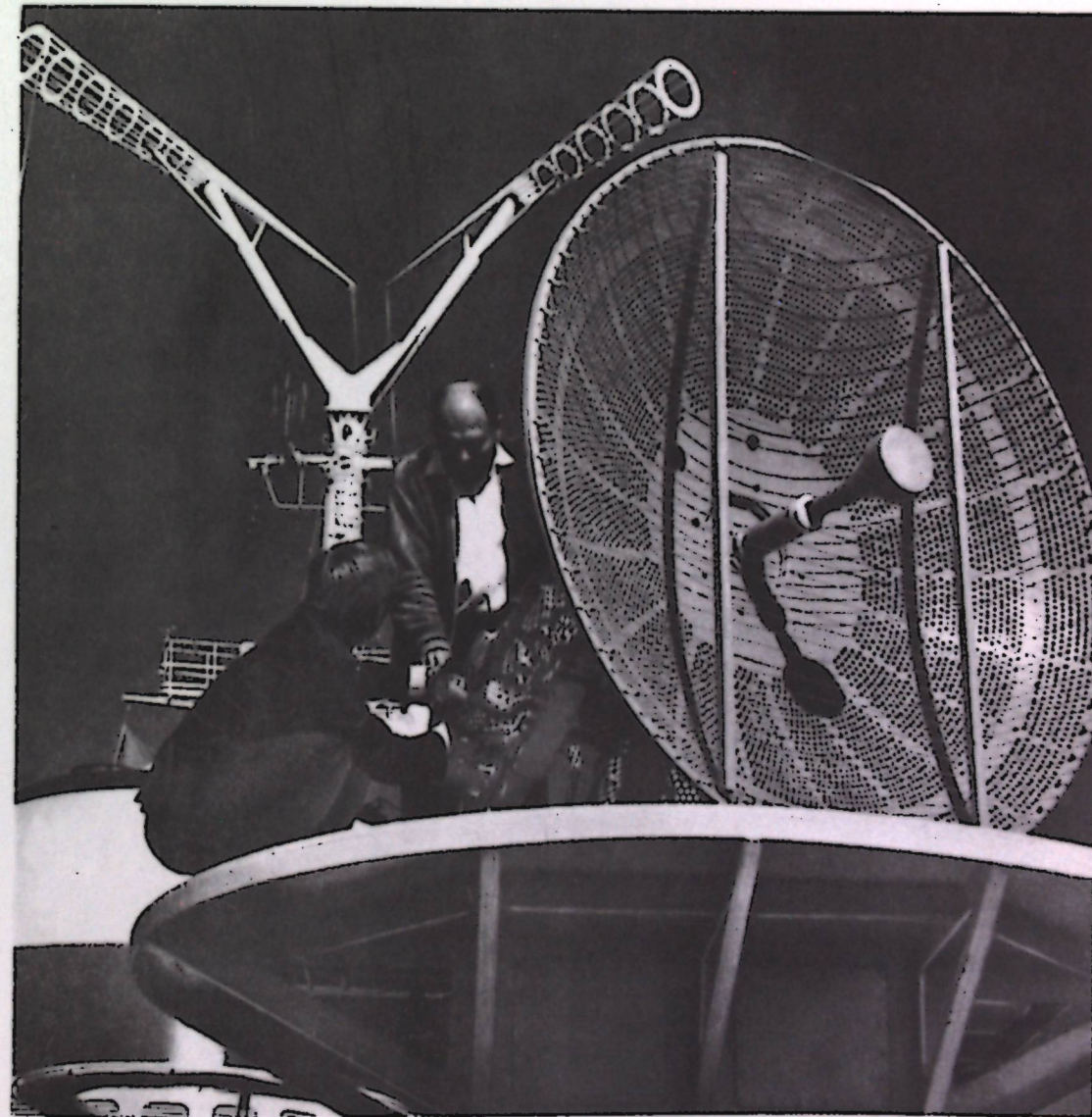

Владивостокский порт

«Академик Королев» — научное судно

Краболов

Сейнеры в море
Богатство дальневосточных вод

Охотник

Китобои
Амурский залив зимой

Национальная борьба

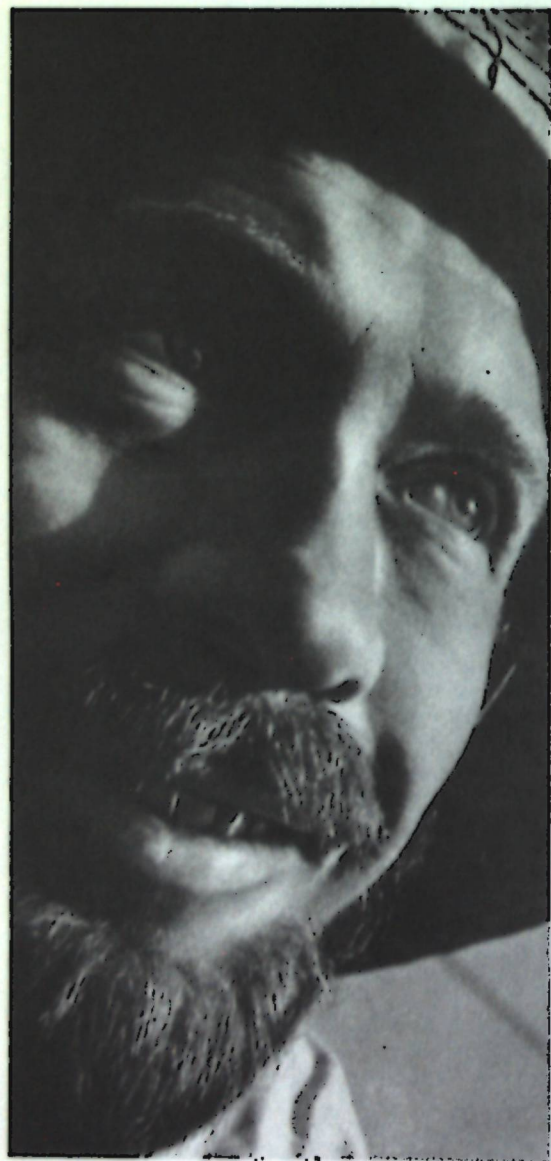

На промысел
Хозяйка тайги
«Схватка с волком». Резьба по кости.

«Медвежий угол» в самом прямом смысле

Под крылом — Камчатка

Разведчики недр

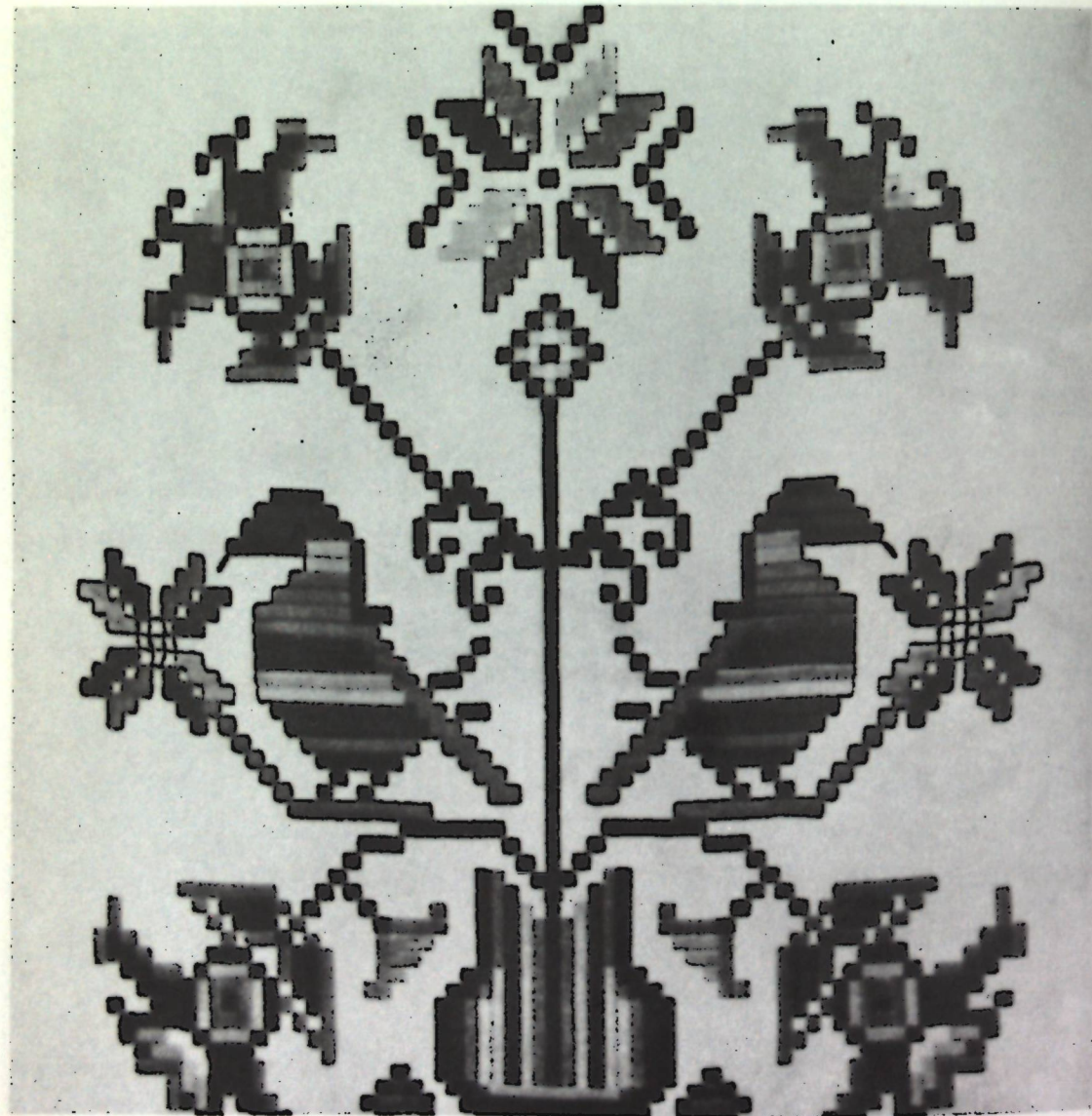

Заманчивые трофеи

Украинская ССР

ни, яблони, груши, благоухающий ковер трав: колокольчики, ромашки, лабазник, материнка, солнцесвет, редкостные фитеума, венерин башмачок — даже беглый перечень занял бы не один десяток строк.

Медоборы — неисчерпаемая сокровищница медоносных и лекарственных трав, которые можно заготавливать в промышленных масштабах. Не стоит забывать не менее ценные дикорастущие плодоягодные: шиповник, терн, алычу, кизил, боярышник, калину, рябину, лесной орех. И, конечно, малину, землянику, ежевику, различные грибы. Ими не менее обильны леса Подолии.

Стоят горы-медоборы. И люди издавна идут к ним не только за цветами и легендами. Разновидные толтровые известняки отличаются высоким содержанием карбоната кальция. Поэтому они стали незаменимым компонентом в производственных процессах на сахарных заводах, которыми особенно известна Подолия.

Если идти давним Черным шляхом от хуторка Горы Стрийовецкие или Гуляй-Поля к Збаражу, за подсолнуховыми полями вырастают высокие белые башни одной из строек девятой пятилетки — Максимовского известково-щебеночного завода. На первый взгляд сухие данные о его проектной мощности — 200 000 кубометров щебенки и 100 000 тонн известковой муки в год — ничего не говорят. Но стоит лишь вспомнить, что известковая мука — ценное минеральное удобрение для почв, и все станет на свои места: толтры работают на урожай. И не только в Максимовке. Заводские комплексы в Закупном, Нигине, Вербке, Приворотье и в десятках иных мест работают в помощь колхозным полям. А хлеборобам орденосных областей Подолии есть чем гордиться. Тысячи гектаров пахотных земель у подножия Медобор, несколько сотен —

на толтровых склонах. Стабильные урожаи, растущие с каждым годом прибыли. Сотни тракторов, комбайнов, автомашин — огромный машинный парк. А ведь всего тридцать-тридцать пять лет назад здесь стояли убогие западно-украинские села... Помещик, кулак, поп, жандарм — вся власть. Жестокий гнет, социальный и национальный, профашистского режима буржуазно-помещичьей Польши. Безысходная нищета, эмиграция в поисках куска хлеба в заморские страны...

Нет, суть не столько в новых домах, которыми сейчас застроилось село. И даже не в новой школе, Дворце культуры, магазинах, кафе, комбинате бытовых услуг, телевизорах и радиоприемниках в каждой семье и многих других вещах, ставших для нас само собой разумеющимися. Главное — люди. Новый человек села, поднятый, воспитанный и крепко поставленный на ноги родной Советской властью.

Об этом мне думалось в знаменитой Летаве Чемеровецкого района, взрастившей в своем ордена Ленина колхозе имени Ленина одиннадцать Героев Социалистического Труда, восемьдесят девять кавалеров орденов Ленина и Трудового Красного Знамени. Сюда приезжают много гостей. Поделиться опытом, позаимствовать лучшее, а еще чаще — просто увидеть своими глазами новое село, встретиться с его людьми. Характерно, что бронзовый бюст Героя Социалистического Труда Д. В. Бойко, установленный на центральной площади, воспринимается не только как высокая награда талантливому колхозному вожаку, но главным образом как дань великой признательности человеку-труженику, руками которого делается Хлеб.

В путешествии по толтрам маршрут привел меня в Нигин, что возле Каменца-Подольского. В созданном здесь сельском краеведческом музее собраны потрясающие своей обыденностью и

всеобщностью документы. 1929 год... В Нигине создается колхоз. Его называют очень просто — «Освіта» («Просвещение»). Не многозначителен ли сам смысл названия, не с «освіти» ли в первом в мире государстве рабочих и крестьян началась огромнейшая культурная революция, подобной которой не знает история? За стеклом стендов — первые артельные документы, написанные химическим карандашом на листочках ученических тетрадок, первые фотоснимки весеннего сева на обобществленной ниве: понурые лошади, однолемешные плужки, мотыги, лопаты. Рядом — портрет председателя комбеда и организатора колхоза В. С. Навроцкого. Под ним подпись: «Убит кулаками». Заканчивается музейная экспозиция сегодняшним днем села. Дипломы, медали ВДНХ, рассказ о лучших тружениках колхоза «Коммунист» и его председателе В. М. Подгородецком — Герое Социалистического Труда, депутате Верховного Совета республики.

Стоят горы-толтры. Щедро отдают свое главное богатство — камень не только хлеборобам. Это практически неисчерпаемая сырьевая база для асфальтовых заводов — а их несколько на Подолии — и строителей-дорожников. Тысячи километров отличных трасс, уложенных надежным медоборским бутом, ведут к каждому городу, поселку, колхозу Приднестровья. На залежах толтровых известняков сооружается индустриальный гигант — Каменец-Подольский цементный завод, один из крупнейших не только в нашей республике, но и в стране. Лишь первая очередь завода, недавно вступившая в строй, дает народному хозяйству 700 000 тонн высококачественного цемента.

Из белых толтровых известняков построены на Подолии сотни сел и городов. Из них возведены стены древнерусской крепости в Старом Збараже и

центральные улицы возрожденного из руин войны Тернополя. Из него воздвигается здание нового экспериментально-показательного села Каменки на Тернопольщине и дома колхозников в Черне, Смотриче, Бакоте. Плотный рифовый известняк послужил материалом для скульптурной фигуры памятника павшим в освободительной войне против польской шляхты 1648 — 1654 годов, воздвигнутого в Сатанове. Из него сооружен трогательный памятник великому польскому поэту Адаму Мицкевичу в Примайлове — «Дерево Мицкевича». Несколько лет назад лесники Тернопольщины сложили из ломаных серых глыб на перевале под селом Красне выскользнувший в честь героического рейда Ковпаковского соединения, воевавшего в этих лесах. А скалы около Викна, где когда-то любил отдыхать великий Каменяр украинского народа Иван Франко, сами стали памятником — народ назвал их Франковыми.

Называют ее Совим Яром, а в официальных бумагах — Совиноярской лесной дачей-заказником. Это царство густых, неистовых, как джунгли, зарослей яворины, бузины, лещины, крапивы. Это душистое зелье над водой, высокие, в человеческий рост, буйные травы. В цветах, мотыльках, несмолкаемом жужжанье насекомых и разноголосом щебетанье птиц. Зеленый тоннель, пронизанный жгучими стрелами солнца. Шумливый холодный поток Студеницы во влажном сумраке ивовых и тополевых шатров. Хаотические нагромождения каменных осыпей, повергнутые наземь деревья, раскошенные в щепы стволы, выброшенные паводками с боковых оврагов. А ввысь, к небу, — лес и горы. Вершина за вершиной, километр за километром, слева и справа тянутся девственные дебри, где в полнолуние, на верное, водят хоромы разукрашенные купавами и лилиями мавки и спускают-

ся на серебристые луга «тот, что в скале сидит». Таков он, Совий Яр, — приют нетронутой красоты и сказок детства. Это заповедный уголок, где не гуляет топор, непугаными живут олени, козули, белки, вепри, многочисленный птичий мир.

В самых живописных местах Медобор идет строительство; благодатные микроклиматические условия толтрового района — здешние целительные леса, воздух, вода — используются для людей. В первую очередь — для детей. Чудесные пионерские лагеря сооружены в Приворотье и вблизи Скалата, лесные санатории в Малиннике, на Камяничине. Над Збручем, недалеко от Иванковец, возле скважины с минеральной, типа знаменитой «Нафтуси», водой проектируется строительство большой водолечебницы. Намечается закладка межколхозного санатория, а в перспективе и туристской базы на месте бывшей дачи Бортника. Постепенно толтры как учебная база естественно-географических факультетов осваиваются вузами. Первые робкие тропы по медоборским верхам прокладывают самостоятельные группы туристов.

Более десяти тысяч гектаров толтровского края взяты за последние годы под охрану государства. А недавно Совет Министров Украинской ССР, учитывая большое значение Подольских толтр как памятника природы, объекта науки и оздоровительного фактора, принял постановление об их комплексном обследовании для создания государственного заповедника «Медоборы». Сказка окутанного легендами края останется с людьми навсегда.

К путешествию в «мир четвертого измерения» зовут жемчужины Приднестровской Подолы — самые большие в Советском Союзе и в мире гипсовые пещеры-лабиринты Кристаллическая, Млынки, Вертеба, Озерная, Оптимистиче-

ская, Атлантида и еще более шестидесяти других, исследованных за последнее десятилетие на Тернопольщине и Хмельничине.

Мертв ли камень? Вопрос довольно риторичный. Но мне кажется, что подобный эпитет к слову «камень» мог подобрать только человек с холодным сердцем и полным отсутствием фантазии. ...Кристаллическая пещера, девятнадцать километров под землей. За полукилометровым начальным коридором ходы внезапно разбегаются во все стороны, образуя запутанный коварный ребус, имя которому — лабиринт. Долгие тысячелетия его покой охраняет каменный Буйвол. Могучая голова внезапно появляется из тьмы, настороженно всматривается в незваных пришельцев. Каприз природы оживил скальную глыбу, вокруг которой нависают причудливые химеры, старательно изваянные древними водами из темного гипса. Часами можно стоять в очарованном молчании, и взгляд не устанет любоваться все новыми сочетаниями красок и форм подземного цветника в Кристалевом коридоре. Его стены сплошь покрыты густыми щетками кристаллов. Каменные лилии, колокольчики, розы сплетаются в пышные соцветия, играющие в свете прожекторов радужным блеском перламутра.

Лабиринт «Южное небо» пятнадцатикилометровой пещеры Млынки залегает в толщах темно-серых гипсов. Освещаясь, камень приобретает глубокую синю-черную окраску. Вкрапленные в монолит мириады мельчайших кристалликов создают иллюзию бездонного ночного неба, лучащегося яркой россыпью звездного дождя.

Незабываемое впечатление оставляет зал «Серебряный звон» в Млынковой пещере. В этом небольшом подземном дворце вода и камень создали уникальный музыкальный инструмент.

Около сотни светлых полупрозрачных сталактитов свисают со свода. При легком прикосновении каждый из них звучит по-своему. И вот в черном глухом подzemелье возникает то чарующий серебристый перезвон, напоминающий мелодичный голос ксилофона, то низкий, бронзовый гул колоколов. Сколько же времени потребовалось колдунье-природе, чтобы подготовить этот подарок человеку за его труд и настойчивый поиск?!

Феерическое зрелище открывается посетителю в пещере «Атлантида». «Храмом богов» называли спелеологи один из ее залов. А как же иначе сказать о неистовом буйстве сверкающих гипсовых кристаллов, скрывающихся под искрящимся ковром потолок, стены, дно полости. Их отдельные сростки достигают полутора метров!

Нет, камень не мертв. И в его переливающихся огнях гранях всегда живет тепло, подаренное нашей планете солнцем в далекую пору ее молодости.

К берегам голубого озера нас привела галерея Аргонавтов. И мы увидели его внезапно на дне Белого зала, сложенного из грубой кладки массивных блоков. И по праву первооткрывателей назвали Нежданным.

Не спешите к воде, остановитесь на входе. Направьте лучи фонариков в спокойную глубь озера. В ответ кристально чистая вода заструится ласковыми зеленовато-голубыми оттенками, разбросает по стенам веер мягких бликов.

За Нежданным — целая серия больших и малых водоемов — настоящая «подземная Венеция». Их зеркальная гладь исчезает за хаотическим нагромождением обвалов, уходит в дальние части грандиозного, не пройденного еще никем лабиринта.

Проникнуть в него можно через один из немногих проходов. Сначала просторный, а дальше все суживающийся лаз в мокрой глине с каждым метром

все жестче сжимает тело. Последний рыбок — и... забываешь трудности, усталость. Перед глазами вырастают хрупкие кружева кристаллических друз, какие-то совсем уж нереальные букеты черных тюльпанов. Их прозрачные каменные чаши резко очерчены темной дымчатой каймой, а кончики лепестков украшены хрусталиками воды. Какая совершенная гармония в нежных линиях этих цветов, увенчанных сверкающей диадемой огней, пылающих крошечными солнечными зайчиками в каждой капле!

А дальше, за участками Рубикон, лабиринтами Каменной решетки и Квитки, — новый район, Октябрьский, выведший пещеру за рекордный — семидесятикилометровый рубеж. Новые ходы, дно которых усеяно тончайшими игольчатыми кристаллами, покрыто мокрым илом, обвалами колоссальных блоков породы. Анфилады озер, залов, галерей, зовущих в неведомые человеку глубины.

«До сего времени среди жителей села Бильче-Золотое живут воспоминания и легенды об обрядах, овеянные ужасом пересказы о жертвоприношениях в одном из подземных залов у «Столба смерти», — писал о пещере Вертеба один из ее исследователей — доктор биологических наук К. А. Татарinov. Да и само название пещеры уходит в седую глубь прошлого и на древнеславянском обозначает «пещера, труднодоступный овраг, балка». По количеству обнаруженных предметов материальной культуры каменного века и более поздних периодов она не имеет равных на Подолы. Недаром известный археолог Богдан Януш назвал Вертебу «Надднестрянской Помпеей». А совсем недавно, продолжая исследования лабиринта, тернопольские спелеологи нашли в одном из ходов полости керамическую фигурку быка, обломки глиняного сосуда, обросшие причудливыми натечными образованиями.

Невдалеке от Вертебы, в селе Межгорье Борщевского района, — пещера Языческая, служившая святилищем древних славян. Более тысячи лет лежит перед ней жертвенный камень с выдолбленным на его поверхности крестообразным углублением — прадавиним языческим символом многих народов. Но среди местных жителей старый жертвенник связывают с именем любимого атамана опришков Олексы Довбуша. Повествует давнее сказание, что в гнев великом на панов-кровопийцев схватил могучей десницей Олекса этот камень и швырнул к подножию скалы. И творил на нем честной суд над богатырями, что правду у бедняков уворовали.

Орудия труда и предметы быта древнего человека в разное время обнаружены во многих пещерах Подолины: возле Бучача, над Збручем, Днестром, Смотричем. И неведомо еще, сколько тайн откроют будущие исследователи подземных глубин Приднестровского карстового района.

Когда-то в этих краях пролегали шляхи татарские — Черный и Кучманский на земли Русские — Подолию и Галич. Никли под копытами конных орд высокие степные травы, уплывали с дымом пожарищ, в скорби, слезах и крови людские надежды и счастье. Тем, кто успевал узнать об опасности, надежное укрытие меж диких скал и лесных чащоб давали Медоборы, где на каменистых пригорках пылает дивоцвет — ясенец белый.

Много романтических легенд родилось о нем на Украине. Еще называют это растение в Приднестровье диптаном или же неопалимой купиной. За то, что не сгорают в огне его цвет и листья, как сказочная птица Феникс, из пламени выходят неповрежденными. Потому и стала неопалимая купина своеобразным поэтическим символом украинско-

го народа, прошедшего в своей истории через тяжелые огненные века и возродившегося к новой жизни.

Из далекого третичного периода сохранилось до нынешних дней это удивительное растение. Путешествуя по Подолини, вы можете встретить его в толтрах и на высоких скалах-кручах над Днестром. Конечно, если повезет. Уж очень мало осталось исчезающих с каждым годом реликтов на распаханной, обжитой человеком земле!

Я немало лет искал цветущую неопалимую купину в Медоборах, пока пути странствий не привели меня на скалистые отроги невдалеке от старинного местечка Гримайлов на Тернопольщине. Там, где горячее солнце выбелило известняковые останцы толтровых гор, среди колючих терновиков и густых трав затаилась неопалимая купина. Когда в наши места приходит жаркий июнь, распускаются на склонах Острой скалы, на горах Лебедихе, Любове, Долгой дивные султаны цветущей купины. Полуметровые темно-русые кустики увенчиваются пышными бело-лиловыми соцветиями. Лепестки цветов и листья источают острый пряный запах, привлекающий неисчислимые рои пчел. Листья, стебли, цветоножки покрыты бисером мелких буро-зеленых железок. В пору цветения они выделяют особенно много летучих эфирных масел. Если в теплое безветренное предвечерье поднести к кустику зажженную спичку, он на мгновение вспыхнет ярким клубком огня и... останется по-прежнему свежим и зеленым. А когда подойдет осень, маленькие коробочки, в которых вызревают семена, буквально взрываются. Пружинки, заложенные в их основаниях, с силой разрывают створки и разбрасывают сухие семена вокруг на расстояние до трех-пяти метров...

Любопытными свойствами обладают масла неопалимой купины. Попадая на кожу, они вызывают воспаление, а нередко и весьма ощутимые ожо-

ги. Но среди местных дедусей можно еще и теперь услышать о целебных свойствах растения. С его помощью в старину якобы лечили многие болезни. Так ли это — сказать трудно. Слишком уж неопределенны эти отрывочные сведения, а современные пособия по народной медицине ответа на этот вопрос не дают.

Как-то довелось мне побывать в Залещиках — небольшом курортном городке над Днестром на юге Тернопольщины, где по счастливому стечению обстоятельств подружился с старым рыбаком Ярославом Ивановичем. Однажды мы взобрались на обрывистый скалистый утес над Днестром, откуда на многие километры открывалась могучая ширь реки. Теплый, упругий ветер с буковинского Заднестровья шумел в сухом ковыле, катился мягкими волнами, неся полынную горечь и запах спелых хлебов.

— Вот тут, еще прадед мой слышал, дуб тот рос, где ляхи Тараса Бульбу казнили. — На меня с мудрым упрямством смотрели глаза старика. И всколыхнулось — помните, у Гоголя? «А уже огонь подымался над костром, захватывал ноги и разостлался пламенем по дереву... Да разве найдутся на свете такие огни, мука и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!» И пришло на память недавнее, близкое, сегодняшнее...

Осень 1922-го... На днестровских кручах, где-то здесь рядом, принимает последний бой с белопольскими жандармами партизанский отряд «Червонная двенадцатка». Гибнут все бойцы и их командиры, коммунисты-галичане Петро Шеремета, Степан Мельничук, Иван Цепко.

Приднестровский поселок Коропец... Родина Анелии Кживонь. На пьедестале изваяния надпись: «Герой Советского Союза. Пала 12 ноября 1943 года в боях с немецко-фашистскими захват-

чиками». Ей было только семнадцать! Село Горигляды... Стоит над Днестром памятник солдату, родившемуся на этих берегах. Герой Советского Союза Иван Дворский. При штурме Кенигсберга закрыл грудью амбразуру вражеского дота. А слава его живет, продолжается. Звездную эстафету от земляка приняла Павлина Дворская — Герой Социалистического Труда из колхоза имени героя...

И я верю, рос здесь казацкий дуб! И взлетали гордыми чайками над страшной кручей добрые казацкие кони, унося в днестровские волны верных сыновей запорожского батьки. И, может быть, поэтому на здешних неприступных обрывах расцветает с началом лета неопалимая купина.

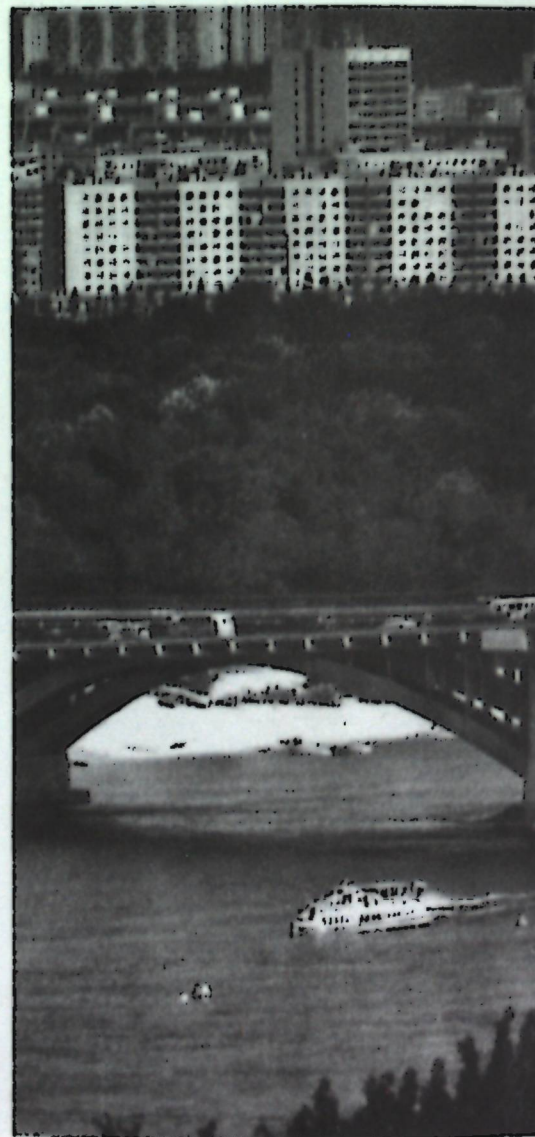
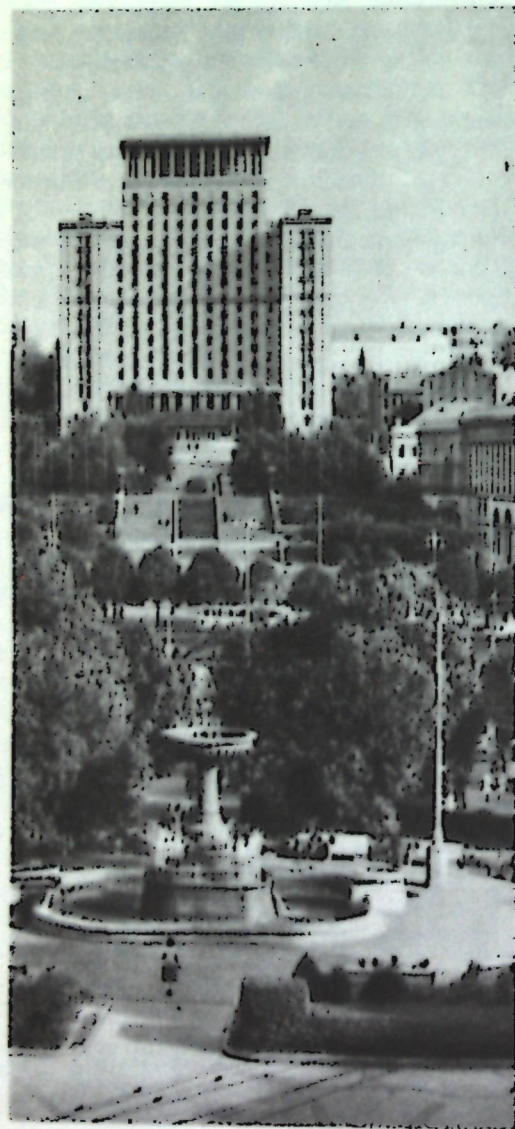
Рассказывают, что в ночь на Ивана Купала выплывают из днестровских глубин дивные красавицы — девушки-русалки. Поднимаются на высокие прибрежные скалы, чтобы украсить длинные косы свои цветом неопалимым. Когда же занимается утренняя заря, вновь спускаются они к воде и исчезают в белом предраассветном тумане. А тому из людей, кому удастся при первом солнечном луче сорвать оставшийся цветок и умыться его росой, жизнь дарует вечную молодость, красоту и счастье.

Счастливы судьбой, красив и молод душой народ, который так верно хранит в щиром сердце память о своих славных детях и рождает таких героев и такие легенды.

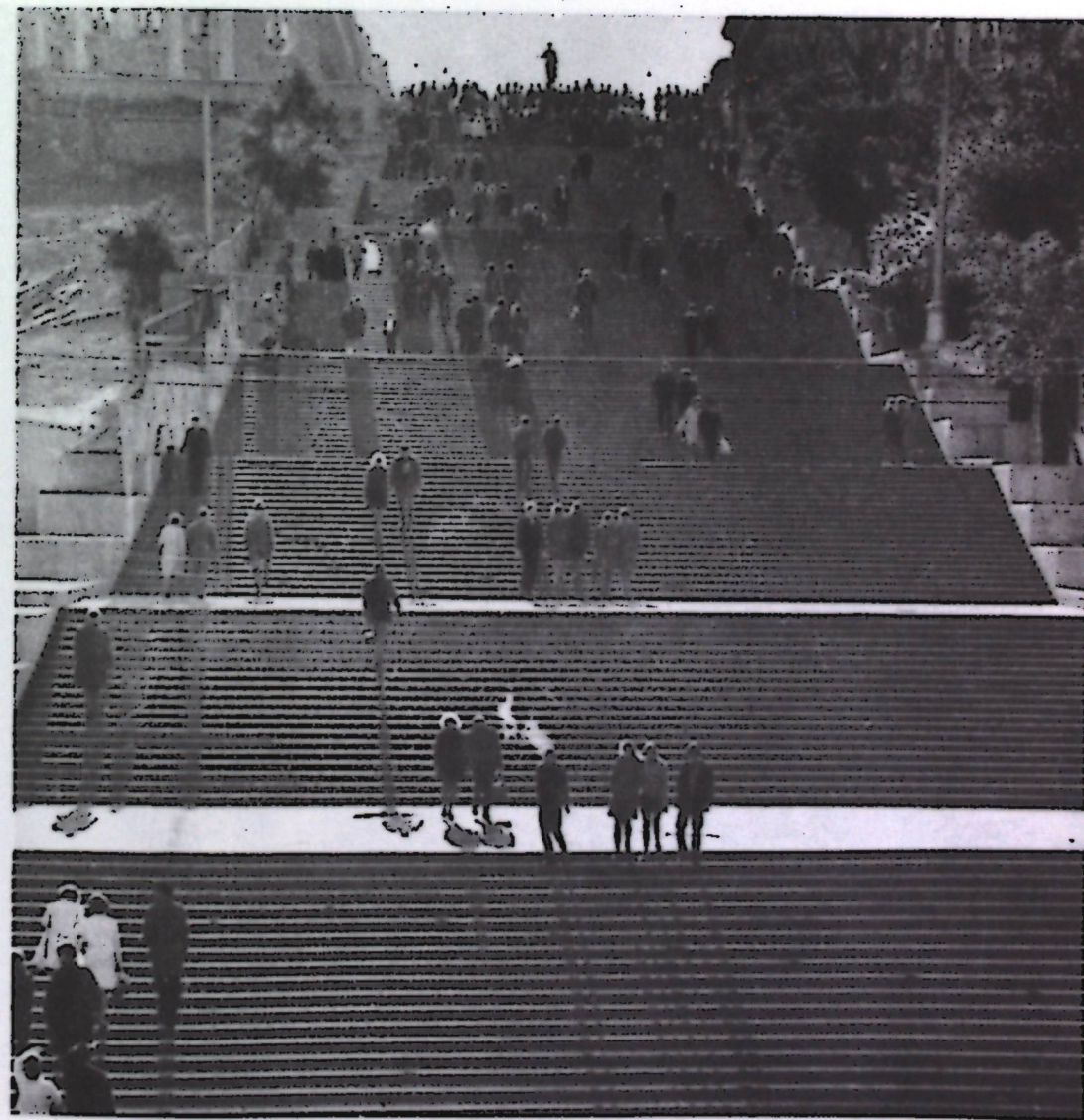
Владимир Радзиевский

*Площадь Калинина в Киеве
Вид на столицу Украины с Днепра*

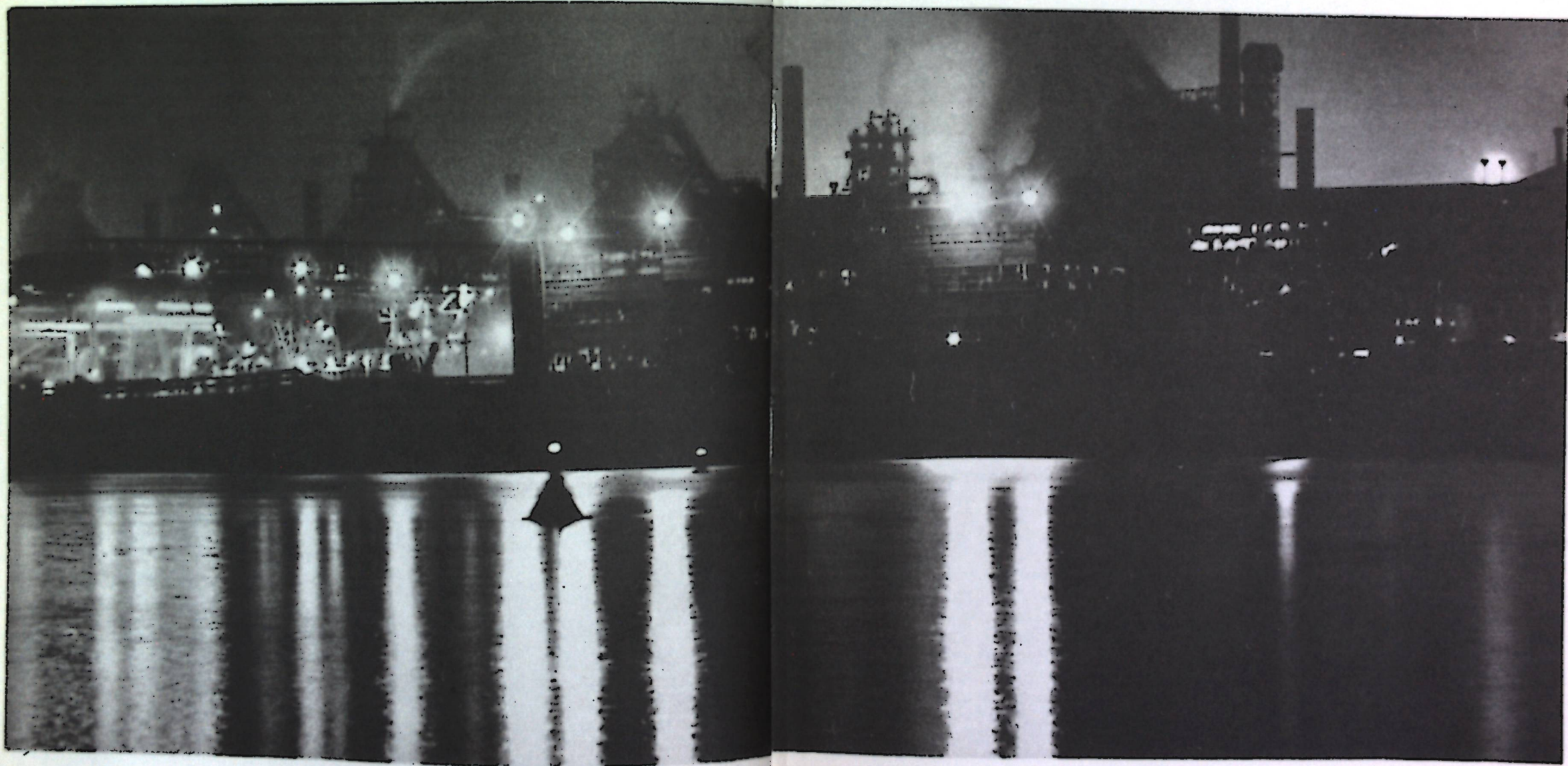

Одесская лестница

Днепродзержинский металлургический
комбинат

Символ мира и тишины

Плотоводы на Тисе

У самого Черного моря

Крым — одно из самых популярных мест массового туризма.

Крымский полуостров, расположенный на древних торговых и караванных путях из Средиземноморья в Восточную Европу и Азию, многие столетия был ареной борьбы завоевателей и колонизаторов. Следы этой борьбы вы можете увидеть на каждом шагу. Поднимитесь на скалу Бакла (460 м), что находится неподалеку от села Скалистого (направление Симферополь — Севастополь), и оглянитесь вокруг. За рекой Альма у села Трудолюбовки вы увидите древние селища и убежища тавров — от них и старое название Крыма: Таврида. Тавры и киммерийцы — самые древние из известных нам жителей полуострова. Их вытеснили в горные районы кочевники-скифы — восточнее хорошо видны скифские городища у села Обрыв, на вершине скалы Таш-Джарган и плато, где находилась столица мощного государства кочевников — Неаполь Скифский.

Раскопки этого города находятся на окраине Симферополя, если ехать по Алуштинскому шоссе. А на западе — Бахчисарай, столица крымских ханов, вторгшихся в Тавриду в XIII веке. А до них были здесь и хазары, и печенеги, и половцы; еще раньше, в VI веке до нашей эры, греческие купцы из Милета основали свою колонию Феодосию, которая потом, в XII—XV веках, называлась Кафой, принадлежала генуэзцам и была знаменита невольничьим рынком.

Во второй половине XV века в Крыму появляются турецкие завоеватели, и лишь 300 лет спустя русская армия и молодой российский флот освободили Крым и прекратили постоянные татаро-турецкие набеги на земли России, Украины и Польши. В 1783 году был основан Севастополь, в 1784 году — Симферополь. В Симферополе вы можете увидеть памятник Суворову и обелиск в честь освобождения Крыма от турецких захватчиков.

После присоединения к России богатые земли Крыма привлекли внимание знати и вельмож.

Не обошла Крым своим вниманием и царская фамилия Романовых. С 1889 года летней резиденцией русских царей стала Ливадия (в 3 км от Ялты). Малый дворец в мавританском стиле, а затем Новый дворец в стиле ренессанс были построены уже в начале этого века и окружены парком с набором редких пород растений.

В 1945 году в Ливадийском дворце состоялась конференция глав правительств трех держав, а сейчас здесь санаторий «Ливадия», в котором может отдыхать одновременно более 800 человек. Крым тесно связан с историей русской и украинской литературы и искусства. Вдохновенные страницы, воспевающие красоту природы, посвятили Крыму А. Пушкин и В. Брюсов, Леся Украинка и М. Коцюбинский, И. Бунин и М. Горький, В. Маяковский и Э. Багрицкий.

В Гурзуфе Пушкин был гостем семейства генерала Раевского, героя Отечественной войны 1812 года. Скала и грот над морем на окраине Гурзуфа носят имя великого поэта.

Кроме того, Пушкин был в Керчи, Феодосии (где тоже есть Пушкинский грот), Бахчисарае, Симферополе. В Крым приезжали А. С. Грибоедов, Н. В. Гоголь, В. А. Жуковский, Н. А. Некрасов, К. М. Станюкович и В. Г. Короленко, А. М. Горький и К. А. Тренев, В. В. Вересаев и Н. А. Островский, С. Н. Сергеев-Ценский и П. А. Павленко.

На окраине Ялты, в бывшей деревне Аутке (теперь поселок Чехово), находится дом-музей А. П. Чехова. Здесь поселился он по совету врачей в 1899 году. В разное время больного писателя посещали многие выдающиеся деятели русской культуры: М. Горький, А. Куприн, И. Левитан, С. Рахманинов, Д. Мамин-Сибиряк, в апреле 1900 года приехал к Чехову Московский Художественный театр во главе с К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко.

С именем Л. Н. Толстого связаны многие места Крыма (Симферополь, Лозовое, Ялта, Сименз, Гаспра), но прежде всего, конечно, Севастополь.

Одиннадцатимесячной обороне города от французских, английских и турецких интервентов в 1854—1855 годах посвящены «Севастопольские рассказы» Л. Толстого, роман С. Сергеева-Ценского «Севастопольская страда» и Севастопольская панорама художника Ф. А. Рубо. Ключевой позицией Севастопольской обороны был Малахов курган, вход на который отмечен памятной аркой. Малахов курган стал памятником мужеству и советских воинов в Отечественной войне 1941—1945 годов. Восемь месяцев отбивали бойцы и моряки-черноморцы атаки фашистских захватчиков, сковывая значительные военные силы врага. Советский народ назвал Севастополь городом-героем;

Президиум Верховного Совета СССР наградил город орденом Ленина и орденом Красного Знамени, учредил медаль за «Оборону Севастополя».

В память о героических защитниках и освободителях Севастополя на Малаховом кургане зажжен Вечный огонь. В Севастополе надо обязательно посетить Херсонес, Сапун-гору, Графскую пристань, музей Черноморского флота, осмотреть памятники Корнилову, Истину, Нахимову.

Славные страницы в историю Крыма вписал Перекоп. В 1920 году Красная Армия под командованием М. В. Фрунзе форсировала Сиваш и разгромила врангелевские банды.

Во время Великой Отечественной войны войны 4-го Украинского фронта повторили подвиг своих отцов — штурмом овладели Перекопом и вместе с войсками Отдельной Приморской армии освободили Крым от фашистских захватчиков. Но был и еще третий штурм Перекопа — мирный штурм: весной 1961 года началось строительство Северо-Крымского канала, принесшего воду Каховского моря на плодородные степные земли полуострова.

Богата и разнообразна история Крыма. Но не уступает ей и сегодняшний день полуострова. Новые районы рисосеяния на орошенных землях севера Крыма и богатые виноградники и винодельческие заводы юга, Керченский железорудный бассейн и Севастопольский рыбный порт, уникальная живая коллекция редких растений Никитского ботанического сада и Крымское заповедно-охотничье хозяйство, бальнеологические курорты и единственное в мире царство детей — Всесоюзный лагерь «Артек», дома отдыха и прекрасные пляжи, водопады и туристские тропы — все это достойные трудящихся, все это лицо сегодняшнего Крыма.

Э. Клян

*Вечный огонь Славы на Малаховом кургане
Памятник затонувшим кораблям
в Севастополе*

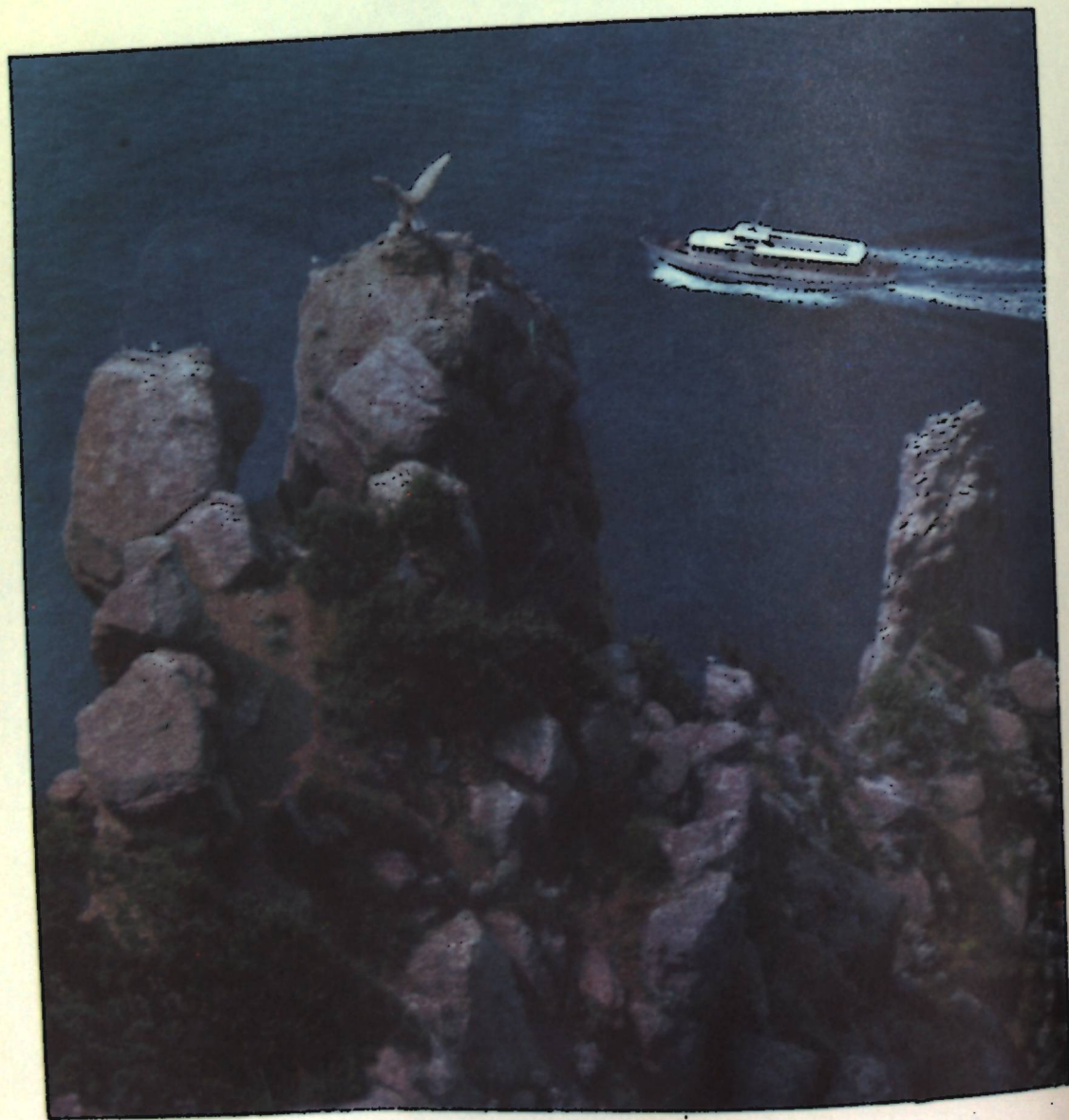

Пушкинский грот в Гурзуфе

Крымский пейзаж

«Ласточкино гнездо»

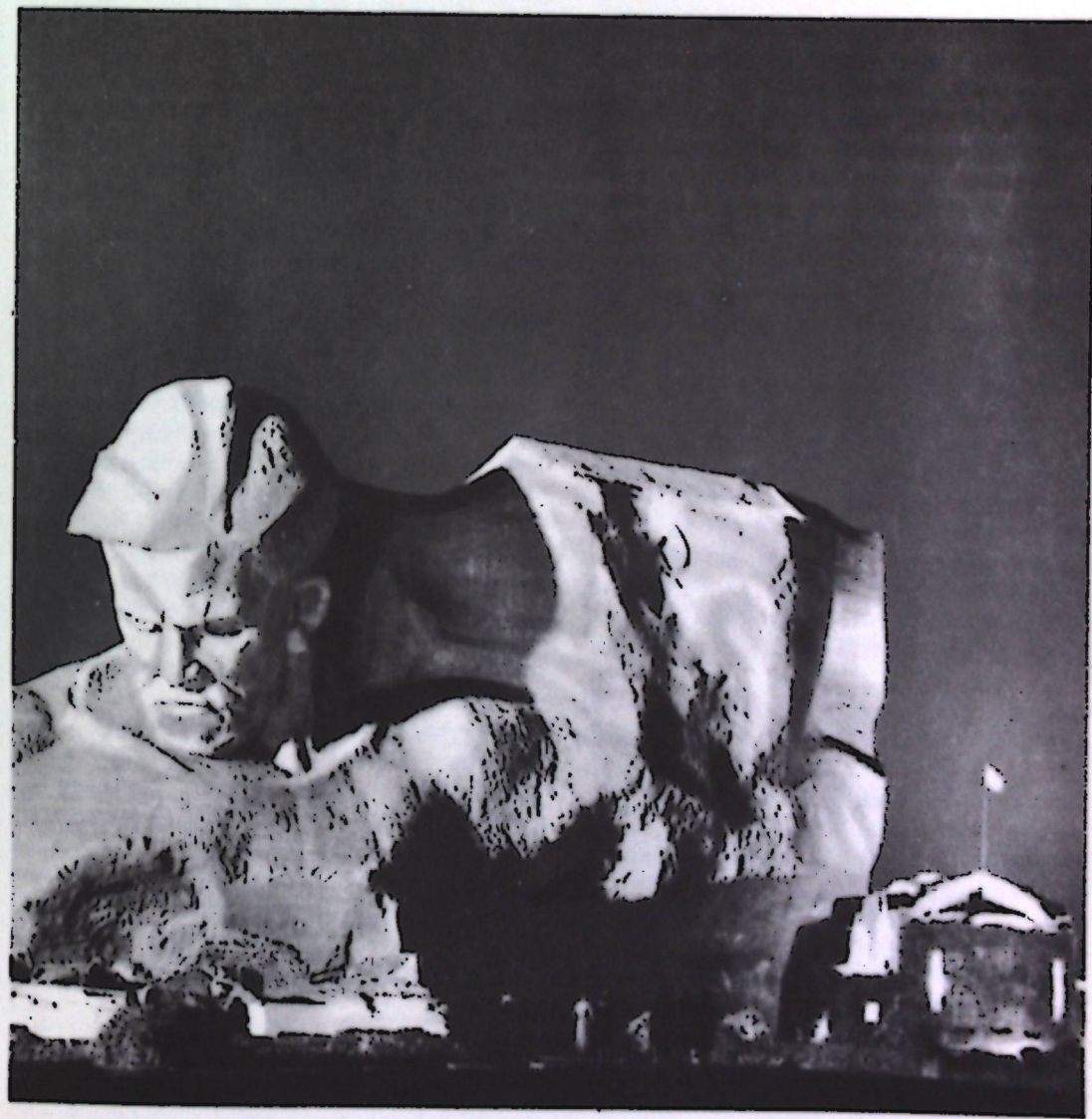

Пляжи Крыма

Белорусская ССР

Легенды лесного края

Летописи не сохранили рассказа о том, кто и когда наименовал землю древних кривичей и дреговичей Белоруссией. Но удивительно точно назвали этот мужественный уголок Руси — Белая Русь. Слово «белая» означало в те времена «вольная».

Вольная Русь! Давайте пройдем по этому краю несколькими маршрутами. В любой деревушке вам покажут дорогу, в стужу согреют, в зной напоят квасом из березового сока. Ночью, не спрашивая, кто вы, дадут ночлег. Накормят знаменитой белорусской мочанкой — густым жирным соусом с салом или «драниками» — картофельными блинами, а откажетесь утром от пирога с яблоками, что завернут на дорогу, — обиду нанесете. Такой уж народ в Белоруссии — добрый, доверчивый, отзывчивый. Потому, я считаю, и самый лучший вид путешествия здесь — пешком.

Красивы пейзажи Белоруссии — то мрачные, полные сурового величия, то светлые, легкие, радостные. Вслушайтесь в названия деревень: Мохоеды, Замошье, Вербовичи, Березцы, Бродница, Прудок, Желтый берег. Сказочны названия рек и озер: Птичь, Ясельда, Янка, Березина, Желань, Славечка, Свислочь, Нарочь...

Нигде не сохранили европейские леса такого богатства животного мира, как в Белоруссии: более четырехсот видов редких животных.

В шестидесяти километрах северо-во-

сточнее Бреста, на водоразделе Немана, Западного Буга и Припяти, находится Беловежская пуца. Здесь живут звери и птицы, давно исчезнувшие во многих других странах. Пуца — единственное место в мире, где со времен ледникового периода живет на воле дикий первобытный лесной бык — зубр. Взятые под охрану государства, в лесных водоемах размножаются бобры. Немало в беловежских лесах тетеревов, рябчиков, куропаток; в непроходимой глуши гнездится редкая птица — черный аист, которого давно уже нет в странах Западной Европы. Апрельским утром можно услышать в пуце токование все более редкого лесного красавца глухаря.

В деревне Каменюки, в усадьбе заповедника, где находятся зоологический музей и лаборатории, гостеприимно принимают туристов и экскурсантов, желающих познакомиться с чудесной природой пуцы.

В центре Белоруссии, в верховьях Березины, находится другой известный заповедник — Березинский. Создан он в 1925 году, чтобы спасти от гибели ценного зверька — бобра. С тех пор бобры размножились и стали расселяться по другим водоемам. Теперь их поселения встретишь и в бассейнах Днепра, Немана, Западной Двины.

В одной из туристских песен есть такие слова:

Все леса, леса, леса Белоруссии,
И погода по-девичьи капризная.
То озера, то болотца, словно бусинки,
Там на ниточки речончек нанизаны...

Бывалые туристы, как правило, включают в свой маршрут район Браславских озер.

Множество интересных маршрутов можно пройти водой на шлюпках и байдарках. Можно древним путем «из варяг в греки» — по Западной Двине через Полоцк в Витебск, потом по Днепру — через Оршу, Могилев, дальше на юг почти до устья Припяти. Можно по рекам Полесья — на воде тут и Гомель стоит, и Мозырь, и Туров, и Пинск, и Брест; можно посмотреть один из старейших каналов — Днепровско-Бугский. Или еще одно путешествие — по живописному Поозерью. Эту часть республики зовут еще «Белорусской Венецией».

И куда б ни пошел, куда б ни поехал — нет, кажется, такого уголка, где не сохранились следы многовековой истории этого своеобразного края. Вот Центральная Белоруссия. Здесь — столица республики Минск, уже отпраздновавший тысячелетний юбилей. Впервые он назван в летописи 1067 года. Это о полоцком князе Всеславе безвестный творец «Слова о полку Игореве» сказал: «Для него в Полоцке позволили к заутрене рано у Святой Софии в колокола, а он в Киеве звон тот слышал. Хоть и вещая душа у него в храбром теле, но часто от бед страдал». Не ужился Всеслав с киевским князем Изяславом, и на берегах Немиги, у стен Минска, холодным мартовским днем 1067 года разгорелся бой, о котором автор «Слова» скажет горько: «На Немиге снопы стелют головами, молотят цепями булатными, на току жизнь кладут, веют душу от тела. У Немиги кровавые берега не добром были посеяны — посеяны костями русских сынов». Если б не постоянные нашествия, многое рассказали бы улицы и дома Мин-

ска. Минувшая война погубила все памятники архитектуры. Но в Минске чудесные музеи. Расскажут они о бунтах и восстаниях против угнетателей в давние века и о минском подполье Великой Отечественной войны, о знаменитых 54 минских стачках 1895 года и о первом съезде РСДРП, который проходил в этом городе.

Вздумаете ехать из Минска в Вильнюс автострадой — по пути встретится село Ошмяны. Там вам покажут краеведческий музей имени Франциска Богушевича (поэта-демократа Мацея Бурачка). А чуть юго-западнее Молодечно — оно тоже на этом шоссе — в Ивенеце можно посетить дом-музей Феликса Эдмундовича Дзержинского: здесь не подалеку, на фольварке Дзержиново, он родился.

В Несвиже четыреста с небольшим лет назад издал первую книгу на белорусском языке Симон Будный — сохранилось здание, где была его типография. Двадцатью километрами южнее, близ городка Клецка, бились белорусы с крымскими татарами.

Или Принеманье. Восьмисотлетний Волковиск, Слоним, Новогрудок, Лида. Города-крепости, города-воины. В Налибокской пуце остались землянки партизан Великой Отечественной войны.

В центре Новогрудка — еще один своеобразный памятник. Неподалеку от города, на хуторе Заосье, родился Адам Мицкевич. По инициативе прогрессивной польской и белорусской интеллигенции в течение восьми лет (с 1924 по 1931 год) почитатели поэта привозили и приносили в центр Новогрудка землю из разных уголков Белоруссии и Польши. Некоторые даже присылали землю по почте. Так возник «Курган бессмертия» — памятник поэту.

А вот Восточная Белоруссия. В двенадцати километрах от Могилева есть не-

большое село Слалтановка. Здесь в 1812 году русское войско под командованием Раевского стойко сдерживало корпус Даву, что позволило Багратиону вывести войска за Днепр и избежать окружения. Теперь близ Слалтановки — памятник в честь героической борьбы русского и белорусского народа против французских захватчиков. К северу от Славгорода (бывшего восемь веков Пропойском, а новое название получившего в 1945 году в честь побед Советской Армии) у деревушки Лесной в 1708 году Петр I разгромил шведский корпус Левенгаупта, который шел на соединение с королевской армией Карла XII. Петр I назвал это сражение «матерью Полтавской победы». Спустя двести лет здесь открыли обелиск, а спустя еще полвека — музей. В Кличеве (это пятьдесят-шестьдесят километров севернее Бобруйска) можно многое узнать о партизанском движении в Белоруссии. Здесь в сорок втором году патриоты разгромили гитлеровский гарнизон и освободили район с населением в семьдесят тысяч человек. В тылу врага возник партизанский край. Орша — один из центров партизанского движения. Немало расскажет о самоотверженной борьбе белорусских патриотов музей имени Константина Заслонова. В нескольких километрах от Орши летом 1941 года выпустила первый залп по врагу первая советская батарея реактивных минометов — «катюш». На этом месте несколько лет назад на средства белорусских комсомольцев открыт памятник. Полесье... Край болот и лесов. Здесь тоже, куда ни пойдешь, следы битв, здесь свои герои. Кобрин: в бывшей усадьбе Суворова — музей полководца. В Лоеве помнят множество легенд о тех временах, когда запорожские казаки рубались с польской шляхтой. А знаменитому прорыву Днепровской флотилии

через белопольские укрепления в 1920 году даже и свидетели найдутся. В годы Великой Отечественной войны здесь через Днепр с боем переправлялось партизанское соединение Ковпака. Кстати, Полесье тоже знаменито, как и Припечанье, Поозерье или Центральная Белоруссия, активными партизанскими действиями.

На Пинщине, там, где Лань-река тоненькой полоской будто крадется сквозь густые леса и болота к Припяти, другой, легендарный белорус — Иван Цуба повторил в сорок втором году подвиг Ивана Сусанина.

Ну, а Поозерье — это родина Льва Доватора, здесь совершил свой подвиг Николай Гастелло, здесь действовала подпольная организация «Юные мстители». Это деревня Пасынки над озером Нарочь, куда каждый год в начале июля, как цветут хлеба, со всей республики собираются участники боев, партизаны, молодежь на традиционные праздники песни. Те, кому повезет попасть на Нарочь в это время, запомнят мужественные песни и рассказы бывалых людей.

Война... Она навсегда осталась в сердцах наших отцов и матерей. Несколько лет назад на молодежном вечере, посвященном памяти героев, мы попросили встать всех, у кого кто-либо из близких родственников погиб на войне. В зале присутствовало больше тысячи парней и девчат, рожденных после пятидесятого. Встали все. Здесь, в Белоруссии, острее, чем где-либо, понимаешь, что это такое война.

В руинах и пепелищах лежала в сорок четвертом белорусская земля. Каждого четвертого человека не досчиталась после войны Белоруссия. Более двухсот городов и районных центров, более девяти тысяч деревень было разрушено и разграблено. Уничтожено почти полмиллиона домов. Взорваны все крупные мосты, электростанции, полностью вышла из строя связь.

Чуть севернее Минска, между Логойском и Плещеницами, — Хатынь. Это название знают теперь люди всей земли в одном ряду с такими, как Лидице, Орадур, Терезин...

Хатынь... Двадцать шесть обелисков-стел, напоминающих печные трубы. С каждого печальный колокол несет окрест горестное «бум-ум! бум-ум! бум-ум! Бу-умм!» Символические бетонные венцы-срубы цвета серого пепла. Когда-то здесь было село. Обычное, каких много в Белоруссии. Вокруг — лес с пасеками на опушках, холмы, по склонам которых сбегали березовые роши, из оврагов гляделись в небо чистые роднички.

Славилась Хатынь плотниками, кузнецами, да и земля в заботливых руках рожала щедро.

А потом — война. Сполна хлебнули хатынцы всего, что принесли на их землю фашисты.

Дружба между людьми не на праздниках рождалась, а у плуга, у горна кузнечного, у ткацкого стана. Потому, должно быть, ни горе, ни голод, ни беда сломить ее не смогли. Непышно и негромко, но по-прежнему аккуратно сообщая отмечали советские праздники. Особо гордились, что ни один житель деревни не только старостой или полицаем не согласился стать, но и вообще ни в какое услужение к фашистам не пошел.

Верили свято — вернутся свои. И не просто ждали. Даже в самую трудную первую военную зиму помогали, как могли, партизанам: мололи им зерно на домашних мельницах, доставали табак, соль, прятали раненых...

Тем мартовским утром сорок третьего года в окрестностях села гремели выстрелы. Как раз неподалеку бежит шоссе из Минска на Витебск. Сигнали на него гитлеровцы жителей соседних деревень и заставили их вырубать лес у обочин: партизан боялись.

С тревогой прислушивались хатынцы к

выстрелам, будто чувствовали, что и над их головами костлявая лапа нависла. Не видели они, как сновал по шоссе туда-сюда патруль на грузовике. Потом подъехало сразу несколько машин с солдатами и полицейскими. Что-то не понравилось им во взглядах женщин и стариков. Может, ненависть нескрываемую прочли.

Осатаневшие от пролитой крови, опьяневшие от собственного зверства, рыскали гитлеровцы по дворам, орали, выгоняли всех без разбору на улицу. Дети плакали, вцепившись, что есть сил в матерей. Брели старики, спотыкаясь и падая.

А чуть погода над Хатынью поднялся столб дыма.

Запертые в сарае, горели заживо люди...

Все это было. И не только здесь, в Хатыни. Сто тридцать шесть плит мемориала — память о белорусских деревнях, разделивших судьбу Хатыни. В плиты вмурованы урны с землей, привезенной с этих пожаров. Не было предела зверствам оккупантов! Никогда не забудут этого люди!

В Белоруссии много старых и древних городов: Полоцк, Минск, Брест (Берестье), Витебск, Заславль (Изяславль), Логойск (Логожск), Орша, Борисов, Слоним, Волковыск, Лида... Их возраст — многие века, а некоторые даже и тысячелетние юбилеи справили. Почти все они рождались как крепости, потому что лежит Белоруссия на перепутье, где с древнейших времен шли дороги с севера на юг, с запада на восток и обратно. Много охотников находилось прибрать к рукам Белоруссию. Каких только пришельцев не знала эта земля! Иезуиты, бернардинцы, доминиканцы, францисканцы, кармелиты... эти грабили именем бога и церкви. Немецкие псы-рыцари, польские паны, литовские князья, шведы, французы, да

же у крымских татар руки дотягивались.

В течение многих веков пытались белорусам привить чувство безвыходной обреченности, покорность. А рождалось невиданное единство народа, выковывались мужество и стойкость. И слова, что вырублены на белокаменном хатынском «Венце памяти», могли бы повторить те, кто во все времена страданий берегли, как самое святое, свободу народа: «Люди добрые, помните: мы любили жизнь и Родину, и вас, дорогие. Мы сгорели живыми в огне. Наша просьба ко всем, пусть траур и печаль превратятся в мужество и силу, чтобы смогли увековечить вы мир и покой на земле, чтобы нигде и никогда в вихре пожаров жизнь не умирала!»

...Оплавленный камешек я привез из Бреста. С тех пор как прозвучал впервые по радио голос Сергея Сергеевича Смирнова, рассказавшего о несокрушимой крепости-легенде, каждый из нас отвел ей место в сердце наравне с Куликовым Полем, Бородином, Сталинградом, а имена комиссара Фомина и десятков других героев обороны Бреста стали нам так же дороги, как имена Матросова, Зон, Олега Кошевого. Но вот привела меня туристская тропа вместе с группой друзей по экспедиционному клубу в Брест. Восточный форт, Холмские ворота, гарнизонный клуб — изрешеченные, хранящие следы пуль, бомб, снарядов. Бережно снятые и перенесенные в музей вместе с черными от порохового дыма следами кусочки стен со словами: «Умираем не срамя», «Погибаю, но не сдаюсь!» Живые люди из легенды — полковой музыкант Петя Клыпа, бывший комсорг полка Самвел Матевосян, организатор обороны Восточного форта майор Гаврилов. Они были среди нас, участников слета, рассказывали, вспоминали. Мы ходили по крепости вместе с ними.

И видели, как под небесным куполом ползли тучи с крестами на крыльях, как огненный ад бушевал здесь, в крепости... Уже пал Минск, уже ворвались головорезы в Смоленск. А крепость стояла. Бомбы и снаряды крошили бетон. Огнеметы изрыгали огненные лавы, которые оплавливали камень и металл. А люди стояли. Будто напоила их бессмертием родная земля.

Брест — западные ворота Белоруссии. А за его спиной — сотни таких же гордых и несломленных крепостей.

Нет, не потому Хатынь сожжена, что подвернулась под злую руку. Гитлеровцы знали, что каждый дом послал в партизанский отряд сына, мужа или отца. Каждый день то тут, то там гремели бои, хотя до фронта несколько сотен километров. Под ногами оккупантов горела земля, под каждым кустиком, на каждой тропинке в лесу стерегла их смерть.

Беспримерная в истории партизанская война — это и знаменитая «Рудобельская республика» на Гомельщине, где в глубоком фашистском тылу в течение всей оккупации работали органы Советской власти, куда так и не проник враг. Это — четырехсоттысячная партизанская армия, уничтожившая фашистов больше, чем армии США, Англии и Франции, вместе взятые. Это мужественное подполье, прошедшее через суровые испытания, и «рельсовая война», облегчившая наступление наших войск.

...Много на земле прекрасных городов и стран. И если однажды вы отправитесь в Белоруссию, вы не сможете не полюбить эту страну доброго, трудолюбивого, мужественного народа.

В. Ширяев

Площадь Победы в Минске

Индустриальный пейзаж Белоруссии

На берегу Минского моря

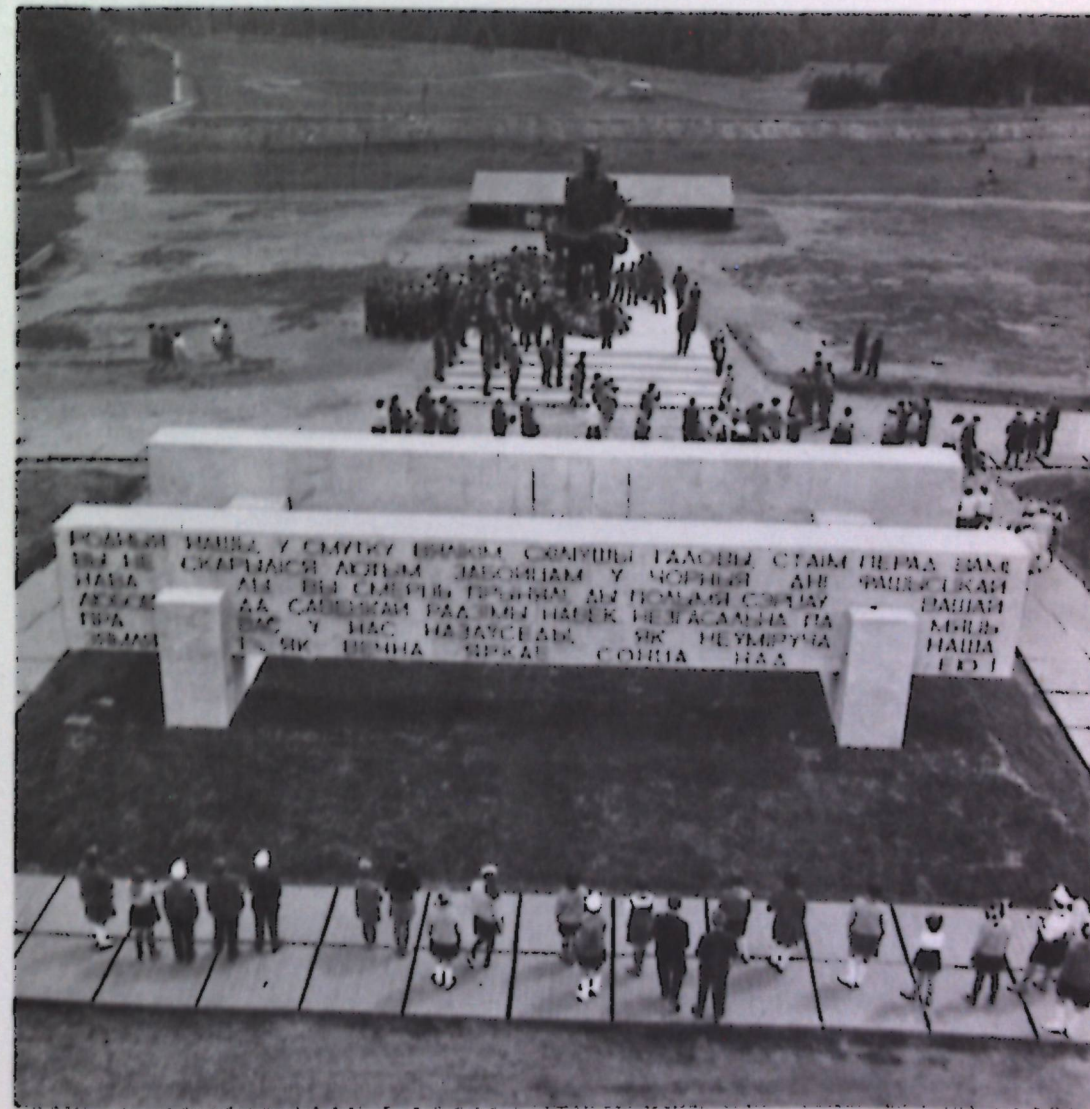

Курган Славы

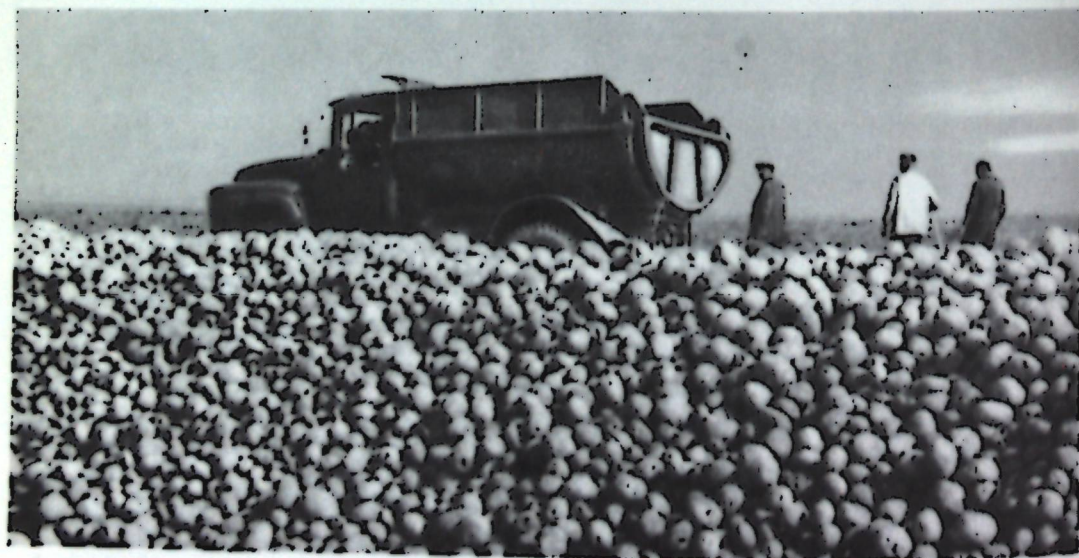
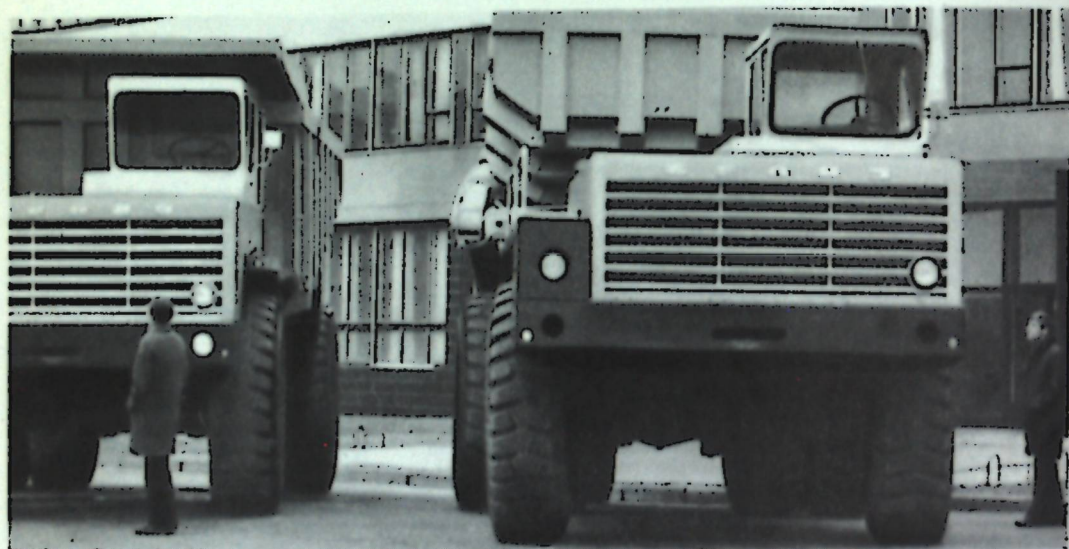

Хатынь...

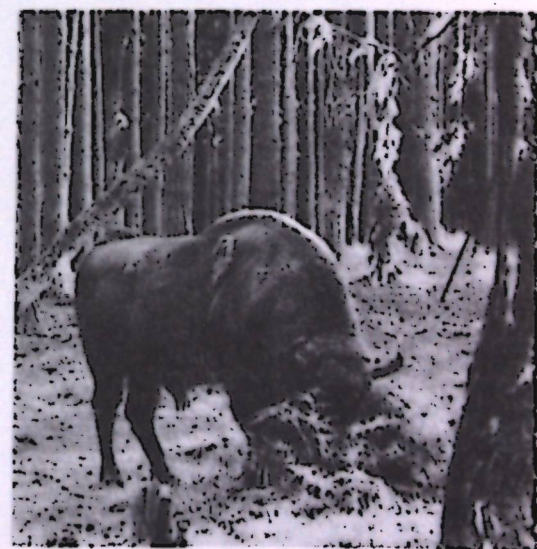
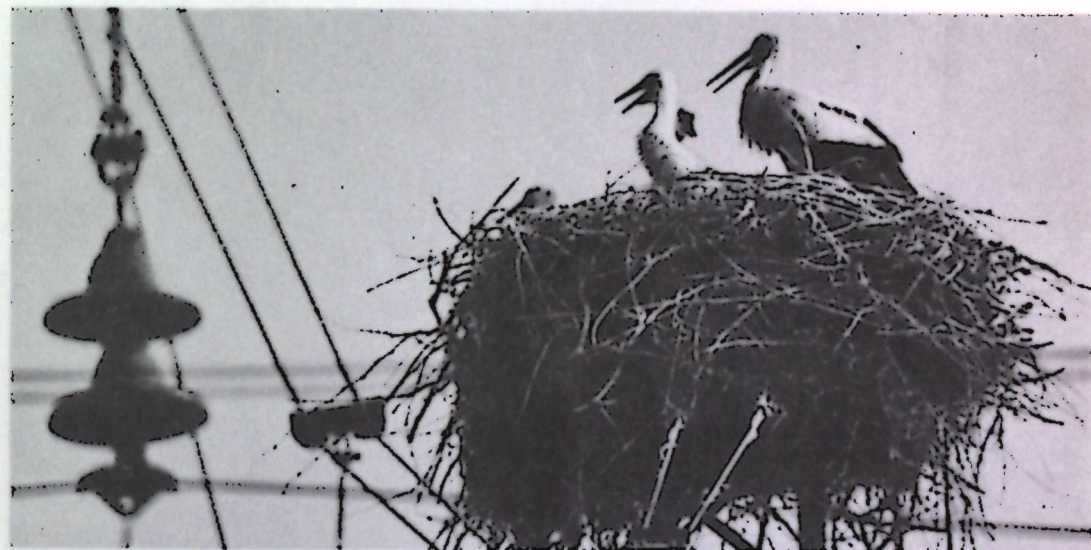

*«МАЗы» — гордость белорусских
автостроителей
Белорусская бульба*

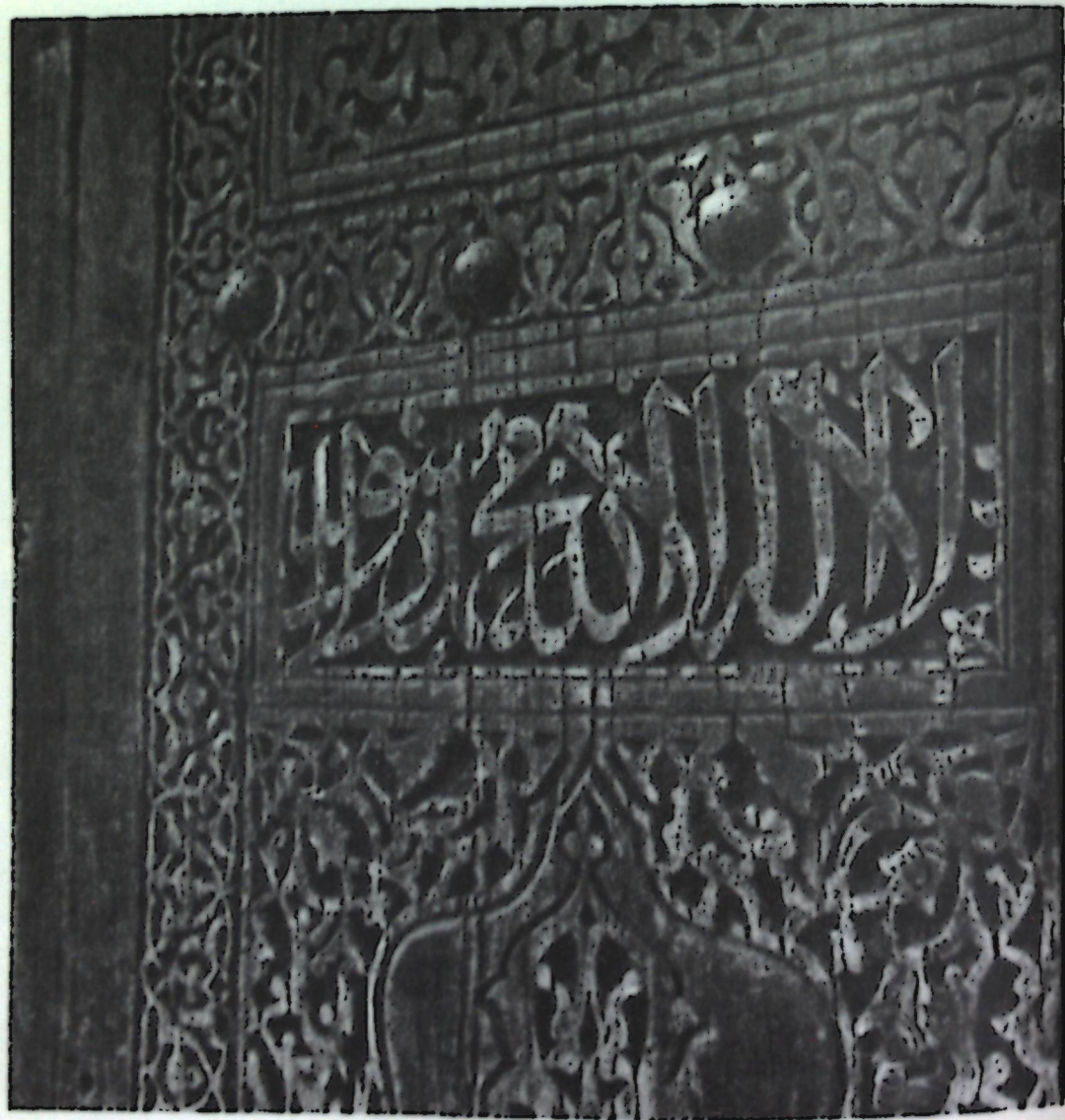

*Деревенский этюд
Беловежская пуца*

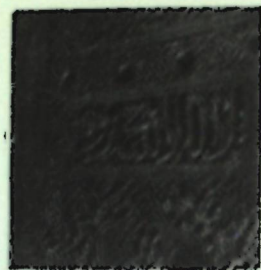

Узбекская ССР

Глоток из Амударьи

Стоит вам хоть раз увидеть Узбекистан, и вы никогда не забудете его, как не забудете первый цветной сон в своей жизни. Вы не забудете высокое, звонкое небо бескрайней голубизны, нестерпимо яркое солнце, низвергающее потоки тепла на безбрежные просторы степей и пустынь, на плодородные, густозаселенные острова долин. В памяти у вас останутся мертвенная желтизна песков и жизнерадостная розовость урючных садов, изумрудность хлопковых полей и стерильная белизна хлопковых бунтов, влажная синь гор и высохшее бесцветье такыра. Словно в голубом сне, встанут перед вами уникальные архитектурные ансамбли Бухары, Самарканда, Хивы, созданные зодчими минувших веков, и современные здания и дворцы Зеравшана, Навои, Ташкента. И смешается экзотика древности с героикой настоящего. И природные контрасты не заслонят гармонии «второй природы» — индустриального пейзажа. И поймешь тогда всем существом своим, что только солнце социалистических преобразований неузнаваемо изменило этот отсталый в прошлом край.

Я стою почти в самом центре Ташкента — центре старого города, как его называли до апрельского землетрясения 1966 года. Я стою у памятника Алишере Навои, воздвигнутого на проспекте, носящем теперь имя поэта. Впереди, насколько хватает глаз, — ши-

рокий бетон улицы, уходящей стрелой к горизонту. Расчерчен он строгими параллелями трамвайных линий, обрамлен густой зеленой шелковиц и чинар, стройным рядом фонарных столбов, выстроившихся по кромке тротуара. А сто лет назад краевед Н. Маев писал об этом месте, называвшемся раньше Ташкучей: «Итак, мы вступаем в Шейхантаурскую часть и едем по главной улице. На улице отсутствие зелени. Нестерпимый зной накалившихся стен домов и самой почвы. Пыль, поднятая стадом баранов, долго стоит в неподвижном воздухе».

История создания проспекта Навои показательна для многих улиц Ташкента. Строились они, как правило, по караванным направлениям, образуя запутанный лабиринт среди серых глиняных дувалов. Общий облик их был типичным для большинства городов дореволюционного Туркестана. Каждый дом был окружен глинобитным забором — дувалом, бывшим своеобразной крепостной стеной маленькой цитадели узбекской семьи. Низкий, с плоской земляной крышей, без единого окна на улицу, дом скорее напоминал темницу, нежели жилое помещение. Лабиринт узких, кривых улочек создавался хаотично. И лишь центр города — большой базар — как-то объединял разрозненные маленькие крепости. На базаре и прилегающих к нему улицах действовали многочисленные мастерские ремесленников, караван-сарай (заезжие дворы

для иногородных купцов), медресе и соборная мечеть.

В дореволюционном Ташкенте Шейхантаурская улица (нынешний проспект Алишера Навои) была самой широкой магистралью, соединявшей «старый» и «новый» город. Она считалась благоустроенной, так как была замощена и освещена несколькими уличными керосиновыми фонарями. По ней прошла конка, а с 1912 года — первый трамвай. Однако «старая» часть города в целом сохраняла прежний феодальный вид. Европейская, «новая», часть города, которая возникла за каналами Бозсу и Анхор после присоединения Ташкента к России в 1865 году, не отличалась архитектурным изяществом, хотя ее застройка велась уже по твердому плану, разработанному русскими инженерами. Наметилась радиально-кольцевая структура нового города.

После Октябрьской революции Ташкент преобразуется, создается единый архитектурно-композиционный ансамбль, охватывающий обе исторически сложившиеся части города.

В апрельскую ночь 1966 года мощным подземным толчком в одно мгновение было разрушено более двух миллионов квадратных метров жилья, десятки тысяч семей остались без крова.

Вещественным доказательством братства и дружбы народов нашей многонациональной страны стали новые кварталы домов в Чиланзаре, построенные с помощью всех республик, жилые массивы и улицы, присвоившие себе имена многих городов и краев нашей Родины. А скоро в сквере Революции встанет монументальный комплекс «Дружба народов». Мы видим руины старого Ташкента... На холме — напряженные фигуры мужчины и женщины, поддерживающие треснувшую башню. А над галереями две арки-стрелы. Одна из них застыла на циферблате огромных часов, на том самом мгновении, когда вздрогнула земля и вздыбилась от мо-

гучего подземного толчка силой восемь баллов в эпицентре.

Ташкент как бы заново родился после той апрельской ночи. И прав Мартти Ларни, написавший после посещения столицы Узбекистана в 1968 году: «Я стал свидетелем чуда. Вашу замечательную столицу даже нельзя назвать восстановленной после стихийного бедствия. Это новый город».

...Пройдемся по центру его. Смешаемся с шумной, многоцветной толпой. Улыбающиеся девушки в национальных и современных одеждах. Открытые, красивые лица. Представляется каким-то анахронизмом, что когда-то узбекская женщина обязана была носить паранджу.

Вы идете по центральной улице города — улице Ленина. Она просторна, величественна. Все жилые и общественные здания ажурны и вместе с тем монументальны. Панорамное восприятие города — вот к чему стремились архитекторы и градостроители при проектировании и строительстве нового Ташкента, и они этого достигли.

Квадраты окон высотных зданий с оригинальной системой защиты от солнца — выдвинутыми наружу, как флаги, панелями. Декоративные сквозные решетки. Мотивы восточной архитектуры, осмысленные в современной форме. Все это покоряет, как и великолепная водная эспланада на площади Ленина с квадратами гранитных плит и рифленого бетона. Быть может, только фонтаны Петродворца затмят эту узбекскую водную феерию. Но там, на севере, фонтаны лишь украшение, эстетическая доминанта царковой культуры, тогда как здесь, в центре Средней Азии, это своеобразный кондиционер, дающий прохладу центру города.

Вы выходите на площадь. Впереди, на эстакаде, — четырехгранник, украшенный мраморной крошкой. Он будто парит в воздухе. Перед вами здание филлала музея имени В. И. Ленина.

Здесь, на этой гигантской площади, ощущаешь устремленность всего Ташкента в будущее.

«Город должен быть так же прекрасен, как прекрасны вековые парки, леса и моря... Нужно, чтобы мы не мирились с ним, как с необходимостью, чтобы мы не ненавидели его, как нечто, что сокращает жизнь, а приходили в него, как в свой дом, полный друзей, книг и работы... Сделайте города такими, чтобы здесь можно было работать, думать и отдыхать...» — писал в 20-е годы Константин Паустовский. И архитекторы выполнили социальный заказ замечательного писателя. В эскизном проекте планировки и застройки центральной части Ташкента было, пожалуй, учтено все, чтобы он действительно стал лучшим городом страны, как того требовала надпись на одном из самодельных стендов, водруженных первыми строителями разрушенного Ташкента у своего палаточного городка.

Удивительное дело — еще несколько лет назад пятиэтажный дом считался в Ташкенте высоким. Узбеки привыкли к традиционным замкнутым домам-дворикам и не очень-то верили в высотные дома. Да и архитекторы, учитывая высокую сейсмичность района, не решались проектировать небоскребы. Однако точные расчеты показали, что высотность не противопоказана Ташкенту. По всему городу высятся теперь девятиэтажные дома из железобетонных каркасов с навесными панелями. Четырехэтажные — основа застройки. Учитывая приверженность узбеков к замкнутому жилищу, а также многодетность семей, строятся и специальные микрорайоны с двухэтажными комплексами с внутренним двориком и приусадебным участком.

Если взглянуть на город с птичьего полета, то его дома представляются как светлые островки среди зелено-голубо-

го моря. И в этом море большие корабли — высотные здания. Поднявшись чуть выше, увидишь два зеленых ствола: один (продольный) — пешеходный бульвар длиной четыре километра, протянувшийся от сквера Революции до площади Ленина; второй (поперечный) — составляет зеленый массив по берегам каналов Бозсу и Анхор. Тут парки — Победы, имени Ленинского Комсомола. Зеленая зона вокруг спортивного комплекса «Пахтакор».

А если подняться совсем высоко, то город покажется маленьким сердцем, от которого отходят транспортные артерии на Чимкент, Янгиюль, Сергели — город-спутник Ташкента, Алмалык и другие города.

Ну, а «небесные ворота» столицы находятся в ее южной части. Улица Богдана Хмельницкого стала как бы продолжением воздушной трассы. Ныне здесь идет большая стройка, и через два года поднимутся многоэтажные жилые здания. Будет создан единый магистральный ансамбль длиной в два с половиной километра. Выпрямится русло Салара, в гранит и бетон оденутся его берега. Рядом с мостом встанет пятидесятиметровый монумент, символизирующий Ташкент как город братства и дружбы. Для облицовки домов будут использоваться белые и лазурные керамические плитки, в тональности улицы будет преобладать «небесный цвет»... Уезжая, пройдите в последний раз улицами вечернего Ташкента. И когда-нибудь потом, в кругу семьи, вытащив сувенирный нож «пчаки», приобретенный на ташкентском базаре, вы вспомните стихи Александра Блока:

Случайно на ноже карманном
Найдешь пылинку дальних стран —
И мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман.

И вы действительно увидите фантастическое зрелище — цветные светящиеся квадраты окон гостиницы «Ташкент», что на Театральной площади, ориги-

нальный фонтан в форме раскрывающейся коробки хлопчатника, огни реклам, громады многоэтажных зданий и затемненную панораму площадей, просторы которых физически ощущаешь даже в вечернее время.

Бухара, Самарканд, Хива... Эти города порождают в воображении картины из «Тысячи и одной ночи». Слово наяву, вы видите шумные восточные базары, величавые караваны, грозных стражников у стен глиняных городов в неправдоподобно живописной одежде, черные движущиеся кули — женщин в паранджах. И над всем этим несравненные по архитектурной выразительности медресе, минареты и дворцы.

«Эдем Древнего Востока», «Драгоценная жемчужина исламского мира» — так говорят о Самарканде арабские рукописи. История его связана с походами Александра Македонского и арабских завоевателей, с династией Саманидов и ордами Чингисхана. А Тимур, этот «Железный хромец», как называли его русские летописцы, сделал Самарканд столицей своей империи.

Грозный владыка двадцати семи государств решил так отстроить город, чтобы он затмил блеском все столицы мира. «Если сомневаешься в нашей власти и щедрости, посмотри на наши постройки» — было начертано на стенах одного из его дворцов. Как ценнейшее сокровище, среди прочей военной добычи вез он в Самарканд ремесленников, мастеровых, художников. Именно в эпоху правления Тимура и его преемников были созданы в Самарканде шедевры мирового зодчества.

Возвышению и развитию Самарканда способствовало его положение на важнейших торговых путях, связавших Древний Китай, Индию и другие страны Востока с Ираном, Турцией, Закавказьем, Россией и странами Средиземноморья. Изделия из шелка и атласа,

самаркандская тряпичная бумага были известны повсеместно на Востоке. В городе были построены грандиозные солнечные часы и такой же водопровод, как в Риме.

Городу древней славы суждено было сыграть огромную роль в политическом, экономическом и культурном развитии Советского Узбекистана. С 1925 по 1930 год Самарканд — его столица. В ту пору особенно интенсивно шло строительство, заметно изменившее облик и очертания города. И сегодня — это современный большой промышленный центр Самаркандской области, второй по значению в Узбекистане после Ташкента.

Сколько ни готовь себя к встрече с прекрасным, первое свидание с ним будет неожиданным и неповторимым. Великолепный зелено-голубой купол мавзолея Гур-Эмир ты увидишь еще издали, подъезжая к городу. И долго будет тебя преследовать чувство, что желтую громаду пустыни специально украсили столь ярким пятном, чтобы глаз радовался неистребимости жизни.

Купол мавзолея огромен (диаметр в основании 15 метров, высота — 12,5 метра). Благодаря ребристости и карнизу, плавно передающему нагрузку от купола к барабану, он кажется изящным и легким. Насыщенный голубыми тонами, переливающийся всеми оттенками холодной синей гаммы, купол производит величественное впечатление.

В мавзолее Гур-Эмир находятся могилы Тимура, его двух сыновей и внуков, в том числе Улугбека — выдающегося государственного деятеля и крупного ученого. Время его правления — эпоха расцвета науки, литературы, искусства. В 1428 году Улугбек создает свою знаменитую обсерваторию, оборудованную точными инструментами (остатки ее были обнаружены самаркандским археологом В. Л. Вяткиным в 1908 году в северо-восточной части города, у возвы-

шенности Чупаната). Его работы по астрономии, астрономические таблицы и каталог звезд дали основание выдающемуся астроному Лапласу назвать Улугбека «величайшим в истории астрономом-наблюдателем».

...Тихо в мавзолее. Лишь шуршание обуви экскурсантов да неумолчное воркование голубов нарушают чуткую тишину. Припомнились строки Алишера Навои: «Султан Улугбек, потомок хана Тимура, был царем, подобного которому мир еще не знал. Все его сородичи ушли в небытие. Кто о них вспоминает в наше время? Но он, Улугбек, протянул руку наукам и добился многого. Перед его глазами небо стало близким и опустилось ниже. До конца света люди всех времен будут списывать законы и правила с его законов».

Будь лишь один этот мавзолей в Самарканде, и то толпы туристов приезжали бы сюда во все времена года. Но в Самарканде настоящее пиршество памятников! Несравненная мечеть Биби-Ханым, которая впечатляет даже в развалинах, ибо, как говорили поэты Тимура, «ее купол был бы единственным, когда бы небо не было его повторением». «Царство смерти и красоты» — более двадцати мавзолеев Шахи-Зинда, где, по преданию, до сих пор живет с отрубленной головой Кусам ибн-Аббас, двоюродный брат пророка Мухаммеда. Наконец, форум древнего Самарканда — площадь Регистан с тремя величественными медресе: Улугбека, Шир-Дор и Тилля-Кари.

Первое, что меня поразило в Бухаре, «священном», «благословенном», «благородном» городе, это... аисты. Вот уж поистине благородная Бухара! Хромоногий Тимур пощадил ее, разрушив все остальные завоеванные им города. Ну, а аисты не возвращаются к разоренным гнездам...

Я иду улочками старой Бухары. Стран-

ное ощущение охватывает меня. Я в городе, где сохранились архитектурные памятники народного зодчества всех исторических эпох начиная с IX века. В эпоху правления Саманидов Бухара стала крупнейшим культурным центром мусульманского Востока. Тут процветали науки и искусства, в библиотеках собирались ценнейшие рукописи. В Бухаре жили знаменитый поэт Рудаки, выдающийся историк Мухаммед Наршахи, гениальный ученый, философ и медик Ибн-Сина, известный в Европе под именем Авиценна...

Время застыло перед лицом древности, я переношусь на тридевять веков назад. Я вижу, как молодого Авиценну ведут стражники в эмирский дворец. Совсем недавно он вылечил эмира, чего не мог сделать ни один придворный лекарь. Эмир улыбается, предлагает земли, рабов, табуны, золото... «Попасть в хранилище книг падишаха — для меня самая большая награда!» — говорит Авиценна.

...К мавзолею Исмаила Самани идут мусульмане. Они полны веры, что Исмаил жив и поможет им. Они несут с собой записки, полные мольбы и просьбы, и кладут их в отверстие, сделанное в сагане мавзолея, в головной его части. И ждут «ответы» у другого отверстия. Эти ответы сфабрикуют для них муллы...

Я вижу верблюжьи караваны заморских купцов, алчных стражников, потрошащих товары и взимающих всевозможные пошлины, в том числе на подарок хану, за содержание осла, в пользу палача; вижу менял и торговцев под тенистыми сводами базарных улиц Бухары, рыночных сооружений — Таки-Заргаран («Купол ювелиров»), Таки-Тильпак-фурушан («Купол продавцов головных уборов»), Таки-Саррафан («Купол-менял») и Тим Абдуллы-хана («так» — арка, свод, рыночное сооружение, поставлено на перекрестке улиц; «тим» — торговый пассаж), где

бухарские ковроделы раскладывают прямо на земле новые ковры, чтобы идущие по ним люди и лошади обогрели их своими подошвами и копытами и сбили лишний ворс.

Самый древний архитектурный памятник города — крепость Арк (цитадель). В одной из ее камер томился писатель Садриддин Айни. В Арке теперь областная краеведческая музей. Многие здесь можно узнать об истории города, его интересном прошлом и славном настоящем.

Сегодня в Бухаре новые достопримечательности спорят по своей значимости с древними его сооружениями. В соответствии с Директивами XXIV съезда КПСС строится хлопчатобумажный комбинат. Он объявлен народной стройкой.

На юго-восток от Старого города, в направлении Кагана, где была первая железнодорожная станция в Бухарской области (эмир в то время не разрешил проводить железную дорогу через Бухару), за кирпичными и панельными домами микрорайонов, за башенными кранами видна строительная площадка гиганта легкой индустрии. Новостройка придает городу яркие черты современности. Когда будет возведен комбинат — а это произойдет в конце девятой пятилетки, — 8200 рабочих начнут производить в год 80 миллионов квадратных метров добротных тканей — третью часть узбекского текстиля. Между заповедной частью Бухары и застройкой последних лет возникнут монументальные сооружения нового общегородского центра, которые органично включат в себя современные архитектурные формы и элементы национального зодчества.

...И вновь я в центре Старой Бухары. Резкие тени от солнца падают на мягкую поверхность асфальтовых тротуаров. Все дышит зноем; даже красный цвет женских платьев, кажется, источает его... Кругом шумит многоязыкая

толпа. Чужеродно выглядят европейские одежды туристов на фоне многоцветной майолики мечети Калян, соперничающей своими размерами с мечетью Биби-Ханым, на фоне медресе Мири-Араб с его неправдоподобно ярким цветом мозаики и изумительным орнаментом. И странное чувство пребывания в каком-то другом времени и пространстве снова овладевает мной...

Поезд мчится в знойном мареве Кызылкумов к «бешеной» реке Средней Азии — Амударье. Переехав через нее, мы от Чарджоу будем держать путь к Ургенчу, где в низовьях Амударьи раскинулся легендарный Хорезмский оазис и город, о котором на Востоке говорят: «Дам два мешка золота, чтобы хоть одним глазком взглянуть на Хиву».

Проезжаем станции Мургак, Якатут, Каракуль, Алат, Ходжа-Давлет. Хотя это и оазисы среди безбрежного песчаного океана, выходить из вагона не хочется — на воздухе песчинки, как искры, обжигают лицо. В окне — одна и та же картина: далеко, насколько хватает глаз, в оправе оранжевых песков простираются солончаки, то белоснежные от соли, то ярко-зеленые, желтые, розовые, кроваво-красные, темно-лиловые от растущих на них солянок. Глядя на столь безрадостный пейзаж, с каким-то благоговением думаешь о людях, живущих здесь и ведущих непрерывную борьбу с суровой природой.

«Там, где кончается вода, там кончается земля» — гласит узбекская поговорка. И это действительно так. Причудливы границы Узбекистана. Подобных не знает ни одно государство мира. И «виной» всему — вода, которая сосредоточила поселения людей в оазисах, раскинувшихся по берегам двух самых больших рек Средней Азии — Сырдарьи и Амударьи, а также искусственных каналов: Узбекистан издревле был

районом преимущественно орошаемого земледелия.

В этой пятилетке будут введены в эксплуатацию новые орошаемые земли на площади 465 тысяч гектаров в Голодной степи, Сурхан-Шербадской долине, Каракалпакской АССР, улучшится мелиоративное состояние земель на площади не менее 600 тысяч гектаров. А это значит, что в жемчужную оправу достопримечательностей Узбекистана добавятся новые дары его щедрой земли. Вековая мечта узбекского народа об обводнении Голодной степи, выраженная в красивой легенде о Фархаде и Ширин, становится действительностью.

Вот мы наконец и прибыли в Хиву — столицу туризма республики. Доставил нас сюда комфортабельный автобус из Ургенча, административного центра Хорезмской области, что в 28 километрах от Хивы. После долгого пути по пустыне приятно попасть в городок курортного типа, охраняемый от знойного дыхания песков и сухих горячих ветров кольцом зеленой зоны, пройтись тенистыми аллеями парка культуры и отдыха, напиться холодной воды из автоматов и воскликнуть: «Хей-вах!» — как тот неведомый путник, чей возглас удовольствия при дегазации воды из колодца «Хейвах», что и сейчас действует, наверное, дал название древнему городу.

Это все-таки здорово — в XX веке очутиться в мире прошлого, легенд и преданий! Вокруг — глинобитные дома с плоскими крышами и внутренними зелеными дворами под сенью навесов — айванов. Как бы ни было знойно на улице, в этих остроумно спланированных жилищах всегда прохладно. Древние мастера знали секрет вертикального проветривания.

В полукруглых нишах толстых стен Павлан-дарваза сидят, попивая зеленый чай, торговцы и ремесленники. За помощью к меняле обращаться не

надо — здесь продадут любой сувенир за деньги наших дней. У мечети Саидбай гончары вертят на примитивных кругах посуду из глины, как и несколько столетий назад. А дальше попадаешь на рынок, пестрый и изобильный, как все восточные базары. А затем видишь бессмертные минареты; медресе и мечети — Ислам-Ходжа, Акмечеть, Мухаммед-Амин-хана и Кальта-минор; Куля-арк — старую крепость, дворец Ташхаули, мавзолей Пахлаван-Махмуда... И здесь то же изобилие майоликовых росписей кружевных орнаментов, бирюзового цвета, что и в зданиях древнего Самарканда. Но ценность Ичан-Калы (внутреннего города, древней части Хивы) в ее целостности, в том, что здесь сохранился в первозданном виде единственный в своем роде ансамблевый памятник древней среднеазиатской культуры.

Уезжая отсюда, надолго запомнишь стрелы минаретов над морем плоских крыш, расписные ленты на башнях, бритоголовые купола мечетей. А еще запомнишь национальную борьбу кураш, бой баранов, выступление ансамбля девушек-гармонисток «Фируза», древний хорезмский танец «лязги», в котором участвует двенадцать танцоров от четырех до шестидесяти лет. И хивинские ковры, чей орнамент, фантазия линий и цветов поразят не меньше, чем майолика на древних зданиях города-заповедника. И сувениры: большие гончарные блюда, медные кувшины-кумганы, стальные ножи, медные подносы — все с орнаментом.

Прекрасен Узбекистан во все времена года; и путешествие по нему доставляет ни с чем не сравнимую радость открытия Красоты. А потому закончим его восточной поговоркой: «Кто пил хоть раз амударьинскую воду, тот вернется обратно».

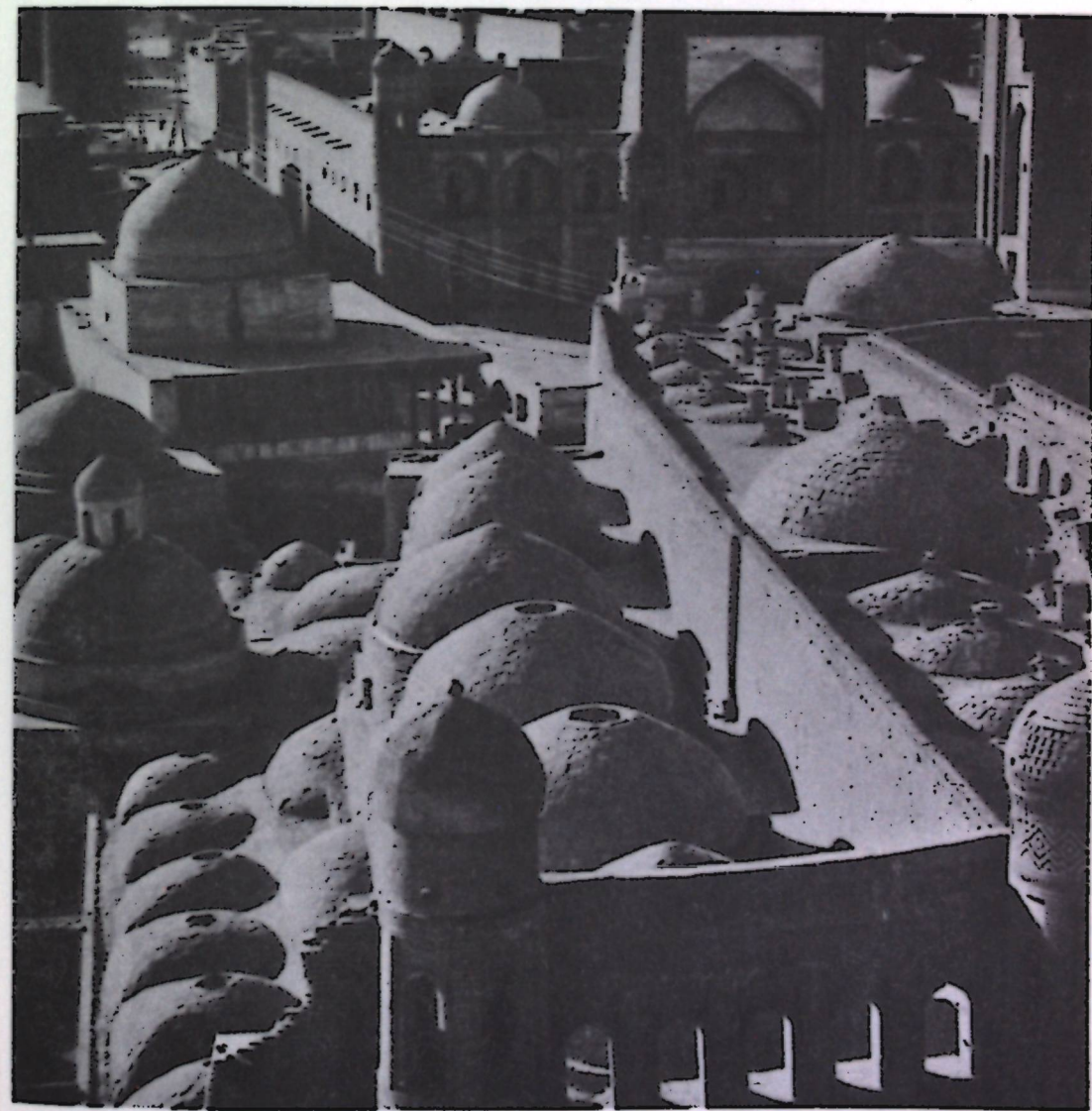
А. Зайченко

Литературный музей имени Навои в Ташкенте

Седина узбекских городов

Машины заменили тяжелый труд на уборке
хлопка

Тысячи каракулевых шкурок — бухарское
«золото»
Солнце Узбекистана собрано в этих гроздьях
винограда

Казахская ССР

Степной великан

Казахская республика прежде всего степной великан, пшеничное море, а потом уже — прославленные горы близ Алма-Аты, сверкающие, изумрудные, манящие к себе туристов. Но не в любом возрасте можно подняться в царство вечных снегов, заночевать в поднебесье, спуститься в глубокое ущелье. А степи, озера, леса и реки — это простор, доступный каждому, от мала до велика.

Иртышу в ряду восточных рек нашей страны отводят четвертое место. Но если по карте внимательнее присмотреться к его прямому почти течению после встречи с Обью да проследить всю его криволинейную бесконечность, то станет ясным, что не он приток, а она, Обь, — его сестрица, встретившаяся со старшим братом, занимающим первое место не только среди рек Казахстана и Сибири, но и в десятке величайших рек земного шара.

У восточных границ Казахстана Иртыш своенравен, быстр, как и всякая горная река. Вблизи Бухтарминского моря (искусственное водохранилище с отличными местами для купания, рыбалки) берега Иртыша скалистые, в Семипалатинске они галечные, в Павлодарской области — степные, с широкой поймой, ниже Омска — покрыты лесом, обрывистые. В низовьях, усиленный водами Ишима и Тобола, Иртыш велик вширь и вглубь, перед встречей

с Обью принимает еще многоводную Конду.

В прямоугольнике Павлодарской области Иртыш растянулся километров на пятьсот, а если собрать его кривулины, капризные забеги к высохшему древнему руслу, в мягкие степные земли, то наберется еще сотенки полторы верст речной полосы, раскинувшей вокруг болотины, озерки, богатые рыбой.

Старинный казачий поселок Ямышево расположен на правом берегу Иртыша, километрах в пятидесяти от Павлодара, у большой транспортной магистрали на Семипалатинск. В пяти километрах от него с древнейших времен производилась добыча соли из степного озера. В 1626 году воевода отправил из Тобольска к «Ямыш-озеру по соль» шестнадцать дощаников и семь ладей с шестьюстами сибирскими служилыми людьми. А позже в иные годы из Тобольска по Иртышу к озеру посылали за солью и до сорока казенных дощаников, и вели их — против течения! — до семисот человек.

В семнадцатом веке здесь были большие международные ярмарки, продолжавшиеся недели по три. Торговали Россия, Джунгария, Китай, Бухара, Табуны скота, бурты кожи, сукна, меха, ткани — шелковые, хлопчатобумажные, льняные, — чай, медные котлы, тащи, оловянные блюда, слюдяные оконницы, заменявшие стекло, топоры, коны, заменявшие стекло, топоры, коны-горбуши... Долго перечислять все товары.

Теперь у пустынных берегов озера степь занята посевами проса, пшеницы, по голубым польным просторам громадными квадратами зеленеет кукуруза, и даже не верится, что когда-то бывали тут международные ярмарки.

Цветущее разнотравье поймы Иртыша, как яркий ковер. Пригожи луга и покрытые скирдами сена, когда по кустарникам, на песчаных грядках, по обрывам и холмам начинают созревать черные, с сизым или синеватым налетом, кисловатые ягоды ежевики. На одних стеблях спелые ягоды, а на других — белые цветочки до поздней осени.

Бесконечны заросли диких роз в долине Иртыша от Семипалатинска до Черлака в Омской области — полоса, вероятно, длиной более тысячи километров. Молодые побеги переплетаются со старыми, и возникает такая сила острых шипов и колючек на ветвях, большими дугами поникающих к земле, что до ягод не могут добраться даже птицы и мелкие грызуны.

Шиповник коричный — а именно он заселяет понижения вдоль Иртыша — по содержанию витамина С превосходит все растительные продукты. В годы Великой Отечественной войны павлодарцы десятками тонн сдавали эти буро-красные ягоды для изготовления различных лекарственных препаратов. Павлодару, основанному на правом берегу Иртыша, в районе земель Сибирского казачьего войска, в 1971 году исполнилось двести пятьдесят лет, но только за последние десять он обрел облик большого города: улицы многоэтажных домов, заводы, институты... Местные жители с гордостью говорят об успехах металлургов, энергетиков, угольщиков, о своем тракторном заводе — нарождается промышленный гигант, хотя область по-прежнему остается и сельскохозяйственной: десять миллионов гектаров земли под угодьями, из них одна треть — под пашнями.

От берегов Иртыша в Ленточный бор протянувшийся степью к Барнаулу, можно ехать из Семипалатинска. Встретит вас неоглядная поверхность чуть приподнятой плодородной равнины, житницы Бескарагайского района. Ленточный бор — явление уникальное в сухой степи. Отдельные сосны как бы отходят от лесного рубежа на возвышенности и, приласканные солнцем, вольготно раскинув сильные сучья, покрытые жестковатой хвоей, свободно живут, открытые со всех сторон ветрам.

Темная стена ленточного бора заметна издали. Чем ближе лес, тем добротнее ковыль и типчак выше, а дощик белый здесь достигает метровой высоты, видны крупные красноватые метелки чернотыльника, только что хилим малышом тянувшегося вдоль дороги; василек луговой у леса приободрился, появились таволга, сон-трава с мохнатыми головками, будто разбежавшимися между соснами.

Лесная застава. Шлагбаум. Полосатые столбы. Колодец. Домик под высокой, на четыре ската, тесовой крышей. Непременно поднимутся с места ленивые, сухопарые собаки и нехотя полают. А затем, чаще всего, выйдет из дома смуглая казашка в красных сапогах, в ярком полушалке. Она неторопливо приблизится к шлагбауму, спросит, кто вы, откуда, куда направляетесь, и поднимет скрипучую слегу, давая возможность пересечь границу между степью и первой лентой бора в треугольнике Семипалатинск — Кулунда — Барнаул. Побродите в единственном на весь мир сосновом бору, который тысячи лет подставляет свои толстокорые бока под степные ветры и бури. Почему он возник именно здесь? Ученые уверяют, будто вытянулся он лентами на узких долинах, сохранившихся еще со времен таяния ледников, либо на остатках дельты древнейшей реки. И горел великан, и вырубали его, и песком запо-

сило, и съедала его хвою, сверлила древесину тьма-тьмушая вредителей, а он все-таки оживал... В 1943 году зеленого богатыря приравняли к городским и курортным лесам — началось лесоустройство, появились питомники по выращиванию сосны, под топор пошла лишь переспелая и спелая древесина, стали проводить санитарные рубки, которые способствуют восстановлению леса.

На солнечных делянках и опушках много земляники, она красными ковриками стелется близ голых столбов, между ющих бор на кварталы, ютится у пней, тянется вдоль светло-голубой колеи песчаной дороги, убегающей по широкой просеке, живет и в низинках рядом с грибами.

Противопожарные вышки над лесом до того высоки, что редкий желающий сыщется достичь их сторожевых площадок. Пожарники, поднявшиеся под небо, телефоном связаны с лесничествами и лесхозами. Не дадут разгуляться большому огню.

Зрелище со сторожевых площадок незабываемое: зеленые ленты леса, просеки, прогалины, а далее — возвышенные равнины, крылатые ветродвигатели над глубокими колодцами и поселки, окруженные силосными башнями. Поселок в лесу или около его опушки не похож на степной. У степного улицы широки, белые украинские хаты поставлены далеко друг от друга, к ним словно жмутся прошлогодние копешки соломы, тут же низенькими пирамидами продуваемые ветром кирпичики кизяка. С вышек не видно рвов, но они есть — глубокие, огораживающие усадьбы и огороды. Иной облик у лесной деревушки. Старожилы, да еще из местного казачества, дома свои, крытые тесом, ставят тесно, бок о бок, вместо кизяка заготавливают сухие дрова, садочками на усадьбах не увлекаются, и оттого не только дома, но и баньки, амбарчики под крышами похожи на

хмурых стариков, нахлобучивших на лбы высокие шапки.

Велик и незабываем Ленточный бор. По его широким опушкам, наслаждаясь тенью, можно проехать из Семипалатинска в Барнаул, познакомиться с ближней степью.

Недалеко от Павлодара громадные насосы потянули в себя иртышскую воду, чтобы подавать ее по каналу Караганда: 460 километров пути в гору, со ступеньки на ступеньку, при помощи двадцати двух насосных станций. Почти на каждом километре пути в карагандинские мелкосопочники вода поднимается на метр, и на последней станции — ступеньке гигантской лестницы — ее уровень выше павлодарского Иртыша на 420 метров. Павлодар — в низине, Караганда — в небе.

В нашей стране это первый несамотечный очень длинный канал, он своеобразен, редкость для всего мира и, вероятно, обогатит инженерную практику и науку. Канал представляет большой интерес и для гидрологов, геологов — ведь его притрассовая полоса достаточно сложна: равнины, впадины, повернутые вспять речки, мелкие сопки, невысокие горы, скальные и полускальные массивы. А путешественнику и подавно есть здесь чем полюбоваться!

Канал уже стал живой артерией для угольного Экибастуза. Уголь здесь залегают мощными пластами на глубине до пятидесяти метров, и запасы его, по подсчетам геологов, — десять с лишним миллиардов тонн. Скоро Экибастуз будет давать 45 миллионов тонн угля ежегодно.

Канал постепенно преобразует окрестности, хотя здешняя степь никогда не бывала однородной, унылой даже в середине лета. Недалеко от границ Карагандинской и Павлодарской областей возникла плотина, образовалось водохранилище в жаркой степи с поло-

гими берегами. Разрастаются сочные травы и кустарники. Скоро появятся озерная, болотная дичь, рыба.

Как-то ехал я вдоль по трассе с шофером Асеном Аскарбаевым — везли запасные части. Я, между прочим, спросил Асена, как по-казахски называется дорога, путь. Он скосил на меня веселые смолисто-черные глаза, как бы полуспрятанные за чуть припухшими веками, и вспомнил о русских мужиках, которые в прежние времена, подобно казахам, знакомясь в пути, говорили друг другу: «мир дорогой», то есть не будем ссориться.

— По-нашему «мир дорогой» — батым жолда! Дорога всегда была событием у казаха. В дороге он думал, пел, жил. — Асен поднял от руля руку и наскоро закурил. — Дороги разные, песни о них разные. Обыкновенная степная называлась кара жол, шоссейная — тас жол, большая — улы жол, тропа — сокпах, жалгыз аяк жол... А бетонную Павлодар — Караганда (она тянется вдоль канала), когда канал обсадят деревьями, еще не знаю как будут называть. Может быть, сулу жол — красавица! Туристы уже едут по бетонке.

— Сулу жол, — повторил я. — Складно получается.

Мы остановились на старинной казахской зимовке и вошли в землянку с маленькими окошками. После яркого света ощупью пробирались по темному коридору, отмежеванному от ягнятника, попали в кладовку, заставленную всякой домашней утварью. Жилая комната поразила меня: богатырем красовался в ней сняющий холодильник, почти касавшийся потолка, темного, как туча; у подножия холодильника на ковриках лежали пышные подушки. В соседней обширной комнате без дверей столько было ярких ковров по стенам и на полу, что казалась она охваченной пламенем. Появился старичок с батошкой, словно родившийся в этих коврах.

За чаем старичок нет-нет да и распакивал роскошную дверку холодильника, и мы наслаждались приятной стужей.

Старичок многое помнил. В девятнадцатом году он в этих краях работал на рудообогатительной фабрике Сарысу. В речке было совсем мало воды, а фабрике ее требовалось много.

— Велика ли была фабрика? — спросил я.

— Нет. Двадцать рабочих. Но воды не хватало. Теперь хватит, — старичок засмеялся. — Всем заводам Караганды, всем заводам Темиртау и совхозам дадут.

Канал Иртыш — Караганда — смело проложенное сооружение, — лишь первенец великого проекта переброски северных вод к югу. Через степи полупустыни и пустыни пройдут новые каналы, по берегам их возникнут города, предприятия, пополнятся бассейны Аральского и Каспийского морей, озера Балхаш. Переброска части стока северных рек на юг не за горами.

С востока — из Павлодара от берегов Иртыша, с севера — из Кокчетова от синих озер и сосновых боров, одинаково пригож путь в Целиноград и на автомобиле и по железным дорогам. Целиноград вырос из Акмолинска. Ак — белый, мола — могильник. Акмола — так прежде казахи называли город, основанный в 1862 году. Долгое время здесь был сборный пункт для караванов, идущих из Ташкента и Бухары; стало быть, в городе кроме глинобитных домишек с плоскими крышами и мечетей было еще множество сараев для товаров и верблюдов, скотных дворов. Нынче Целиноград — высокие дома, асфальтом покрытые улицы. Акмолинская степь выгодно отличается от Павлодарской и Карагандинской — в ней почти нет легких почв, не свирепствуют пыльные бури, хотя,

разумеется, просторы для ветра велики.

От Целинограда до научно-исследовательского института зерновиков всего шестьдесят километров: станция Шортанды на железной дороге, большое село, совхоз, поля института.

Ученые заняты здесь выведением новых сортов, добиваются высоких урожаев. На узкой меже большие колосья «целиноградки» ударяются о кабину нашей машины, шуршат по металлическим бокам кузова. Колосья поздней пшеницы едва начали покрываться незрелыми цветками, но самая ранняя уже поспевает. А вот и смеси известного селекционера академика В. П. Кузьмина — популяции, дающие повышенные урожаи. Вместе и раннеспелая, и средняя, и поздняя; один из сортов, попавший в счастливые условия, словно бы подтягивает за собой собратьев, старается всячески «помочь» им, и перед созреванием выравниваются на полосе все пшеницы. Новая земледельческая зона — это смелые поиски, кропотливые исследования.

Но у пшениц есть опасные враги: зерновая совка, трипсы. Каждый год за Уралом, на востоке, примерно одна четверть урожая злаковых гибнет от вредных организмов и болезней. Борьба с вредителями — одно из важнейших направлений работы ученых в Шортанды. Борются с вредителями на пашнях прежде всего добросовестной обработкой почвы по всем правилам, ну, а потом... Разводят насекомых, уничтожающих злостных вредителей. На пшеничном поле, пожалуй, ни одно насекомое не приносит столько пользы, сколько божья коровка, — питается тлей, личинками трипсов. Защитой растений занимаются ученые-фитопатологи. Фито — растение, патос — болезнь, логос — учение, вот и получается — фитопатолог. Растения болеют, как и люди. Ожоги, опухоли, каверны, ржавчины...

Работа института в Шортанды привлекает многих работников сельского хозяйства, приезжающих сюда за знаниями и опытом. Немало тут и туристов. Вот прошел запыленный автобус — экскурсантам показывают способы обработки почвы, агрохимическую службу, деланки селекционеров, занятые ранними сортами зерновых культур, урожайные полосы и машины в работе, редкостные, удивительные, каких еще нет нигде в стране. Завтра и я поеду в этом автобусе по накатанным полевым дорогам дивиться на дела ученых, а сейчас не хочется уходить от нежных, мягких еще колосьев пшеницы — упругие, живые, постоянно струящиеся, словно кровь, они перешептываются и на самом легком ветру. Скоро жатва. У Казахстана на здешних просторах хлеба посеяно 22 миллиона гектаров. Более ста тысяч комбайнов выйдет на зерновое поле да столько же автомобилей. Вот где воистину бесконечное царство пшеницы!

Из Гурьева, расположенного близ Каспийского моря, интересна поездка в любую сторону. Железная дорога приведет к нефтяникам полупустыни, к геологам, занятым увлекательными поисками; близко от города находятся рыбаки, быт, будни и героические дела которых — новость для жителя, скажем, средней полосы страны.

Соседняя Актюбинская область занимает первое место по количеству лошадей в Казахстане, а в Гурьевской много верблюдов. Поблизости от города, в районе Эмбы, за морем, по мангышлакским землям в одиночку и группами бродят одnogорбые молочные корабли, бродят вокруг нефтяных скважин, рудников, строительных площадок, бродят летом и зимой как верные друзья человека, живущего в пустыне и полупустыне.

В молоке верблюда, если сравнить его с коровьим, больше жира, белка, мо-

лочного сахара, по вкусу и запаху оно приятнее. Охлажденное до десяти градусов плюсовой температуры, верблюжье молоко не скисает трое суток; даже при температуре около тридцати градусов оно сохраняется свежим часов восемь, а коровье при таком нагреве скисает за три часа.

Близко от города, однако, уже на безлюдном полынно-злаковом просторе, подъехали мы к одинокому домику под светлым шифером. Вышли из машины, поразмыслились, мотор между тем утихнул, и вдруг такая тишина окружила нас, какой и в полях давно уже не встретишь.

Пожилой рыжеусый хозяин расстелил на кошке светлую скатерть, затем перед каждым поставил чайное блюдце с куском сливочного масла, широко рассыпал сахар, карамельки в тонких рубашках и принес громадный самовар, вверху широкий, а внизу будто стянутый в узел. Ведя неторопливый разговор о пастбищах, обстоятельный хозяин убеждал нас в том, что стада овец начисто выбивают копытами любую траву, потому что ходят тесно, и под их ногами все живое гибнет.

— А верблюд спасет степь, — сказал он и широко раскинул по скатерти немногие кусочки сахара, чтобы показать, как вольготно пасутся верблюды, а затем собрал сахар в пригоршни — в такой тесноте любят жить овцы.

Верблюжье мясо после крепкого чая с конфетами и сладкими лепешками для меня было блюдом неожиданным. Потом из чашек пили крепкий бульон, а затем появился шубат — кисловатый напиток, приготовленный из верблюжьего молока путем молочнокислого и спиртового брожения. Хозяйка каждому из нас подала литровые чашки, до краев наполненные слегка пенным шубатом, очень белым по сравнению с коровьим и кобыльим молоком. Даже слабый кумыс резковат, а средний до

того крепок, что у многих пробивает слезы, а шубат нежен, мягок. Беседа наша продолжалась. Оказалось, что из каждых ста верблюдов республики девяносто шесть пасутся в пустыне и полупустыне, что на этих же, на первый взгляд почти мертвых, землях нагуливается больше половины баранины, что пустыня и полупустыня дают государству все каракулевые смушки.

В кошаре близ гостеприимного дома, построенной из камыша и камышом покрытой, я остановился до крайности удивленный увиденным зрелищем. Сколько же здесь верблюжат! Каждый малыш своей веревочкой привязан к стене-плетню, и перед каждым висит пучок травы — сухая люцерна, взятая из брикетов. Верблюжата играючи ели стебельки и листочки, стянутые в пучки. Из степи в кошару — настал час кормления детенышей — собирались двугорбые мамы с длинной шерстью на шее, казавшиеся бородами. Они, важные, медленно входили в кошару и останавливались, нисколько не желая склонить головы, словно спесивые барыни. Чабан и жена его быстро отвызывали верблюжат от стены и подвели к матерям, которые непременно обнюхивали своих чад, награждая чужих грубыми толчками.

Иные из великанш, входящих в кошару, были на первый взгляд страшны: растрепанная челка на верхушке головы, лохматый чуб, беспорядочно сваленная на обе стороны грива, борода, свисающая с шеи чуть не до полу, наросты шерсти на предплечьях и, наконец, плешивые ляжки, голый, короткий, сильный хвост. Казалось, и места не найдется в тесной кошаре чудовищу, а между тем верблюдица, разыскивая своего детеныша, проходила легкой, изящной поступью балерины, вовсе не задевая подруг, столь же вроде бы несуразных.

— Верблюд — самое красивое живот-

ное, — сказал мне чабан. — Без горба верблюд смешной был бы: верблюд не верблюд. Горб — тоже красиво. Около кошары, привязанные за ноги, стояли два верблюда; они были разные и по внешности и по характеру. Одногорбый рвался в степь, ревел, плевал, казалось готовый не только порвать веревку, но и лишиться ноги, лишь бы с верблудицами быть, а двугорбый, белый астраханец, стоял спокойно, с высоко поднятой головой и обзирал степь, в которой привольно паслись верблудицы.

— Надеемся расплодить белых, — чабан рассмеялся. — Старое время Хива самый главный хан белых имел. Белый астраханец, — чабан подыскивал подходящее слово, — вежлив.

Струился знойный воздух, возникали призраки. Один верблюд вдаль казался больше комбайна, другой на гигантских ногах уходил в небесную высь, третий — на башню похож, даже козельбродяга на дальнем пригорочке стоял высоким, как лошадь.

— Мираж, — сказал я о призраках.

— Согым, — ответил чабан. — Мы его шутка знаем.

Еще в XVII веке богатый гость с Волги Михайло Гурьев у моря, прославленного осетром и севрюгой, поставил городок на берегу реки Яик (Урал). У купца работали солильщики, икрянники, копильщики и, разумеется, артели рыбаков, мастера плести невода. Рыбным промыслам прибились пришлые, беглые, да и местные кочевники шли в любое гурьевское ярмо, если удавалось им вырваться из когтистых лап бая. Так постепенно возник городок с рабочим населением, на вид неприглядный.

Гурьев, одинокий на просторе, словно потерянный за каспийскими степями, оставался неказистым и в последующие века, да и нынче в нем еще доволь-

но хатенок с плоскими крышами, сложенных из смеси глины и камыша, казачьих бревенчатых домишек вековой давности, просушенных солеными ветрами. Мне приходилось видеть ограды со столбами, которые вкопаны в соленую землю двести лет назад. Но лицо города уже создают не хатенки, а пятиэтажные, глазастые дома, хотя самый центр города сохранился почти в том виде, в каком был в конце XIX века: вдоль берега тянутся кирпичные хоромы и лавки с толстыми каменными стенами.

В центре города через реку Урал — каменный мост, широкий, массивный. Вправо от моста — Европа, влево — Азия. Городские автобазы — в Европе, а бурно растущая промышленность — в Азии. Нескончаемым потоком идут машины в два ряда через мост — одни в Азию, другие в Европу. Легковые, грузовики, самоходные краны, тракторы, даже комбайны, везы с оборудованием для нефтяной промышленности... Порой кажется, что и сами вышки нефтяников начнут шагать по мосту, накрепко связавшему не только город, но и область, разделенную рекой Уралом.

От Гурьева с северного побережья на восточное, в юный город Шевченко, путь водой, самолетом над морем и по железной дороге, огибающей морской выступ. Но я к этому городу ехал из глухой степи, ехал не торопясь, фотографируя меловые скаты, могильники, мечеть и гробницу в скалистом массиве, каменные столбы с лисьменами, туркменские статуи, заглядывал в глубокие колодцы — шинграу, еще в прошлые века аккуратно облицованные тесаным камнем, любовался на водопойные каменные корыта, тоже навечно сотворенные мастерами... И вдруг встретил асфальтированное шоссе Шевченко — Узень. Что творилось на этом шоссе, проложенном на месте караванной тропы! В минуту — три-четы-

ре машины в одну сторону, в другую; грузовики, легковые, панелевозы с готовыми стенами и окнами, мотоциклы летели пулями...

Шевченко, город нефтяников, поднялся быстро, потому что за спиной у него полуостров Мангышлак — кладовая множества рудных и нерудных богатств. Шесть-семь лет назад — первые килограммы нефти, а к концу восьмой пятилетки — уже восемнадцать миллионов тонн; к семьдесят пятому запланировано двадцать шесть миллионов тонн с половиной в год да газа три-четыре миллиарда кубометров.

К морскому берегу, к пляжу, подступили дома уже не только пяти-, но и девятиэтажные, и ступевались перед ними хатенки-мазанки с плоскими крышами, дворники для верблюдов, сараюшки для всяческой живности...

Шевченко помимо промышленного будет и курортным центром. На этих, в прошлом жутких, пустынных, берегах был один камень преткновения — вода. Но в Шевченко построен мощный опреснитель морской воды, а на Мангышлакском полуострове под землей геологи нашли много пресной, построен водопровод Жетыбай — Узень. В городе Узене, который, соревнуясь с Шевченко, по всей видимости, будет столицей нефтяников, отличная вода.

Побывайте в Гурьеве и Шевченко — в старом и новом городах, не пугайтесь бескрайних казахских просторов. Одних из вас встретит степная бесконечность, радушные кочевники, других — скалистые тропы хребтов Актау, Каратау, третьих потянет к себе высокий, плоский Устюрт, — вероятно, самое трудное для жизни место в Советском Союзе, которое, кстати сказать, шаг за шагом осилили строители газопровода Бухара — Урал... Увлекательны путешествия и по старым караванным путям от Мангышлакских высот до Актюбинска.

На полях, примыкающих к алма-атинским окраинам, тянутся фруктовые сады, пашни, выровненные для полива. Даже узкие полевые дороги покрыты асфальтом и обсажены тополями. Аккуратные домики в большинстве своем побеленные, крыши — железо, стены оград — из камня. Пирамидальные тополя, приземистые карагачи с шишками на стволах. Дубовая рощица, спрятавшая совхозный поселок; высокий клуб — ему позавидуют многие городские собраты.

Была ранняя весна, и за пригородным, садовым и пашенным поясом Алма-Аты открылась передо мной неровная степь, голая, в пестрых плешинах, со следами отшумевших ручьев. Даже не верилось, что так близко столица Казахской республики. С пригорок виднелись отары овец, между зарослями сухих многолетников похожие на облака, спустившиеся на землю.

Мы долго ехали к чабанам, пересекая зеленые впадины, места, полузанесенные песком. На горизонте виднелись горы, подернутые дымкой. Предполагал я увидеть юрты, старых чабанов, одетых в халаты с длинными рукавами, а чабаны оказались молодыми парнями в обычных фуражках и синих халатах мастеровых. Домик похож на финский, какие ставятся в дачной местности или в совхозных поселках.

У крыльца — баллоны с газом, в сенцах — плита и желтый самовар, в чистом зале — радиоприемник, телевизор, кошма, подушки, но и стулья есть. А где берут электричество для телевизора? Откуда прилетело оно в далекую степь? Казах в пестрой рубашке, в тапочках сказал:

— Я — чабан, я — электрик, я — механик. — За углом домика он показал мне мотор. — Сам для себя пускаю электричество и сам отменяю его... — Минутами позже этот казах надел чистый халат, заботливо, до локтей, вымыл руки и в отаре маток принял только что ро-

дившегося ягненка. Не торопясь, полотенцем утер нос и рот ягненка, затем поднес его к голове матери, и она облизала его, чтобы стал он сухим, не зяб, и обнюхала, чтобы надолго по запаху запомнить своего детеныша, легко находить среди других ягнят, почти в точности похожих друг на друга. Чабан обмыл вымя роженицы теплой водой, вытер его и сдоил струйки молозива. Ягненок сам нашел вымя, только на ножках не удержался.

— Ничего, ничего, — сказал ему чабан, — завтра окрепнем, а сегодня поддержку тебя, — и легонько подхватил малыша за ребра.

Дальше мы ехали напрямик, без дороги, преодолевая сыпучие пески, давили колесами хрустящие кустарнички. На пути стояли дородные полыни, волосистые чилиги, не растерявшие свои колючки за зиму, кусты гигантского чия, издали напоминавшие камыш, — земля, занятая ненужными людям дикарями.

Казалось, конца не будет полупустыне, и вдруг появился мотоцикл — сидели на нем две девицы в оранжевых беретах и коротких юбках, прошла легковая машина, покрытая желтой пылью. Затем с пригорка увидел я далекую полосу синеватых гор, похожих на легкую тучу у горизонта, а после поворота вдаль открылся железнодорожный мост. Из степи к нему приближался товарный состав, исчезающий на короткое время за сопочками.

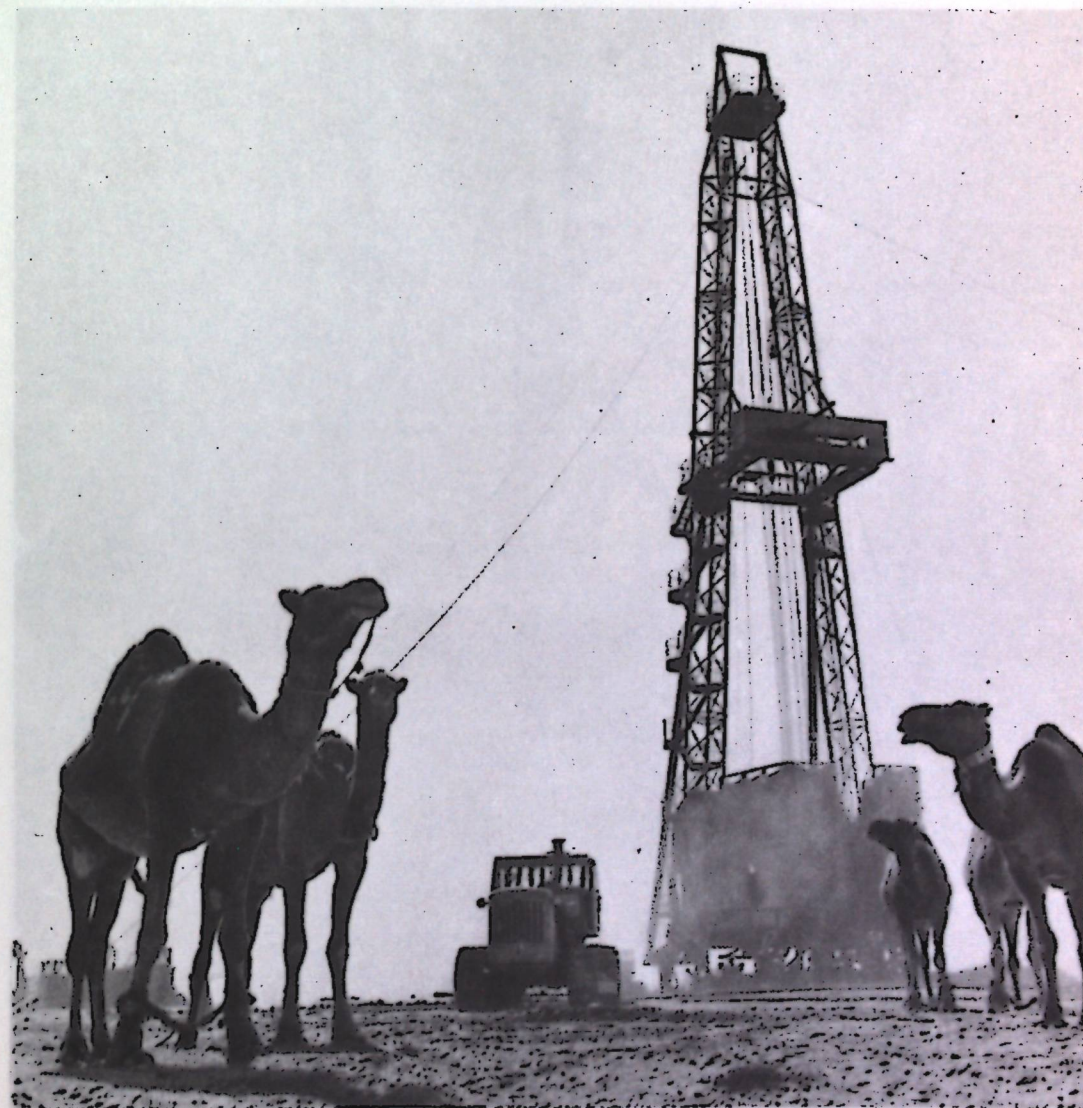
И вдруг — появилось Копчегайское водохранилище, возникшее в результате перекрытия реки Или и постройки гидроэлектростанции. С Иртыша степью привезли целый теплоход, моторные лодки, катера. К половине 1971 года здесь уже скопилось 14 миллиардов кубометров воды, бегущей с северных склонов Тянь-Шаня.

Копчегайское море по окончании строительства разольется километров на двести в длину и на двадцать в шири-

ну, даст возможность оросить более четырехсот тысяч гектаров земель. К Алма-Ате подвинутся урожайные пастбища, совхозы, молочные, овощные, сады, ягодники, вдоволь напоенные водой и приласканные солнцем.

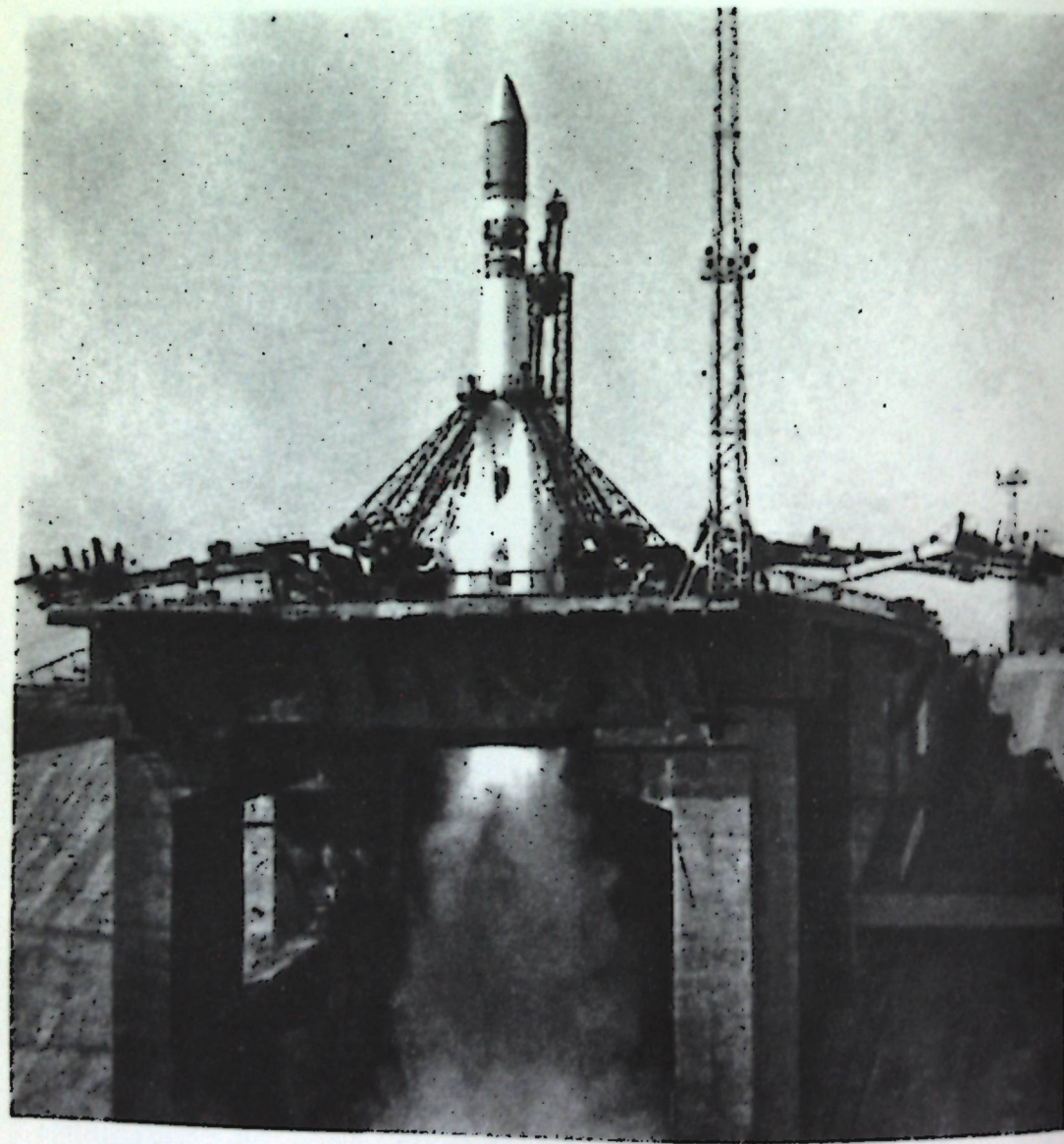
Виктор Панов

На полуострове Мангышлак

Космодром Байконур известен всему миру

Высокогорная обсерватория в Алатау

Новые пейзажи степного края

*Высокогорный каток Медео в Заилийском
Алатау*

Воды озера Куль-Сай отразили окружающие горы

Национальная спортивная игра «кыз-куу»

Грузинская ССР

От моря до неба

Существует полушутливая притча о том, как грузины унаследовали свою землю.

Созвал бог людей, чтобы разделить между ними свои владения. Народу на этот раздел собралось видимо-невидимо. К концу дня, когда вся земля была поделена, к богу подошли два молодых человека и попросили свою долю.

— Кто вы такие? — спросил всевышний.

— Грузины...

— Где же вы были до сих пор? У меня уже ничего не осталось, все роздал.

— Неужели ты нас отпустишь ни с чем? — спросили грузины. — Мы так надеялись на тебя.

— Ладно, — сказал, подумав, всевышний. — Вижу, люди вы хорошие, придется отдать вам тот небольшой кусок земли, который я припрятал для себя. Берите и живите на здоровье! Только не забывайте никогда о доброте моей, слышите!

— Что ты, что ты! — в один голос воскликнули грузины. — Двери нашего дома всегда будут открыты и для тебя и для всех, кто пожелает. Приходи, когда хочешь, в любое время, и будь у нас как в своем собственном доме!

С тех пор на земле, предназначенной самому господа богу, стали жить грузины, а гостеприимство стало на этой земле законом.

Во многих песнях — старых и новых — Грузию обычно называют «солнечной». Еще ее называют ласково «малень-

кой», вкладывая в это слово особый смысл, выраженный в известной русской поговорке: «Мал золотник, да дорог».

И еще Грузию принято называть «маленькой», наверное, потому, что

...Отправляясь в дальние края,
грузин ее с собой уносит в сердце
всю целиком.

Грузия действительно занимает скромное место на карте Советского Союза. Лежит она, похожая на тугую виноградную гроздь, рядом с Арменией и Азербайджаном, окрашенная преимущественно в коричневый цвет — горная земля.

Но величина — дело относительное, и измеряется она не только пространством, но и временем.

Археологические раскопки свидетельствуют о том, что еще задолго до нашей эры на территории Грузии процветала богатая и самобытная культура народа, создавшего в начале первого тысячелетия до нашей эры свою письменность и сумевшего уже в V веке нашей эры дать человечеству замечательные образцы художественной прозы.

Основной мотив грузинского ландшафта — горы: половина всей территории Грузии возвышается над уровнем моря на тысячу метров. Низменные районы составляют лишь 13 процентов всей площади. Но что могут дать человеческому воображению голые цифры?

Неужели упомянутые «тринадцать процентов» заменят неповторимую прелесть Черноморского побережья, где даже в январе цветут розы, а утопающие в темно-зеленой листве дома отдыха и санатории соперничают по красоте с белоснежными цветами магнолии? А величественная панорама Алазанской долины, похожей на сшитое из разноцветных лоскутов огромное одеяло, из-под которого с северного края торчат убеленные сединами вершины Кавказского хребта? А колеблющаяся под порывами ветра золотистая Ширакская степь?

Разве в состоянии цифры воскресить в сознании циклопические скалы Дарьяльского ущелья с парящими над ними орлами или неприступные горы Сванетии, на которых застыли, подобно изваяниям, силуэты крепостей? Разве могут поведать о том, что значит, утопая по пояс в снегу, карабкаться вверх по крутому склону в поисках эдельвейса, ежеминутно рискуя сорваться в пропасть глубиной в несколько сот метров, или верхом на коне путешествовать из одного селения в другое, как бы засунув ноги в стремя облаков, чтобы потом, где-нибудь на перевале, усевшись в комфортабельную «Волгу», помчаться вниз, в долину, дорогой, которая опоясала горы, и там, у подножия в царстве виноградников, в награду за пережитые испытания промочить горло стаканом доброго грузинского вина? Все это так, но поэтическая речь не может заменить точного языка науки. А география — наука точная. Представьте себе мысленно карту Грузии.

На севере, начиная с самой западной точки республики, где небольшим кружочком обозначен курортный городок Леселидзе на берегу Черного моря, до восточного края страны — Лагодехского заповедника, простирается громада Кавказского хребта — Кавкасион, как называют грузины. Ледяные шапки его

упираются в небеса, облака и самолеты проплывают над ними, и даже гордые «ТУ-104», направляясь из Москвы в Тбилиси, почтительно обходят стороной убеленных сединами старцев в знак уважения к их возрасту и высоте. Недалеко от Эльбруса и Казбека в торжественном молчании расположились их младшие соплеменники: Тетнульд, Шхара, Шхельда, пик Руставели и, наконец, мечта всех альпинистов и поэтов — красавица Ушба!

...В сердце Сванетии, в куполе неба,
Между вершин неприступных Кавказа,
Дремлет высокая гордая Ушба.
И раздирающим душу молчаньем
Веет от этого сна... Непорочный
Снег там белеет, и звезды
Перед лицом векового безмолвия
В тайном испуге смежают ресницы...

Это — северная граница Грузии, неприступная, как крепостной вал.

И все-таки, несмотря на бастион гор, множество перевалов, шоссейных и железных дорог связывают республику с ее соседями по ту сторону Кавказского хребта: с Краснодарским и Ставропольским краями РСФСР, с Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской и Дагестанской АССР.

Юг Грузии — тоже сплошная гористая местность. Здесь, на границе с Арменией и Турцией, широко раскинулись Аджаро-Ахалцихский и Триалетский хребты, образующие многочисленные отроги, возвышенности и плоскогорья. Только на востоке Грузии широкая равнина, граничащая с Азербайджаном, — Ширакская степь, да на западе зеленым треугольником, основание которого упирается в побережье Черного моря, врезалась Колхидская низменность.

Климату Грузии, ее растительному и животному миру могут позавидовать многие страны Европы и Азии. На побережье Черного моря, в Абхазии и Аджарии, а также на осушенной в недалеком прошлом земле древней Кол-

хиды сбегаящие террасами к лазурному берегу моря холмы опоясаны ожерельями чайных и цитрусовых плантаций; под знойными лучами солнца растут пальмы и оливы, лавры и бамбуковые деревья; в тени эвкалиптов и магнолий, начиная с ранней весны и кончая поздней осенью, отдыхают тысячи трудящихся, приехавших из разных концов нашей страны.

Но достаточно проехать на восток всего каких-нибудь сто-двести километров, как попадаешь словно на другой материк: теплое дыхание моря перестает ощущаться, на смену эвкалиптам и бамбуковым рощам приходят дуб, граб, ясень, липа, клен, сосна, акация, ель, и вот мы уже в совершенно другом, умеренном, климате, где раскинулись фруктовые сады, огороды и бахчи, где растут кукуруза, пшеница, ячмень, фасоль, картофель, лен...

А если подняться в горы, то красота альпийских лугов с пасущимися на них отарами овец, похожими на низвергающиеся с круч белопенные водопады, заставит человека забыть все увиденное им раньше.

И над всем этим разнообразием, на синей эмали неба, — чеканный профиль Кавказиони, края эдельвейсов, вечного снега и холодных ледников. Горы, как степь или море, накладывают свой отпечаток на душу человека, формируют характер. Горный рельеф приучает видеть мир во всех его измерениях, воспитывая в человеке чувство соразмерности и гармонии.

«С тех пор как я увидел Грузию, — пишет румынский писатель Виктор Кербаш, — я понял, что существует такая вещь — «антология природы». Правда, антологии бывают разные — хорошие и плохие, но эта «антология», я уверен, составлена исключительным знатоком флоры и фауны, существом, которое к тому же обладало еще и прекрасным вкусом и чувством гармонии... Природа здесь представлена в ее подлинной

сущности. Возможно, процесс ее сотворения диктовался высоким вдохновением, для того чтобы после, руководствуясь обычным земным ремеслом, можно было создать, по образу и подобию, остальные части света. То, что в Грузии сделано великим мастером — Природой, то, что воплощено в форме столь уникальных моделей, — неповторимо, и творцу не под силу вновь воспроизвести что-либо подобное».

Как бы подтверждением этой мысли звучат известные строки Маяковского:

Я знаю
                глупость — эдемы и рай!
Но если
                пелось про это,
Должно быть,
                Грузию,
                                радостный край,
Подразумевали поэты...

В Грузию ведут много дорог, у Грузии несколько «ворот». Можно въехать в Грузию со стороны Черного моря и проехать почти всю республику с запада на восток, от Сухуми до Телави. Можно войти в Грузию с северных ворот, через Дарьяльское ущелье, как некогда совершали это путешествия Пушкин и Лермонтов, Грибоедов и Горький.

Неподалеку от Тбилиси древняя столица Грузии Мцхета — музей под открытым небом; расположен он там, где «сливаясь, шумят, обнявшись будто две сестры, струи Арагвы и Куры». Здесь можно увидеть знаменитый «мост Помпея». Сколько раз произносятся это название гиды, указывая туристам на огромные гранитные плиты, наполовину скрытые бурными водами Куры; но если прислушаться внимательно, можно в этих словах — «мост Помпея» — услышать поступь закованных в латы римских легионеров, огнем и мечом прокладывающих себе дорогу к сердцу Грузии — ее столице...

А знаменитый Мцхетский Джвари — храм VI века? Трудно представить се-

бе более гармоничное сооружение, более полное слияние природы с созданием человеческих рук. Расположенный на вершине горы, храм как бы является продолжением ее — в одно и то же время он и сливается с ней, и выделяется самостоятельно, как корона на голове венценосца...

Это он, Мцхетский Джавари, вдохновил Лермонтова написать «Мцыри», и прав был Белинский, когда говорил: «Странное дело! Кавказу как будто суждено было быть колыбелью наших поэтических талантов, вдохновителем и пестуном их музыки, поэтической их родиной».

Но Мцхета — это прошлое Грузии. Сегодняшний день республики — это Тбилиси, Кутаиси, Сухуми, Батуми, Цхинвали. Это богатейшие колхозы Кахетии и Черноморского побережья с их виноградниками, чайными и цитрусовыми плантациями.

Приезжайте в Грузию осенью, в октябре, когда начинается сбор винограда, или, как грузины называют этот праздник труда, — «ртвели».

С раннего утра почти все население сел — мужчины, женщины, дети — спешит на виноградники. На машинах и арбах везут ящики, специальные огромные корзины для винограда — «гидори», везут и провиант для тех, кто с утра до вечера будет собирать виноград, грузить его, а может, и заночует под открытым небом, чтобы на другой день, не теряя времени, спозаранку приступить к работе... Собирают виноград под веселые песни, шутки, смех, у всех приподнятое настроение. Оно не проходит и к концу дня, когда люди устают. Наоборот, именно вечером разгорается веселье. Тут же, в винограднике, под раскидистым орешником накрывается общий стол (просто расстилают ковер на траве), и все дружно садятся ужинать. Небо густо усыпано звездами. Веет прохладой. Издалека доносится шум реки. Верещат сверчки.

Отблеск костра освещает лица. Жарится шашлык. Сладковатый запах дыма и жареного мяса пьянит не менее, чем вино. Сидя и полулежа, кому как удобно, люди едят и пьют, перебрасываются шутками. Потом встает тамада — глава стола, и все притихают. Грузинский стол свято хранит свои традиции. Тамада произносит тост за родную землю, за далеких предков, от которых земля эта досталась в наследство грузинам, за нелегкий труд земледельца, за честно заработанный кусок хлеба. На другой день снова продолжается ртвели. И так до тех пор, пока весь виноград не будет собран и доставлен в село...

А теперь перенесемся в западную часть республики, в город «весны роз» Кутаиси, где белопенная Риони катит свои волны мимо домов и магазинов, парков и общественных зданий, мимо величественных развалин древнего храма Баграта. Здесь тоже есть что посмотреть, чему подивиться. Хотя бы следам допотопного динозавра в окрестностях Кутаиси, которые каким-то чудом сохранились до наших дней! Или гордостью грузинской архитектуры — храмом Гелати, научно-просветительным центром XII века, где, по предположению ученых, совершенствовался в знаниях сам Руставели! Или, наконец, жемчужиной современной Грузии — всесоюзной здравницы Цхалтубо, где горячие источники излечивают людей от ревматизма, радикулита, подагры, ишиаса и многих других недугов.

Всего полчаса полета, и вы увидите белые, сверкающие на солнце громады вершин, под ними светло-зеленые холмы с альпийскими лугами, а еще ниже — села с удивительными, ни на что не похожими средневековыми домами-башнями, бурную, полноводную Ингури, на которой строится знаменитая Ингульская ГЭС с самой высокой в Европе плотинной — высотой 300 метров! Это Сванетия!

Из Кутанси можно отправиться поездом в портовый город Батуми с его уникальным Ботаническим садом; здесь собрано свыше 1500 пород растений из самых отдаленных уголков земного шара. А из Батуми можно попасть паромом в Сухуми и посмотреть единственный в нашей стране обезьяний питомник — научно-исследовательское учреждение, в котором проводят опыты над животными для изучения таких страшных бичей человечества, как рак и полиомиелит.

Но все дороги в Грузии ведут в Тбилиси.

Когда-то Пушкин писал об этом городе, что он «находится на берегах Ктуры, в долине, окруженной каменными горами. Они укрывают его со всех сторон от ветров и, раскалясь на солнце, не нагревают, а кипятят недвижный воздух».

Географическое положение города, естественно, осталось тем же, но сейчас, спустя 150 лет, многое изменилось. Теперь улицы и проспекты столицы Грузии обсажены раскидистыми тополями и платанами, на окрестных холмах зеленеют хвойные леса, а на окраине города создано огромное водохранилище — Тбилисское море. Это — одно из лучших мест загородного отдыха тбилисцев. Летом в выходные дни сюда приезжают целыми семьями, здесь можно увидеть и туристов, и иностранных гостей. Море большое, в нем свыше 300 миллионов кубометров воды! По его глади скользят лодки и глиссеры, на пляжах полно купающихся, вода теплая и очень чистая — ведь это речная вода! А совсем недавно здесь развели рыбу, так что Тбилисское море теперь привлекает и рыболовов-любителей... Но главное достоинство моря в том, что оно изменило климат Тбилиси: в жаркие летние месяцы со стороны Самгорской степи, откуда раньше дули горячие ветры, веет освежающей прохладой.

Современный Тбилиси — это прежде всего проспект Руставели, одна из красивейших в стране улиц с ее величественными зданиями Института Маркса-Энгельса-Ленина и Дома правительства, с отделанными мрамором и украшенными мозаикой станциями метрополитена и 20-этажным гигантом — гостиницей «Иверия», с канатными дорогами, ведущими на гору Мтацминда, откуда с 400-метровой высоты открывается вид на город и его окрестности. Пройдемся по улицам Тбилиси. Невысокое здание с башенками в мавританском стиле в районе старого Тбилиси. Это старинные серные бани — одна из достопримечательностей города. Неплохо помыться целебной серной водой, размять мышцы под мощными руками терщика, вытравить из себя накопившуюся за неделю усталость.

Здесь все почти так же, как в далекие времена Пушкина. Помните? «...Гасан начал с того, что разложил меня на теплом каменном полу, после чего начал он ломать мне члены, вытягивать суставы, бить меня сильно кулаком; я не чувствовал ни малейшей боли, но удивительное облегчение... После этого он долго тер меня шерстяною рукавицей и, сильно оплескав теплой водою, стал умывать намыленным полотняным пузырем. Ощущение неизъяснимое: горячее мыло обливает вас, как воздух!.. После пузыря отпустил меня в ванну, тем и кончилась церемония!..»

Сейчас рядом со старыми банями выстроен новый бальнеологический лечебный корпус — современное многоэтажное здание из бетона и стекла, где по трубам текут те же горячие серные ключи и даже новые, недавно открытые, температура которых достигает до 43—44°.

Любопытен облик старого города, сохраненного как музейная редкость. Высоко на скале, круто и отвесно падающей к Куре, словно ласточкины гнезда, лепятся маленькие домики с

широкими открытыми балконами, нависающими над водой. Стены домов так слились с обрывистым берегом, что трудно различить, где кончается скала и начинается фундамент строения... Отсюда, из старого района, новая набережная выведет нас прямо в бурлящий центр Тбилиси — на площадь Ленина, откуда берет начало проспект Руставели.

В воскресный день можно посетить музей Тбилиси, художественные галереи, выставки, послушать концерт, посмотреть спектакль в оперном или драматических театрах...

Осмотр Государственного музея изобразительных искусств Грузии лучше начинать с подвального этажа, так называемого «сейфа», где хранятся бесценные богатства — произведения древних ювелиров, гончаров, мастеров чеканки. В залах музея собраны картины крупнейших художников Грузии: Нико Пиросмани, Ладо Гудияшвили, Давида Какабадзе, Мосе Тондзе, скульптора Якова Николадзе.

Нико Пиросмани — редчайшее явление в мировом искусстве. Бедный крестьянский мальчик из кахетинского села, Пиросмани приехал в город на заработки. И здесь, почувствовав тягу к рисованию, решил заняться малярным ремеслом. С утра до ночи бродил он по кривым тифлисским улочкам в поисках работы, писал вывески для духанов, лавочек и мастерских. Никто из заказчиков (а заказчиками были торговцы или ремесленники) не принимал всерьез малевания «бедного Никалы», как его называли в городе. По ночам, при тусклом свете свечного огарка, уединившись от людей, Пиросмани давал волю фантазии и писал картины, вкладывая в них все, что он знал о жизни. Это были пейзажи ночного Тифлиса, фигуры животных, портреты, натюрморты, бытовые сценки... Денег на покупку холста и красок у художника не было, и часто приходилось пи-

сать на обрывках клеенки одними белыми и сажей из дымоходов.

Умер Пиросмани в нищете, под лестницей какого-то дома, забытый всеми. До сих пор никто не знает, где его могила...

Прошло время, и картины гениального Пиросмани, его «вывески», которые художник писал за бутылку вина и миску похлебки, висят на стенах музея Тбилиси и многих других городов мира по соседству с полотнами Рубенса и Делакруа, Врубеля и Серова...

Кто-то сказал, что воскресенье в Тбилиси — «мужской день». Смысл этого шуточного высказывания можно понять, побывав на одном из тбилисских базаров, куда обычно в будние дни ходят домохозяйки или пенсионеры.

Воскресный базар! Что может быть прекраснее воскресного тбилисского базара, особенно осенью, когда на город «как из рога изобилия, плоды с колхозных падают ветвей!»

Какое буйство красок! Слово великий Пиросмани прошелся кистью по этим бронзовым от загара лицам, натруженным рукам, грудам винограда, фруктов, ягод, овощей, зелени!.. Чего только не увидишь на прилавках, растянувшихся во всю длину базара: яблоки и груши разнообразных оттенков — от лимонно-желтого до темно-коричневого; багровые, будто налитые кровью, гранаты; румяные персики с нежным золотистым пушком, который заметен только в лучах солнца; сливы, будто подернутые изморозью, а возьмешь такую в руки, оботрешь ладонью — и залоснится ее лакированная фиолетовая кожа...

Крик, шум, разноголосица! Покупатель долго высматривает арбуз, берет наконец один в руки, хлопает его по бокам, потом, крепко сжав обеими руками, подносит к уху.

— Не звучит! — констатирует он тоном врача, поставившего диагноз, и возвращает арбуз продавцу.

— Вах! — возмущается продавец. — Ты хочешь, чтобы за твои двадцать копеек я тебе туда симфонический оркестр посадил?!

А рядом продавец вина уговаривает кого-то:

— Не покупай, генацвале, ты только попробуй! Посмотри, какой цвет, какой вкус! На целом базаре такого вина не сыщешь! Не хочешь вина? Вот чача! Ты смотри сюда, она прозрачна, как материнские слезы!

Одним словом:

Волнуется базар и в радостном сумбуре
Справляет празднество обилия земли!

Когда-то великий армянский поэт Ованес Туманян сказал: «Каждый грузин — поэт, а каждый грузинский поэт — дважды поэт». Поэтический склад души грузинского народа выражается и в песне, и в танце. Песню в Грузии вы можете услышать везде. Поют все — от мала до велика. Достаточно нескольким грузинам собраться вместе, как сразу же возникает песня, мелодичная, многоголосая. Поются песни и новые, созданные современными композиторами, и те, возраст которых исчисляется столетиями, — народные песни.

Грузинский народный танец — это выражение радости, красоты и человеческого достоинства. Во время танца девушки и юноши никогда не прикасаются друг к другу даже кончиками пальцев: они не движутся, а словно плывут, соблюдая между собой определенную дистанцию. Девушка при этом как бы пытается ускользнуть от юноши, стесняясь его, а юноша, не отставая ни на шаг, преследует ее пылко, стремительно, но в то же время деликатно и бережно, с чувством большого такта. Обутый в мягкие сапожки, он танцует на носках, едва касаясь земли. Грузинский народный танец глубоко нравствен, в нем, как и в грузинской песне, выражена душа народа.

Нравственная культура грузин проявляется и в священном обычае гостеприимства, в верности и преданности настоящим друзьям. Как тут не вспомнить один из красноречивых эпизодов Великой Отечественной войны, когда сотни украинских семей из Геннического района нашли не только приют, но и самое радушное гостеприимство в грузинском селе Шрома (между ними еще с 1938 года завязалась дружба, продолжающаяся до настоящего времени)! Эта дружба окрепла не в пирах и увеселениях, а в тяжкие годы совместной борьбы, когда приходилось делить последний кусок хлеба, жить под одним кровом.

О Грузии, об ее достопримечательностях, о характере грузинского народа можно было бы рассказать еще многое. Но никакой рассказ не заменит непосредственного впечатления от посещения этого чудесного уголка земли, от живого общения с его людьми.

Михаил Каливидзе

У Вечного огня Славы в Тбилиси

На чайных плантациях

Созидание

Старинные башни Сванетии

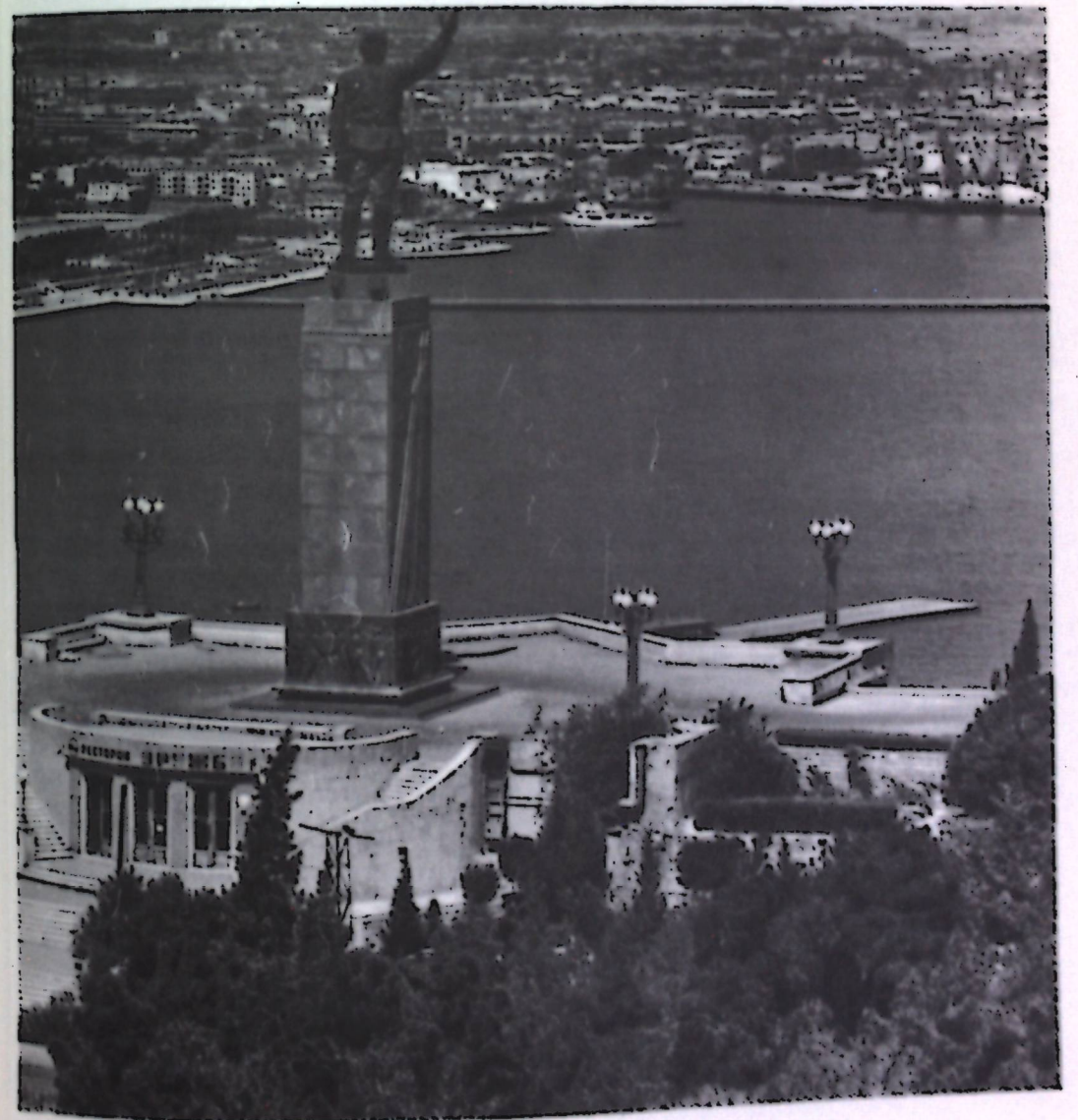

Мыс Пицунда: пансионат

Азербайджанская ССР

Страна огней

Азербайджан — «страна огней». На многие лады обыгрывалась «огненность» края, щедро поработала фантазия поэтов, хотя причина такого названия вполне прозаична: горящая струйка газа, плывущая, танцующая над землей, приобретала в глазах наших предков священный смысл, рождала «огнепоклонников», храмы которых и по сей день сохранились в Азербайджане, в частности под Баку, в старинном нефтяном районе Сураханах. Поздняя история Апшерона — это борьба за обладание «черным золотом». Золотой телец превращал Баку в свое грязное стойло. Стали хрестоматийными слова А. М. Горького о дореволюционном Баку: «Нефтяные промысла остались в памяти моей гениально сделанной картиной мрачного ада. Эта картина подавляла все знакомые фантастические выдумки устрешенного разума, все попытки проповедников терпения и кротости ужаснуть человека жизнью с чертами, в котлах кипящей смолы, в неугасимом пламени адовом... Весь день, с утра до ночи, я ходил по промыслу в состоянии умопомрачения...»

Посмотрим на сегодняшний Баку с самой высокой точки — с его Нагорной части. Вдалеке высятся трубы заводов так называемого Черного города, а ближе — шпили старинных зданий, минареты мечетей, плоские крыши домов. Отсюда ясно и четко, будто на ладони, вырисовывается похожая на серп ба-

кинская бухта, которую справедливо сравнивают с Неаполитанской. В каждом городе — свое излюбленное место вечерних прогулок; в Баку, скажет вам каждый, это Приморский бульвар. Он двухъярусный, широкий, просторный, весь в вечнозеленых кустах, деревьях. Аромат цветов меняется в зависимости от сезона. Можно посидеть в тени деревьев на скамье, вдыхая запах моря, можно бродить по аллеям или выйти на эстакаду и оттуда взглянуть на город, а потом зайти в одну из чайхан и выпить чай цвета петушиного гребешка в маленьких грушевидных стаканчиках.

А если вы проголодались, дразнящий запах, принесенный дымом, приведет вас в шашлычную. Под открытым небом на железном мангале краснеют угли, а над ними, нанизанное на шампуры, жарится мясо. Готовый шашлык подают на стол. Свежим чуреком мясо снимают на тарелку, и вот оно тает у вас во рту. А над углями уже румянится люля-кебаб из фарша особого, бакинского, приготовления. Некоторые шампуры унизаны помидорами — печеные, они вкусны необычайно.

Хорошо день завершить прогулкой на катере, увидеть залитый светом вечерний Баку. Тогда кажется, как сказал поэт, что звезды с неба спустились в город погостить.

Ночью в жару бакинец любит поспать на крыше. Конечно, в новых многоэтажных домах этого не сделаешь —

здесь крышу заменяет широкий балкон... Но что ни говорите, приятно спать ночью на крыше! Небо как будто ближе, а звезды такие крупные и яркие, что впору стать звездочетом... С раннего утра начинается жизнь в бакинском дворе. Он опоясан крытыми застекленными галереями, куда открываются все двери и большинство окон дома. Со двора на второй этаж ведет лестница. Бывает, что лестница винтовая, железная, с нее просматривается квадрат галереи первого этажа и всех последующих. Все людские радости и горести на виду.

Суть же бакинского двора — его интернациональный говор. Вы услышите много языков: и азербайджанский, и русский, и армянский, и татский, и грузинский. Вас разбудит или громкая речь, такая ясная в ясный рассвет, или щебет ласточек, свивших гнездо прямо на галерее, или журчание воды из крана — густая струя бьет по дну ведра. И захочется напиться этой вкусной воды, которая попадает в Баку из знаменитого источника.

В воскресный день, пораньше позавтракав, все устремляются на пригородные пляжи. С чем сравнить апшеронский песок? Мелкий, мягкий, чистый, без единого камешка.

А если не хочется купаться и загорать, то лучше всего отправиться в Крепость, «внутренний город» Баку. Сквозь двойные ворота Шах-Аббаса с изображениями двух львов над аркой попадаешь в лабиринт узких, кривых улочек, из которого, кажется, никогда не выберешься. Но вот взору предстал изумительный по красоте и краскам Дворец Ширваншахов с куполами и минаретами — плод фантазии безымянных мастеров средневековья.

Другая улица — не шире размаха рук — привела нас к Девичьей Башне, воздвигнутой в XII веке. Легенда о ней гласит: сотни лет назад, когда вокруг плескались волны Каспия, правитель

края вспылал греховной страстью к своей дочери. Гордая девушка бросилась с башни в морскую пучину.

Как бы рассказывая о новой судьбе женщин Азербайджана, высится в Баку памятник Освобожденной женщине, сбрасывающей с себя чадру. В Баку же установлен первый на Востоке памятник женщине-поэту.

Но оставим Баку и — в путь. Много дорог в Азербайджане, какую выбрать нам?

Северный путь приведет нас в Кубу — край садов и замечательных яблок; северо-западный — к Закаталам и его заповедникам, к южным отрогам Большого Кавказского хребта; западный — к Нагорному Карабаху и снова к горам; но на сей раз Малого Кавказа; южный путь — к субтропикам и заповедникам Ленкорани, к знаменитым Талышским горам.

И куда ни пойдешь, непременно будут горы, снежнголовые весь год. Конечно, можно ходить-колесить по Азербайджану не из конца в конец, а где-нибудь и задержаться на полпути, что мы и сделаем, отправившись из Баку через Кировабад к высокогорному озеру Гёк-Гель, к стыку двух хребтов Малого Кавказа — Шахдагскому и Муровдагскому.

До Кировабада ночным поездом мы доберемся за несколько часов. В виноградниках и садах утопает древняя Гянджа, нынешний Кировабад, второй по величине город республики. Гянджа — родина великого азербайджанского поэта Низами, избравшего псевдонимом название города — Гянджеви. Его мавзолей — место постоянного паломничества людей разных национальностей.

Прекрасная Гянджа! Кто только не пытался завоевать тебя! Кто не совершал набегов на земли твои! И персы, и арабы, и хазары, и татары... А более восьми веков назад город был разрушен страшным землетрясением, в результа-

те которого, по преданию, гора раскололась, перегородила собой горную реку и образовалось озеро Гёк-Гель. Вековые чинары окружают Кировабад. Одна из них, современница Низами, — достопримечательность города. В ее дупле разместился целый склад, а на ветках расположилась «Чайхана на чинаре». Хочешь чаю — полезай на второй этаж!

Кировабад славится своими фарфоровым, алюминиевым, коньячным, винным заводами. Здесь вырабатывают прекрасное тонкое сукно и ткнут знаменитые азербайджанские ковры.

Дорога на Гёк-Гель вьется среди зеленых долин, холмов и нагорьев. Если случится совершать восхождение в мае, вас поразит маковый пожар на лугах: мак растет здесь щедро, всюду, заливая дорогу своими алыми красками. Это всепожирающее пламя, это маковое нашествие — нечто буйное, родственное стране огней.

Дачные поселения и горные деревни, дома отдыха и санатории, чайханы и шашлычные, родники и мелкие речки... Одно из поселений — Аджикент. Тысяча метров над уровнем моря. Тишина, лес. Туристская база. Отсюда до озера еще десять километров, дорога с крутыми поворотами и спусками.

Озеро открывается как-то неожиданно, сразу и почти целиком. Голубое-голубое, в обрамлении уходящих круто вверх горных склонов. Расположенное на высоте свыше полутора тысяч метров, оно кристально прозрачно, удивительно по способности зеркально отражать на почти неподвижной поверхности и зелень гор, и снежную вершину величественного Кяпаза, и небо, то пронзительно синее, то серо-стальное. Воды Гёк-Геля проточные, глубина — до ста метров. Склоны глядятся в воду своими буками, грабами, дубами, дикорастущими фруктовыми деревьями. А в лесах — олени, косули, дикие козы, медведи, кабаны, рыси. Но с охо-

той — чур! Нельзя! Заповедная зона! Нельзя удить и красу озера — форель. Есть у Гёк-Геля сестры. Ближе к вершине Кяпаза расположено озеро Марал-Гель «оленье озеро», которое соединяется с Гёк-Гелем, а ниже — Кара-Гель, «черное озеро», размером с трехкомнатную квартиру. Вода в нем кажется черной от высокого леса, стоящего сплошным вокруг. И, наконец, Зали-Гель, с островками и полуостровками. Озера, как цепь, связаны друг с другом, и все их можно пересечь на быстром катере.

Вершина Кяпаза кажется неприступной лишь со стороны Гёк-Геля, на нее можно подняться с тыла по узкой тропе, обладая, конечно, известным опытом восхождения. С вершины вашим взорам откроются горы Большого Кавказского хребта.

Сосланный царским правительством на Кавказ писатель-декабрист А. А. Бестужев-Марлинский, проезжавший весной горной дорогой из Дагестана в Азербайджан «через Кунакенты» (горное село Конахкент — гостеприимное), описал природу этих мест в «Кавказских очерках»:

«...Когда достиг до вершины хребта, когда оглянулся кругом, я обомлел от наслаждения... Здесь, где больше неба, чем земли, человек должен с досадой бросить кисть и резец, забыть свой бледный, бедный, нищенский язык. Нет силы выразить, нет средства удержать в себе чувство удивления... Солнце вровень со мною, словно горящий корабль, плывет в яхонтовом океане воздуха, прыщет, пышет лучами, льет позолоту света, наводит чернь теней на далекие волнистые хребты... Лучами и кругами расходятся от меня горы, выникают, выглядывают друг из-за друга; то иззубренные дождями, то пробитые навывлет трещинами, инде чернея могучим лесом, так красуясь полосами снегов или рассыпаясь в холмы, которые, как эмиры в зеленых чалмах, си-

дят под тенью палат падишаха мира. А между тем облака тянутся над хребтами, как вереницы перелетных гусей; или взбираются по ребрам утесов, подобные стадам горных оводов, оставляя пряди волны своей на острых, как терния, гребнях; или отдыхают, как верблюжий караван, богатый грузом дождей, у башни караван-сарая. Вот одна туча, расширив крылья, словно белый орел, зыблется над пропастью, хочет пасть и засыпать ее... Другая уж пала и замерзла на теме Шах-Дага... Такая же туча и под ногами моими: снег ее так чист, что грех пятнать его следом своим. Бойсься дохнуть, чтобы не затмить паром этого светлого неба, чтобы не заразить тлевым дыханием человека тонкий нагорный воздух. И кажется, право, здесь никогда еще не был человек: так все дико, пустынно и девственно кругом».

Если выехать по автомобильной дороге из Баку в Шемаху, то уже на первых десятках километров на почти безжизненном плоскогорье мы увидим голубое озеро — искусственное водохранилище под довольно странным названием Джейран-батан — «джейран утонул»; некогда здесь были соленые болота, бич окрестных селений, а теперь — пресное озеро, чистейшее водохранилище.

Первая наша остановка в Сумгаите. Молодой индустриальный гигант — гордость страны. Город химиков, ученых-автоматчиков, город молодежи, славящийся заводами синтетического каучука, трубопроката, суперфосфата. Задуманный как спутник Баку, он вырос в самостоятельный город всесоюзного значения.

Дальше — Шемаха, древняя столица ширваншахов; она утратила свое былое значение центра торговли Востока, куда текли караваны из Индии, Персии, прибывали венецианские купцы. Сюда приезжал знаменитый русский путешественник Афанасий Никитин. Стихий-

ные бедствия много раз обрушивались на город: восемь крупных землетрясений потрясали город только за последние триста пятьдесят лет. Многие старинные здания погибли, но город снова отстраивался. Неподдалеку от Шемахи в нагорье расположена Пиркулинская астрофизическая обсерватория. Заманчиво звучат названия городов, таких, как Акдаш — «белый камень», Геокчай — «голубая река», Ахсу — «белая вода». Богатые виноградниками и фруктовыми садами, эти города славятся и своими гранатами. И если вам доведется покупать гранаты, прежде спросите, откуда они, и если в ответ услышите, что из Геокчая, покупайте не задумываясь. Зерна поразят вас крупной формой, пунцовым цветом и густым сладким соком.

Куда это спешат женщины поутру? Мы пошли за ними и оказались на огромном базаре. Чего только здесь нет! Горы синих баклажан, перца, корзины с помидорами, золотистый лук, охапки зелени, виноград всевозможных цветов и форм — продолговатый и круглый, конусообразный и, наконец, чуть зеленоватый. Инжир с медовой каплей, хурма; гранаты.

Но женщины идут дальше. Они останавливаются у мешков с рисом. Рис тонкий и чуть продолговатый, так называемый «ханский», самый лучший для плова. А знаете, сколько видов плова вам могут предложить в азербайджанских ресторанах, закусокных и просто столовых? Если каждый день пробовать один вид, придется гостить здесь три месяца. Неистощима фантазия кулинаров и на сорта и на названия! Каждый плов определяется правой: с каштанами, с хурмой, кишмишом, курагой, орехами, с курицей и мясом, во многих вариантах — плов сладкий, кислый, кисло-сладкий, с зеленью, без зелени, рыбный плов, с копченой или свежей рыбой, плов с яичницей... Рис золотится от шафрана, под-

жаренная корочка хрустит на зубах. После плова можно снова в путь. Теперь в северном направлении, почти по краю Каспия, через Сиазань, новый нефтеперерабатывающий район республики. Здесь, неподалеку от моря, одиноко и обособленно высится гора Бешбармак — «пять пальцев» с остатками древних сооружений VI—VII веков.

Мы проезжаем городок Дивичи, что означает «погонщик верблюдов». В давние времена здесь устраивались ярмарки.

Теперь город известен своими коврами. В Дивичи нужно обязательно осмотреть старую крепость Чирах-кала — «Светлая крепость».

А теперь в Кубу.

В XVIII веке Куба была центром Кубинского ханства. И в те далекие времена эти края славились своими фруктами, а в наши дни Кубинский район — настоящее садоводческое царство.

Отсюда до Конахкента по прямой чуть больше тридцати километров, но путь проходит через холмы и ущелья, и потому расстояние увеличивается втрое. Но что может остановить нас, если мы хотим вознестись так высоко, чтобы были под нами крутые склоны гор, если мы хотим взглянуть на ниточку серебра в ущелье с головокружительной высоты, если мы хотим услышать самих себя в многократно возвращенном нам горами эхе!..

Если Конахкент — это крайняя восточная точка горной цепи Большого Кавказа, то «Закатальская зона», куда мы направим свой путь, — западная; цепь Большого Кавказа выступает в данном случае естественной границей между Азербайджаном и Российской Федерацией.

Пешком пройти по южному склону горной цепи полтора-два километра — дело чрезвычайно трудное. Только специально подготовленный турист-спорт-

смен может отважиться на это. Проще проехать часть пути до Закатал, а там и подняться на горную вершину двух- или трехдневным марш-броском.

Наш путь пройдет по Шекинскому плато. Почти все селения здесь расположены на шумных и стремительных горных реках, необузданная сила которых оставила на память о себе и размытые дороги, и руины старых мостов. Наша первая остановка — старинный город Шеки, в прошлом столица Шекинского ханства. Здесь сохранилось много прекрасных зданий. Поражает своими изумительными ажурными украшениями, резьбой по дереву, нежными красками национального орнамента дворец шекинских ханов (XVIII век). Узорчатые переплетения оконных рам, резные панно, настенная роспись с изображениями птиц, деревьев, жанровых и батальных сцен может смело соперничать с всемирно известными голландскими гобеленами.

Неподалеку от города — крепость с оригинальным названием «Приди и поймай».

О том, что Шеки некогда был крупнейшим на Кавказе торговым центром, свидетельствуют и сохранившиеся поныне постоялые дворы, и восточные гостиницы прошлого — караван-сарай. Добротные постройки окружают прямоугольные дворы. Караван-сарай — лезгинские, теблизские, исфаганские. Шеки торговал главным своим богатством — шелками, ими же он славится и теперь. В Шеки один из крупнейших шелковых комбинатов в стране, шелкопрядильная и шелкоткацкая фабрики. Современный город со всеми атрибутами культурного центра, Шеки развивает и продолжает народные промыслы: чеканку по меди, ювелирное дело, вышивку. На весь Азербайджан славятся народные красочные платки «келлаган», изготовленные в Шеки.

Здесь побывало много знаменитых людей, в частности Николай Раевский,

Александр Дюма, молодой Лев Толстой. В пору военной службы он часто бывал в Шеки. Кстати, события «Хаджи-Мурата» происходили в окрестностях Шеки, что подтвердила находка могилы Хаджи-Мурата, череп которого восстановлен известным советским ученым-антропологом и скульптором М. М. Герасимовым.

Шеки — родина великого азербайджанского писателя, ученого, основоположника реалистического направления в литературе Мирза-Фатали Ахундова, дом-музей которого является одним из культурных центров города.

Покинем Шеки и снова в путь.

Закаталы — чудесный уголок нашей республики, город, расположенный на берегу шумной, коварной горной реки Талачай, известный курорт, в котором находятся международный студенческий лагерь и крупная турбаза.

Улицы города скрываются под сенью вековых платанов-чинар. Дома утопают в садах фундука, грецкого ореха, кизила, мушмулы, хурмы, съедобного каштана. Центральную площадь города украшает трехсотлетняя чинара, а вокруг нее круговая скамья — место отдыха и раздумий. С центральной площади по лестнице можно подняться на крепостное плато, к городскому парку, и отсюда полюбоваться разместившимися на противоположной горе селами. Перед тобой откроются просторы, а внизу — белые камни реки, омытые водой и высушенные солнцем. На обширном плато высится «Крепость Шамиля». Сюда после подавления восстания на броненосце «Потемкин» были заточены ссыльные моряки. В тенистом уголке парка установлен бюст матроса-потемкинца Демешко, павшего в закатальской крепости от рук царских палачей.

Прежде чем отправиться в горы, посетим фундуковый совхоз, один из немногих в стране. Площадь его исчисляется сотнями гектаров.

А теперь — по горным дорогам Закатальского заповедника, расположенного к северу от города на площади более трехсот квадратных километров. В заповеднике обитают редкий сейчас горный тур, предпочитающий высокогорье с неприступными обрывистыми скалами, горный медведь, рысь, волк, кавказская серна, пятнистый олень, кабан и косуля. Богат заповедник и птицами: черный гриф-ягнятник, горная индейка, филин, дубонос. Но главное богатство заповедника, конечно, тур.

Путь пролегает через густые леса, пастбища, рядом с петляющими реками, мимо родников. Осилить гору, а за ней — новая. Вот-вот, думаешь, за поворотом конец пути, конец горам, а нет, выглядывает новая вершина, выше прежней, и горное дыхание студит вспотевшее лицо. Достигнешь ущелья, в котором шумит река, и берешь новый разбег.

Ну, а если ты устал и больше неможешь сегодня продолжать путь, остановись в одном из домов, которые расположены в нескольких точках заповедника.

На следующий день — снова в путь, к горной вершине. На пути встречаются широкие крытые навесы на коротких столбах, накрепко врытых в землю. В специальные деревянные корыта объездчики насыпают куски каменной соли. Туры, медведи, олени часто приходят сюда. Встречаются навесы и с кормом для животных.

Но вот, кажется, мы близки к цели. Перед нами вершина горы Ричук. Но сколько еще вершин вокруг! Плосковерхих и остроконечных, снежных и бесснежных. Прямо перед нами высится, будто сахарная, снежная голова горы Гутон — граница Азербайджана и Российской Федерации. Здесь берет начало множество рек. Вечные, кажется, натающие снега. На старый слой снега ложится новый, трамбуется, этажи снега растут, обрастают крепким льдом, а

внизу, согретый дыханием земли, старый снег начинает подтаивать, размывается тонкой струйкой воды. Снежно-ледяной грунт становится полым, и сюда, в эту удивительную пещеру, порой в полный человеческий рост, можно войти. Можно взобраться и на ледяную «крышу» этой пещеры. Крыша очень крепкая, выдержит и коня. Встречаются крыши грандиозных размеров: шириной до двадцати, длиной до пятидесяти метров. А внутри — словно гигантский холодильник, лишь покапывает с потолка мелкий дождь.

На склонах гор порой появляется стадо туров — впереди вожак, за ним остальные. Встречаются стада, в которых можно насчитать до трехсот голов.

Замечаешь вдруг, что лезвие хребта заколебалось... Приглядываешься — на фоне неба четко виден силуэт медведя. Только что было ясно и чисто вокруг, но вот откуда-то ветерок нагнал молочно-белые облака. Они стелются по склону, цепляются за выступы скал. А потом, прямо на глазах, теряют свою белизну, окрашиваются в разные цвета: то серый, жемчужный, то черный, то розовый, то светло-оранжевый.

Как гигантская карта, расстилается перед нами Азербайджан. И сколько дивных, неповторимых уголков его осталось за пределами нашего рассказа! Очень советуем — поезжайте на юг, к Талышским горам, в реликтовых лесах которых вы встретите редчайшие деревья на земле, а вдруг повезет, и увидите, как удивительно цветет железное дерево! Здесь — край знаменитых на всю планету долгожителей; будете гостем у одного из членов огромной семьи Ширали Мислимова, которому было восемь лет когда родился Лермонтов.

А как не посоветовать вам поехать в древний азербайджанский край — Нагорный Карабах, в высокогорный город-курорт Шуша, бывшую неприступ-

ную столицу Карабахского ханства, славного своими ткачами ковров, мастерами декоративной росписи, ювелирами?..

А может быть, вам захочется посетить Нахичевань, основание которой истории относят к XVI веку до нашей эры... Но пока вернемся в Баку.

Щедрый на штормы Каспий подарил нам солнечную, безветренную погоду. Не теряя даром времени, поплывем на теплоходе на Нефтяные камни. О городе в открытом море написано столько, что, кажется, слов не осталось: и статьи, и очерки, и романы... Город на эстакадах в открытом море, раскинувшийся на многие десятки километров, способен поразить воображение самого бесстрастного человека. В нем живут мужественные люди, умножающие славу нефтяного Баку, трудового Азербайджана.

Пройдем по центральной улице Баку, Коммунистической; в одном из красивейших зданий города разместился Бакинский Совет.

Отсюда — на площадь Ленина, к грандиозному комплексу Дома правительства.

Спустимся в бакинское метро, построенное с помощью метростроителей-москвичей. Оттого, наверно, каждый раз, когда спускаешься на эскалаторе в метро, кажется, что ты перенесся в Москву.

Постоим перед Вечным огнем, зажженным в память 26 бакинских комиссаров.

А в Нагорной части Баку, словно оглядывая расцветший за годы Советской власти край, высится памятник пламенному большевику С. М. Кирову. Высоко, очень высоко взлетел за эти трудные и счастливые годы Азербайджан, похожий на карте на птицу, расправившую крылья, где клюв — Апшеронский полуостров.

М. и Ч. Гусейновы

Далеко в море шагнули нефтяные вышки

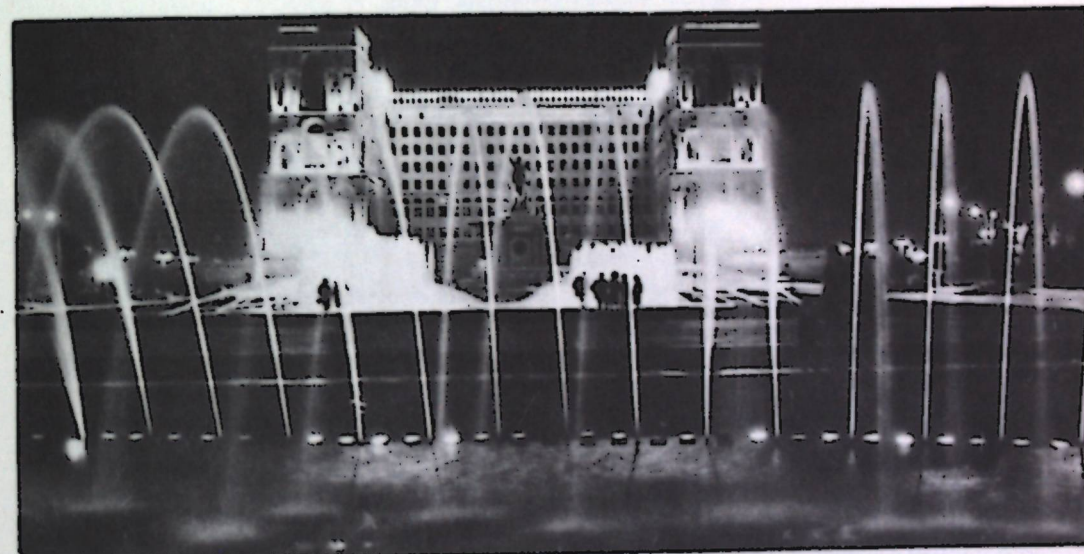

Старый город в Баку

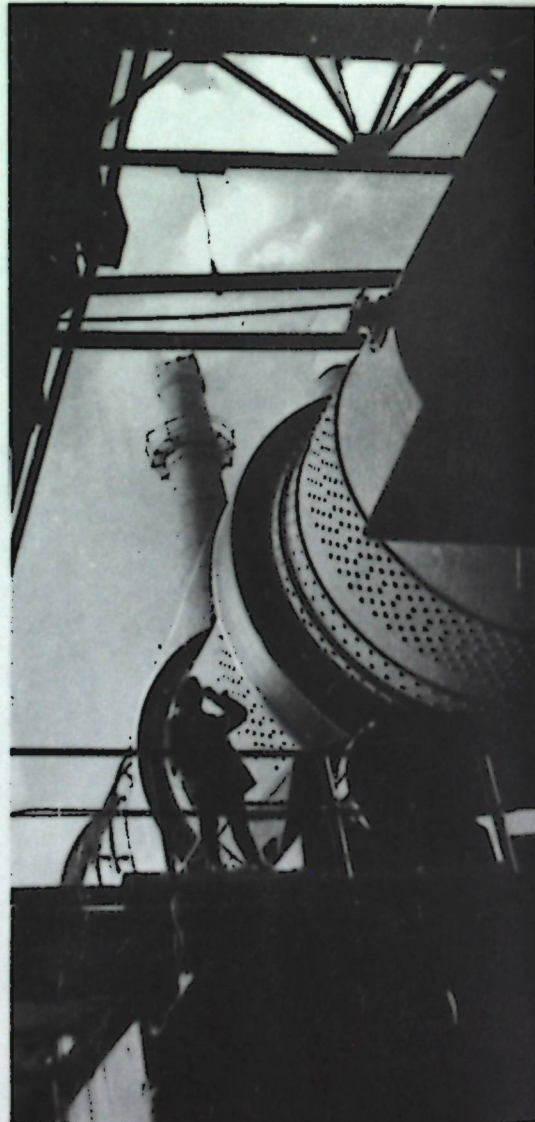

*Дом правительства
Имена Алеши Джапаридзе, Степана Шаумяна,
всех 26 бакинских комиссаров
навечно в памяти народа
Девичья башня*

Трубы пятилетки

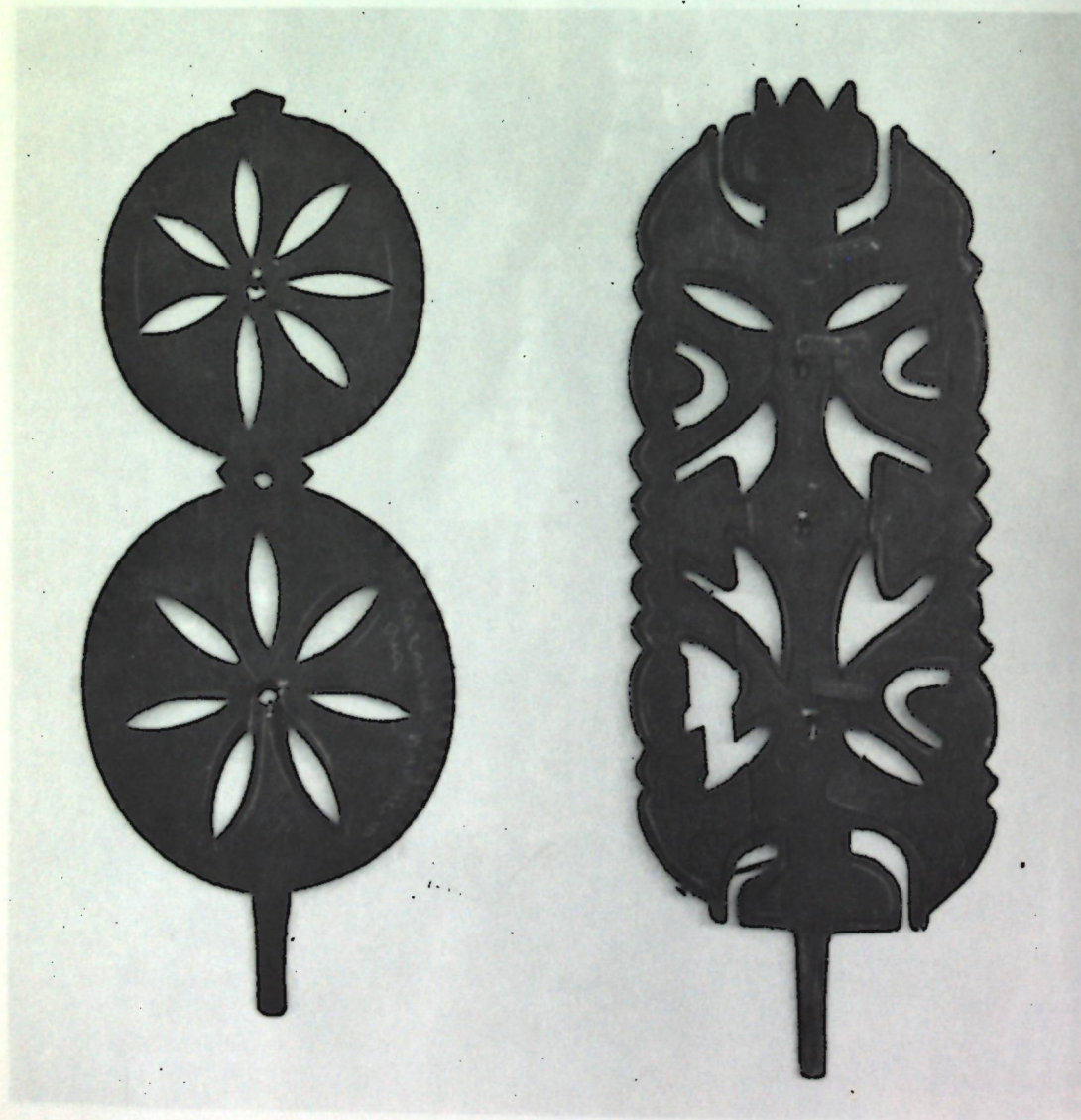

Дары азербайджанского солнца

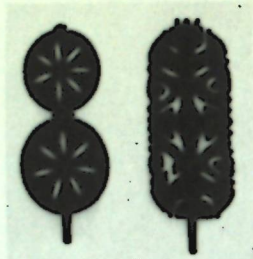

Литовская ССР

Капелька густого янтаря

Литва — одна из самых маленьких республик Советского Союза. На хорошей машине от Паланги до Вильнюса можно доехать за четыре часа. Такое путешествие в одинаковой мере неуютно и... бесполезно: все самое интересное остается где-то за пределами шоссе, и единственное, что можно сказать после него — в Литве хорошие дороги.

Путешествие требует времени и умения видеть. В любой стране есть места более интересные, где лучше не спешить и смотреть, и менее любопытные, которые можно проехать не задерживаясь. Но Вильнюс надо осматривать не спеша: ни в одном городе Литвы нет такого количества архитектурных памятников, такой сложной застройки старого города, наконец, таких богатых музеев. Мне не раз приходилось видеть людей, которые не представляли, что такое Вильнюс, и, не в силах обжать его в течение одного-полутора дней, клялись обязательно приехать еще раз.

С верхнего этажа башни Гедиминаса открывается лабиринт улиц и мозаика черепичных крыш старого города, башенки костела св. Анны, длинная громадина костела Бернардинцев, купола и башни более поздних костелов барокко. От площади Гедиминаса начинается и современный центр города — проспект Ленина, где преобладает застройка XIX века. На противоположном берегу реки Нерис — спортивный

зал, стадион и районы новостроек: Антакальнис и Жирмунай. В хорошую погоду на горизонте можно увидеть Лаздинай и Карлинишкис, где уже поселились первые жители. Городу становится тесно, и он взбирается на холмы, вплотную подходит к сосновым лесам, в которых несколько сот лет назад охотились на туров и кабанов литовские князья.

Суровые формы башен, тяжелые каменные стены, узкие бойницы — убедительное доказательство нелегкой истории Литовского государства. Самые драматические события в жизни страны были связаны с ее крепостями. Сейчас мы обычно вспоминаем только нашествия врагов, например крестоносцев, а чего стоила междоусобная борьба! Состарившиеся от времени, искалеченные войнами и местью врага, разграбленные солдатней, крепости все равно остаются живыми.

В XVI веке строится городская стена, которая защищала не только княжеский замок, а весь город с его мастерскими, ратушей, складами купцов. Место постройки ее намечали не проектировщики — у костела Бернардинцев вильнюсский воевода Микалоюс Радвила сел на коня и объехал город. Там, где он проехал, горожане начали строительство. Бойницами со стороны монастыря (сейчас Художественный институт), высотой стен, массивностью и мрачностью костел Бернардинцев до сих пор напоминает крепость. Глядя на

его темно-красный кирпич, слушая шум столетних, под стать костелу, тополей и всплески речки Вилии, чувствуешь себя путешественником, попавшим в отдаленное время.

Костел св. Анны производит иное впечатление: он строен, наряден, эффектен. Его фасад — воплощение ювелирного мастерства каменщиков и точного расчета архитектора, сумевших виртуозно использовать кирпич. Арки его возносят в небо башни и вместе с тем связывают фасад в единое целое; кирпичные «веревки» дробят плоскость на вытянутые прямоугольники и еще раз заставляют взгляд скользить вверх. Архитектору не хотелось ограничиваться только умелой композицией. Он продумал десятки мелочей: выступы, эркеры, кирпичные буквы — и все подчинил общему замыслу.

Бывший костел св. Михаила построен позднее, когда на смену вертикальным линиям готики пришли равномерный ритм окон и пилястров ренессанса, гладкая штукатурка заменила тревожный красный кирпич. Отсюда ощущение спокойствия, уравновешенности, простоты. Однако без влияния готики не обошлось даже здесь, она чувствуется и в пропорциях здания, форме высокой черепичной крыши, удлиненности окон. К пилястрам на всякий случай пристроили нечто похожее на контрфорсы — а вдруг без них здание не будет стоять!

От костела св. Михаила недалеко до Большой Замковой улицы (сейчас улица Горького), сохранившей готические жилые дома. В здании гостиницы «Нарутис» специально до высоты третьего этажа оставлена узкая полоска, открывающая старый кирпич — доказательство того, что уже в XVI веке эта улица была застроена высокими кирпичными домами.

Реставрационные работы в Вильнюсе ведутся повсюду, но особенно много дел у архитекторов и строителей на

улице Стиклию. Через некоторое время после того, как исчезнут мусор и деревянные заборы строителей, здесь можно будет увидеть жилые дома горожан, мастерские ремесленников, харчевни и пивные средневековья.

Один из древнейших архитектурных памятников города — костел св. Николая. Он в стороне от обычных туристских маршрутов, незаметен и поэтому мало известен приезжим. Приземистый, сложенный из кирпичей большого формата, он до сих пор хранит на стенах загадочные звездочки — знаки неизвестных каменщиков. Не так давно на чердаке этого костела нашли плиту с совершенно необычной надписью. Расшифровать ее пока не удалось. Ее можно датировать либо XII, либо XV веком. И если выяснится, что она относится к XII веку, то дату основания Вильнюса придется отнести к гораздо более раннему времени.

Вильнюс часто называют городом барокко. Это не совсем верно, памятников готической архитектуры здесь достаточно много. Однако в силуэте города все-таки преобладают линии барокко, тем более что костелы этого времени сохранились лучше. Вечером, перед заходом солнца башни четко видны на фоне неба. Город как бы притушен, зато выделены все его вертикали. И как смотрятся в это время кованые металлические кресты костелов и колоколен — их темное ажурное кружево словно подчеркнуто синевой! В литовской столице работали десятки архитекторов: местные мастера, итальянцы, поляки, немцы, чехи. Особенно частыми гостями были итальянцы. Они, кстати, и принесли в Вильнюс барокко, не случайно костел св. Терезы так напоминает один из костелов Рима. Его фасад дышит простотой и величием ренессанса, однако намеренно усложненные формы барокко явно дают себя знать — выступают вперед сдвоенные пилястры, ломается линия фронтона.

Любопытен костел Доминиканцев. Он со всех сторон сдавлен домами, его купол и фасады видны издали, однако идя по улице Траку, видишь только уходящие вверх стены. Это самый мрачный, темный костел города, но, пробыв там некоторое время, обнаруживаешь удивительные эффекты, уготованные для посетителей архитекторами. Центральный алтарь костела постепенно переходит в боковые, его виртуозные карнизы, эллипсовидные отверстия, сквозь которые видны следующие этажи колонн, обилие гнущихся, извивающихся линий оставляют впечатление застывшей органной импровизации.

Интересны дворики Вильнюсского университета; в один из них, двор Скарги, выходит фасад бывшего костела св. Ионаса. После реставрации в этом костеле будут концертный зал университета и музей науки; тогда его посетителям откроется главный алтарь — великолепная цветная композиция.

По костелу св. Петра и Павла можно ходить часами. Это целый мир, и сложнейшая символика, связывающая тысячи его скульптур, не понята до сих пор. Со стен костела на ошеломленного зрителя смотрят отцы церкви, мученики, воины, святые, дикий звери, ангелы, чудовища. Их одежда ниспадает складками, развевается, движется. Стены капеллы расцветают розами, лилиями, деревьями, среди них поют птицы и извиваются змеи. Ангелы сурово целятся из лука в идущего к алтарю грешника и милостиво вкладывают меч в ножны после его молитвы; пронзенный стрелами римских легионеров, умирает святой Себастьян; пылают и рушатся города, уходят в бой армии. Через этот костел сумела себя выразить целая эпоха с ее высокомерием, роскошью, жестокостью и верой.

В конце XVIII века создал свое лучшее произведение литовский архитектор Лауринас Стуока-Гуцявичюс. Это

бывший кафедральный костел, сейчас картинная галерея. Архитектору пришлось придать формы классицизма зданию эпохи барокко, сохранив при этом его наиболее ценные детали. Сейчас трудно представить площадь Гедиминаса без этого костела. Здесь хоронили литовских князей, феодалов, епископов.

Город все время живет и меняется, и послевоенные годы прибавили ему многое. В 1968 году были удостоены Государственной премии авторы жилого района Жирмунай. В противоположной части города, на берегу реки Нерис, в основном лесу, строится самый новый, интересный жилой массив — Лаздинай. В Вильнюсе — городе, награжденном орденом Ленина, — особенно заметен размах промышленного и жилого строительства, характерный для последних лет.

В субботу и воскресенье город пустеет: многие уезжают на Тракайские озера, что в тридцати километрах от Вильнюса. Здесь легко найти лодку, поставить на одном из островов палатку и провести несколько дней. Особенно хорошо на Тракайских озерах вечером, когда с заходом солнца стихает дневной шум, деревья становятся темными и загадочными, вода голубой, мягкой и спокойной. На одном из островов виднеется замок. Он кажется далеким и нереальным. Видимо, в этой вечерней тишине и родилась легенда о том, что где-то глубоко на дне озера спит старый жрец, последний литовский язычник. Временами он просыпается, видит сквозь толщу воды замок, ждет и не может дожидаться, когда же придут к нему с вестью о том, что кончились времена христианства и его народ снова молится языческим богам.

У развилки дороги из Вильнюса на Гродно и Варену, у местечка Пирчюпис, стоит скульптура — скорбящая женщина с тяжелым, невидящим взглядом,

дом, в котором отчаяние, боль и ненависть. Автор памятника скульптор Гедиминас Йокубонис в 1963 году за эту работу был удостоен Ленинской премии.

В 1944 году фашисты устроили в Пирчюписе зверскую расправу. Ранним июньским утром, когда до освобождения Вильнюса оставалось меньше полутора месяца, карательный батальон уничтожил здесь 119 человек, в том числе 49 детей. Один за другим в деревне пылали дома и сарай, и в них заживо горели люди.

В маленькой Литве за время немецко-фашистской оккупации погибло 700 тысяч человек. Юстас Марцинкявичюс в предисловии к поэме «Кровь и пепел» вспоминает возвращение на родину: «Тогда, двадцать лет назад, только-только отгребели бои всеуничтожающей войны. Мы вернулись на родину и не нашли ее. Деревья в порыве бесконечной муки протягивали обгорелые ветви к небу, над пожарищем висел едкий запах гари. Мы, босоногие ребята, первыми ступили на старый жернов, что издавна служил ступенькой для входа в наш дом — да и в жизни! Как приятно холодил он когда-то в летний зной натруженные потные ноги... Ступили и тут же, громко крича от боли, покатались в траву, растирая прохладной землей безжалостно обожженные ступни. Жернов все еще был раскален, и лишь сверху ласковый ветерок присыпал его мягким слоем пепла...»

Деревня Пирчюпис со всех сторон окружена лесами знаменитой Рудницкой пуши. Во время Великой Отечественной войны недалеко от деревни Мацеляй среди труднопроходимых болот располагалась партизанская база. Через некоторое время сюда перешел Южный подпольный обком КП Литвы, которым руководил Г. Зиманас. Расположение партизанской базы именно в этом месте было продиктовано страте-

гическими соображениями: болота и леса пуши защищали партизан от фашистов, недалеко проходили шоссе и железные дороги.

Из Пирчюписа рейсовым автобусом или любой попутной машиной можно за 2—3 часа доехать до Друскининкай. Дорога почти все время идет через лес, пересекает Меркис и речушки помельче, минует деревеньки и хутора, поднимается на невысокие холмы. Долина каждой, даже самой небольшой, речки заросла пышными кустами орешника, ивой и на фоне соснового леса выделяется свежей, чистой зеленью. Чуть выше обязательно стоят дома, почти всегда деревянные, с уютными крылечками. Рядом с домом — сад: вишни, яблони, смородина, у заборов колючие кусты крыжовника.

«Где быстрый Меркис мимо зеленых лугов, шумного ольшаника и овражков несет свою прозрачную воду широкому Неману, есть высокий и крутой холм, всех холмов выше, а на том холме крепкий замок, что зовут Меркине. Великаны его строили, не люди: за семь миль со всех сторон носили тяжелые камни, носили и фундамент клали». Так писал об этих местах писатель В. Креве в книге «Предания Дайнавского края». Однако это не легенда, такой замок действительно был. Во время войны с крестоносцами, начиная с 1377 года, он не раз упоминается в хрониках. Естественный холм высотой 20 метров на берегу Немана и у дорог, которые когда-то вели из Вильнюса в Польшу и земли ордена, на протяжении нескольких десятков лет служил местом ожесточенных сражений. Под защитой замка рос город, и старая городская площадь, в центре которой на месте церкви стояла ратуша, помнит пестрые ярмарки, купцов, ремесленников, солдат. Вокруг города в лесах водились лоси, кабаны, пушные звери, в дуплах деревьев роились пчелы, их воск и мед приносили немалый доход.

Уже в XVI веке город имел магдебургские права, его территорию обозначали четыре столба, два из них сохранились до сих пор.

У городка Пуня есть еще одно овечье предание о городище. Говорят, что именно здесь во время осады замка Пиленай его владелец Маргирис, видя, что у защитников не хватит сил отразить натиск крестоносцев, поджег замок. Все воины вместе с князем, его женой и сыновьями погибли, предпочитая смерть плену у рыцарей. Историки, правда, не спешат подтверждать, что это произошло именно здесь, однако легенда о защите Пиленай послужила темой рассказов, картин, оперы, исторических повестей.

Неподалеку отсюда начинаются знаменитые петли Немана, когда река неожиданно как бы поворачивает вспять и начинает течь на юг. В некоторых местах плотогоны, которых в свое время было много на Немане, проплыв несколько десятков километров, могли вернуться по суше к своему вчерашнему костру; длина, например, Приенайской петли — 17 километров, а по суше от начала к концу петли — всего километр.

Каждая этнографическая область Литвы имеет свои особые наречия, одежду, быт, праздники, традиции. Самые гостеприимные, пожалуй, дзуки. Мне вспоминается день в дзукийской деревушке неподалеку от Немана. Я попал туда утром, хотел посмотреть настоящие старые крестьянские усадьбы. У дзуков самые мелодичные песни, нарядная и тонкая по сочетанию цветов одежда, множество легенд и преданий. Не случайно именно Дзукия дала Литве писателя Креве, здесь вырос и Миколоюс Константинас Чюрленис.

В сосновом лесу на берегу Немана расположился город Друскининкай. Собственно, городом он стал в послевоенные годы; во времена Чюрлениса его считали деревушкой, сейчас это город

санаториев и домов отдыха. Здесь, правда, нет такого роскошного парка и моря, как в Паланге, а те, кто приезжает сюда лечиться и отдыхать, люди уже не молодые, однако этот курорт особенно хорош чистотой, зеленью, уютом и сосновым лесом на берегу Немана.

Главная достопримечательность города — дом-музей М. К. Чюрлениса, где сохранена обстановка его времени, где можно увидеть копии его картин, послушать его музыку. Здесь Чюрленис провел лучшие годы своей жизни; не случайно в письмах к брату, невесте и друзьям он часто вспоминает Друскининкай.

В окрестностях курорта много привлекательных мест. Это прежде всего Райгардас — громадная долина, образовавшаяся от разливов Немана, где до сих пор сохранились небольшие озера и болота. С высокого, обрывистого берега, поросшего старым сосновым лесом, открывается великолепная панорама — луга, леса, солнечные долины. С этими местами связана легенда о шумном богатом городе, жители которого утопали в роскоши. Лень, зависть и богатство погубили этих людей. Однажды земля дрогнула, рассыпались дома, и через несколько секунд на месте, где стоял город, образовалась долина. Геологи давно объясняли образование Райгардаса естественными причинами, но даже сейчас испытываешь странное чувство заброшенности, попав после сухого соснового бора в этот мрачный лес на дне долины.

Каунас не похож ни на один город Литвы, центр его — знаменитая Лайсвес-аллея и параллельные улицы — были застроены в первой половине XX века. Двадцать лет город был временной столицей республики, здесь работали лучшие архитекторы. Здание Государственного банка, Главная почта, Военно-исторический музей — прекрасные образцы художественных течений начала века.

Этот город сохранил произведения Чюрлениса, самого талантливого художника Литвы, чье имя становится все более известным. В его короткой жизни наберется не так уж много лет, когда он мог работать в человеческих условиях, но картины, оставленные им, говорят о нем как о художнике, никогда не торговавшем талантом.

Чюрленис жил в Лейпциге, Варшаве, Петербурге, бывал во многих городах Европы. Письма его сохранили настроение тех дней, и главное в них — стремление вернуться на родину, в Литву. Только среди родных полей, лесов, на берегу Немана в Друскининкай он чувствовал себя счастливым. Получив музыкальное образование (он окончил две консерватории), Чюрленис чувствовал неодолимую тягу к живописи. Мир полон звуков и красок, он уже умеет выразить его через музыку, но образы, краски заставляют его учиться живописи. Так родились живописные сонаты Чюрлениса, где каждое произведение — особое состояние чуткой и нервной души.

В Каунасе сохранился и старый город — замок, готические костелы, великолепная ратуша, дома горожан, королевская почта. Сейчас там ведутся реставрационные работы. Славу Каунасу снискали и редкие по красоте колокольные концерты, которые дают на башне Исторического музея отец и сын Купривичюсы.

В северо-восточной части республики находится знаменитое Литовское озеро — сотни больших и маленьких озер, часто соединенных протоками или речками. Именно здесь расположено самое большое озеро Литвы — Друкшяй, площадь которого 45 квадратных километров, и самое длинное — Асвея, узкой извилистой полоской протянувшееся почти на 30 километров. Здесь встретишь и такие шутки природы, как островок на озере Балуош с небольшим глубоким озерком.

У города Игналина начинается Игналинский ландшафтный заповедник, где как в зеркале отразились все особенности этого района: из всех уголков Литвы этот обжит меньше всех — на квадратный километр приходится восемь жителей, а всего на территории заповедника живет около тысячи человек. Долгое время район находился в стороне от основных дорог и цивилизации, его земли требуют большого труда — вот почему желающих жить здесь было не так уж много. Сейчас рядом с Игналиной есть туристская база, но и просто на берегу любого из озер заповедника — Крятуонас, Лушяй, Дрингяй, Укая — можно найти место по душе. На каждом хуторе или в деревушке (они стоят по берегам озер и на опушках леса) нетрудно получить лодку, вдоволь поплавать и половить рыбу, тем более, что озера занимают почти четверть территории заповедника.

Ледник, несколько раз покрывавший эти места, изрядно потрудился. Глубина озер — до 40 метров, некоторые холмы имеют 200 метров высоты. Для Литвы, где нет высоких гор, это редкость. С одного из таких холмов, например Лядкальниса, хорошо видны синие озера, окутанные голубой дымкой леса, островки, заливы, белые точки водяных лилий.

На солнечных полянах краснеет земляника, чернику можно собирать ведрами, на болотах к осени наливается го-ком клюква. Не меньше здесь и грибов: белые, подберезовики, подосиновики. На лугах и пастбищах можно встретить полевые шампиньоны, местные жители почти не обращают на них внимания. Удивительным теплом дышит нагретый солнцем сосновый лес, под ногами пружинит чистенький зеленый мох, а в лиственном лесу всегда немного таинственно и прохладно.

Летними вечерами мне приходилось возвращаться с озера Плателяй в Палангу. И каждый раз невозможно было

отвести глаз от зеленых, освещенных неярким светом далей, буйных лугов, далеких лесов, деревушек на холмах. Лето в этот год было особенно жарким, но листва деревьев и луга еще оставались свежими, и к вечеру зелень становилась особенно насыщенной, темной и контрастной от теней.

Трудно представить себе историю Литвы без упорства и выдержки жемайтов, сумевших выстоять в самых тяжелых условиях. В сложнейшей военной и дипломатической борьбе литовские князья порой уступали эти земли врагам — ордену крестоносцев, но потом отвоевывали их снова. Столетия суровых испытаний выработали и особый характер жемайтов: стойкость, упорство, сдержанность, некоторую недоверчивость. И вместе с тем, будто сохраняя равновесие, природа наградила их любовью к самым ярким краскам, шумным праздникам, «мистериям» и карнавалам, грубоватому, но выразительному юмору. В Жемайтии больше всего народных скульпторов, талантливых мастеров, интересных обрядов. В каждом городе — а часто и в деревушке — великолепные деревянные костелы и колокольни, некоторым из них по двести лет, у дорог и усадеб — часовенки, где стоят увешанные лентами, бусами и цветами святыне, похожие на местных крестьян, исполненные местными мастерами из народа.

Плателяй — самое большое озеро Жемайтии. Поражает удивительный покой этих мест, когда плывешь на лодке или на небольшом пароходике «Гервазас». Кажется, что здесь нет и никогда не было людей, а в зарослях камыша в заливе Лаумю шепчутся капризные феи. У мыса Швенторкальнис в хорошую погоду видны на дне озера сваи, которые ведут от него к острову, — возможно, археологические раскопки здесь дадут много интересного материала.

У озера Плателяй можно остановиться надолго — кататься на лодке, рыба-

чить, смотреть, как осторожно и плавно поднимаются в небо аисты, над самой водой пролетают дикие утки. В окрестных лесах заросли ежевики, малины, земляничные поляны. В начале июля на берегу озера бывают знаменитые фестивали Жемайтии, тогда нет конца народным песням и традиционным играм.

От Плателяй 6 километров до Гинтелишке, небольшой деревушки, где с конца XVIII века сохранился деревянный костел св. Матфея. Доски его от времени стали совсем седыми, внутри и снаружи скульптуры народных мастеров, а три кованых металлических креста на крыше — пример изобретательности местных кузнецов. Иногда туристам разрешают послушать звучание старого маленького органа, и тогда они сами, взявшись за деревянный рычаг, накачивают в меха воздух.

Однако Жемайтия — это не только деревни, леса и озера. Это еще и побережье Балтийского моря, и, конечно, Паланга — модный в последнее время курорт, единственный в СССР городок с восьмьютысячным населением, связанный прямым рейсом реактивного самолета с Москвой. Казалось бы, капризная погода (иногда за все лето не наберется и двадцати по-настоящему теплых и солнечных дней, море согревается только к июлю) может отпугнуть отдыхающих, но тем не менее слава Паланги все растет.

От Паланги до Вильнюса на хорошей машине четыре часа езды. Но можно этот путь пройти не спеша, заглядывая в деревни и города, останавливаясь на берегу рек и озер, поднимаясь на холмы и спускаясь в долины. И тогда откроются вам красота Литвы, неповторимый облик маленькой прибалтийской республики, трудная история народа и его светлый сегодняшний день.

В. Ужскальнис

Город энергетиков Электренай

Крыши Вильнюса

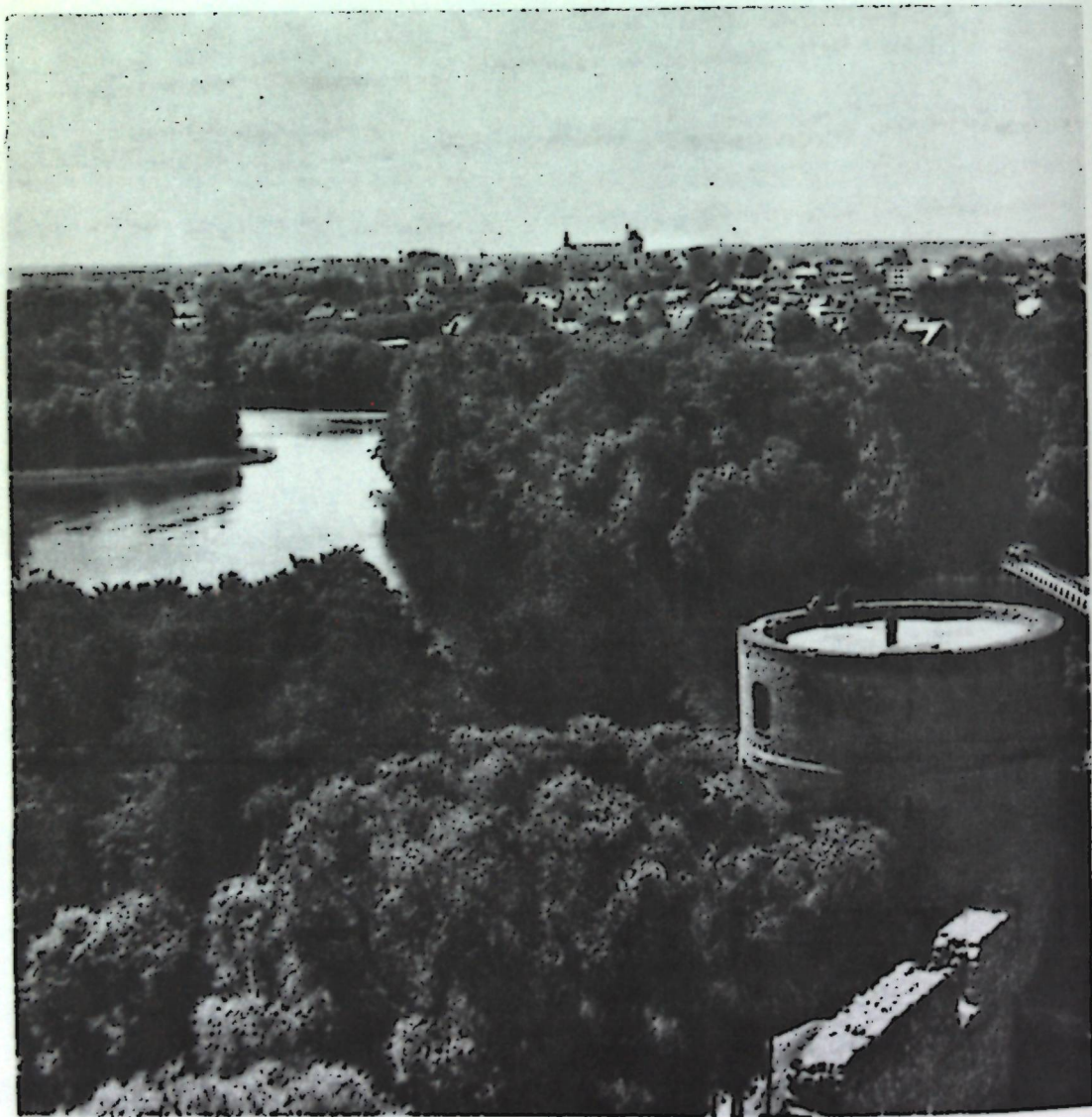

Новый квартал Лаздинай

В Тракае

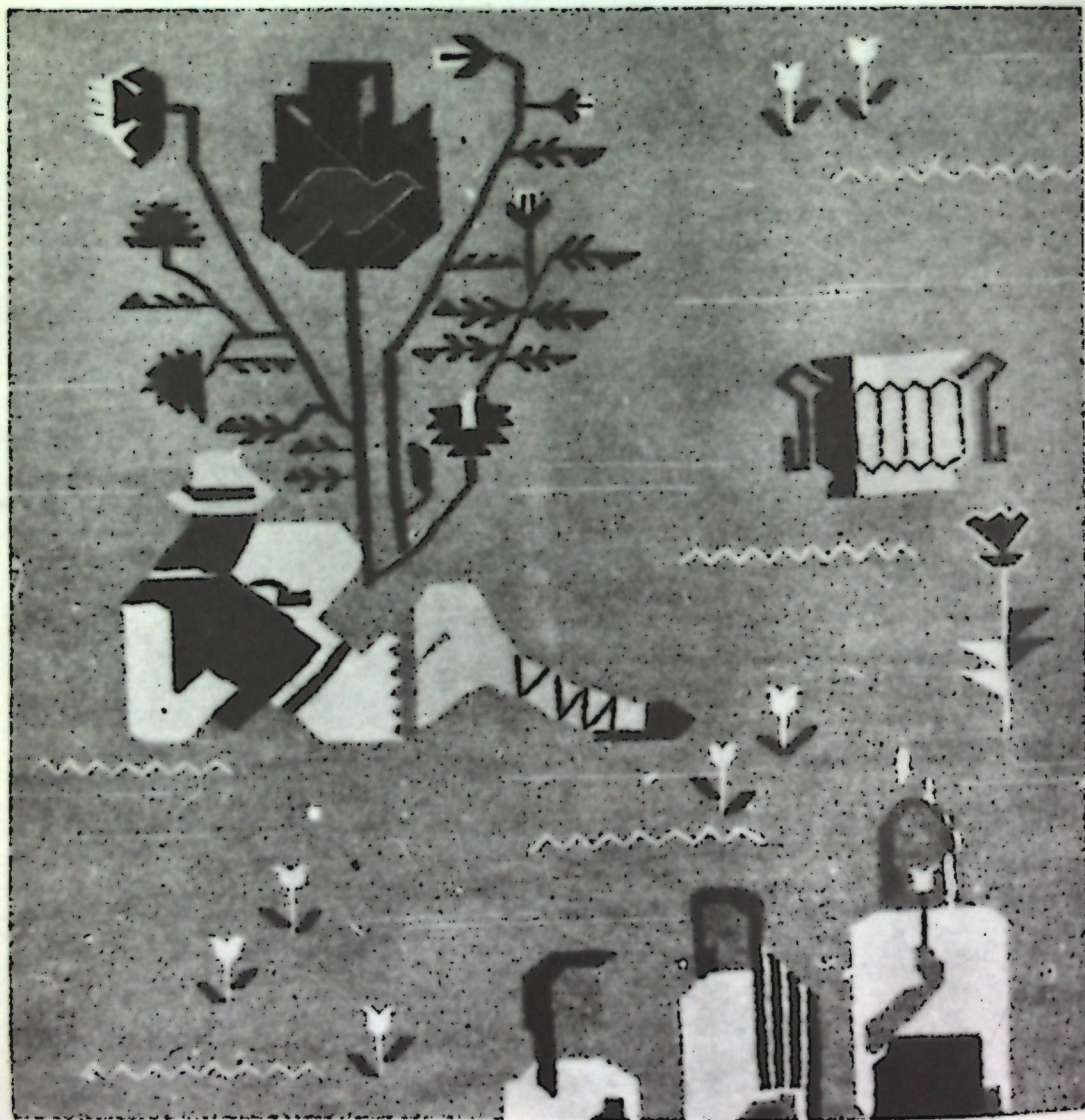

Памятник Марии Мельникайте

Молдавская ССР

Тирас помнит

Этот маршрут еще мало изъезжен. Но в ближайшие годы, я убежден, станет очень оживленным. Я проведу вас забытым торговым путем по Днестру — древнему Тирасу.

Продолжительность маршрута? Она зависит от вашего желания. Но, как правило, туристы проводят здесь почти весь отпуск, оставляя лишь несколько дней для посещения Кишинева.

Лучшее время года? Конечно, осень. Ранняя. Когда прибрежные сады опьяняют ароматами «дюшеса», «шафрана» и «муската», когда начинается неистовый жор судака, когда воды Днестра послушно следуют уготованному им руслу.

Днестр приветлив, ласков. Он встретит гостя с радушием, поведаст ему свою историю, покажет сокровенные красоты: и пологие берега, покрытые вековыми лесами-кодрами, и свинцовые омуты с пудовыми сомами, и облысевшие скалы, что стоят часовыми над его гладью, и пенистые перекаты, в которых мелькает искристая форель, и просторные многоярусные террасы, засаженные огородами, садами, виноградниками...

Так уж принято у нас — отчаливать от седой Сорокской крепости. Перед дальней дорогой посидеть в тени ее стен, испить холодной водицы из бездонного колодца, что поит людей почти полтысячелетия, приласкать на прощание камни окутанной легендами цитадели.

На закате, когда последние лучи прощаются с миром, на стенах фортеции как по волшебству появляются надписи. Знаки, буквы, слова, рисунки... Их оставили строители, возводившие стены. Не генуэзцы, как утверждали в течение столетия некоторые исследователи нашей истории, а молдаване и украинцы. Не пришельцы, якобы принесшие на нашу землю передовую романскую культуру, а свои, местные, мастера. В течение трех лет сооружали они неприступную крепость, расписав камни эмблемами бригад и корпораций, рабочими чертежами, магическими квадратами-лабиринтами, «дабы крепко стоял сей замок», как гласит одна из надписей.

Присмотритесь к каменным блокам надвратной башни и огромным плитам со странными выемками-колеями посредине. На одной из них вы заметите небольшой чертеж, вернее, план местности: излуцина Тираса, какое-то неизвестное нам здание, пристань, у причалов которой стоят фелюги. Проконсультируйтесь с геологами, и вы узнаете, что в окрестностях Сорбк-города, целиком построенного из камня, нет песчаника, похожего на эти плиты.

Существует предположение, что они привезены из древнего Рима, откуда торговцы доставляли в Молдавию заморские товары, выменивая их на зерно, скот, мед. Добирались торговцы за море на фелюгах, утлых суденышках, сохранявших устойчивость в морскую

непогоду лишь благодаря тяжелому балласту. Таким балластом, по-видимому, были каменные плиты со знаменитых римских дорог, отслужившие свой век. Торговцы грузили их в свои фелюги, ибо шелковые ткани и амфоры с ароматичными маслами не могли обеспечить устойчивость судов, а по прибытии в Молдавию освобождались от ставшего ненужным балласта. И плиты шли на строительство крепостных сооружений.

Эта догадка требует научного подтверждения, но она явно не лишена основания. И в гуле, который слышится у стен крепости темной ночью, возможно, звучит рокот римских колесниц...

«Краем на пути всех бед» образно называл Молдавию древний летописец. Следы этих бед буквально на каждом шагу.

В живописной приднестровской долине раскинулось село Алчедар. Типичное для Молдавии село. Солнечное, богатое, жизнерадостное. Лишь немного странным для молдавской топонимики казалось его название. Археологическими раскопками было установлено, что на территории нынешнего села существовал древнерусский город Чори, обиталище северных славянских племен с крупными по тем временам металлургическими «предприятиями», мастерскими ткачей и шорников, пасечниками и рыбаками, храбрыми воинами. Они и заложили основы нынешнего Алчедара. Дальнейшая судьба их неизвестна. Но о ней можно составить себе представление, посетив невдалеке от Алчедара другой древнерусский город, носящий ныне название Екимайцы. Здесь под небольшим слоем земли археологи обнаружили поле боя, усыпанное человеческими останками — скелетами в воинских доспехах. По-видимому, погибли все до одного. И некому было предать их земле, собрать

оружие, разнести по миру весть о «кончине живота их».

А вот еще одно открытие — и еще одна страница истории Молдавии.

На днестровском берегу, на окраине села Рудь, есть большой кольцеобразный земляной вал, прозванный местными жителями «турецкой крепостью». Как показали раскопки, рудянское «кольцо» — это поселение гетов — прародителей молдаван. Удалось четко проследить три «страницы» их жизни. Четвертый век до нашей эры: бедное, примитивное жилье, с грубо выделанными гончарными сосудами, с костяными иглами и каменными жерновами, с мотыгами и серпами...

Второй век до нашей эры: на месте старой полуземлянки потомки соорудили большую хижину; ее обитатели закалывали одежду завезенными золотыми фибулами, украшали оружие орнаментом, пользовались стрелами с наконечниками из отлично ковального металла... Второй век нашей эры: на месте хижины возведен каменный дом. Вокруг поселения потомки гетов соорудили оборонительный вал и глубокий ров, украсили жилище греческими скульптурами, напитки хранили в средиземноморских амфорах, пользовались благовоениями и золотыми украшениями.

Но все поселение разбито, исковеркано, уничтожено каким-то катаклизмом. Небольшой участок рва наполнен доверху человеческими костями. Обнаружено семьдесят скелетов — и только женщины и дети! Среди костей несколько предметов. В небольшой коробке обломок меча, две металлические пластины от доспехов и монета. Серебряная монета, отчеканенная в «вечном городе» Рима.

Но почему только женщины и дети? Поселение погибло в период римской экспансии на северо-восток. Пленные мужчины, превращенные в рабов, представляли собой материальную ценность. А женщины и тем более дети бы-

ли не нужны. Как правило, их убивали, что и произошло, по-видимому, в данном случае. Вот она культура завоевателей, принесенная римлянами прародителям молдаван — варварам гетам!

Исчезли орды всех захватчиков, в частности и тех, что пытались на наших землях установить «новый порядок». Но на крутосклонах заметны еще морщины траншей, кое-где уцелели искаженные взрывами железобетонные укрепления, а на фоне голубого неба просматриваются десятки обелисков. Это братские могилы советских воинов, принесших в 1944 году освобождение молдавскому народу. Молодо выглядит седой Тирас в наши дни. Улыбаются солнцу обновленные колхозные села. У одной из излучин рядные домики подступили к самой воде. Это Выхватинцы. До слуха путешественника доносится чарующая мелодия. В ней слышатся мольбы, просьбы, ноты отчаяния...

Мелодия доносится из сельской средней школы, где по традиции ребята разучивают бессмертное творение своего земляка, Антона Григорьевича Рубинштейна, принесшего славу русской музыке. Он родился здесь в 1829 году в небольшой корчме у переправы через Днестр. А в 1901 году на развалинах старой корчмы жители села и энтузиасты Русского музыкального общества построили народное училище имени А. Г. Рубинштейна — памятник композитору.

Многое изменилось с тех пор. Бывший помещичий хутор превратился в богатое колхозное село, глинобитные и плетневые хаты уступили место добротным многоквартирным домам, типовым фермам, рядом с народным училищем-памятником сооружено новое здание школы-десятилетки, Дом культуры. От старого сохранились лишь домик быв-

шего двухклассного училища, имя Антона Григорьевича, любовь к музыке да культ «Демона», мелодии которого знают здесь все от мала до велика. Стоит отправиться вверх по Оврагу Мафтея — глубокому каменистому ущелью. Из отвесных скал бьют ледяные родники, над головой нависают каменные глыбы, в таинственных гротах любопытные обнаружат мрачных филинов, а высоко в небе степных орлов. Здесь настолько пустынно и дико, что любой проникший сюда чувствует себя первооткрывателем. Но это чувство исчезает, как только он подойдет к небольшому гроту, увенчанному памятным знаком: «Стоянка первобытного человека». Уже сто тысяч лет назад в Овраге Мафтея жили люди. Изготавливали каменные орудия, охотились на мамонтов и пещерных медведей. В одной из соседних ям обнаружен целый палеонтологический музей: кремневые ударники и скребки, кости носорогов и оленей, мамонтов и медведей.

Над рекой нависла скала, темная, покрытая лишайниками. Наверху, словно стражи, несколько причудливо изогнутых деревьев. Обрыв смотрит в реку десятками черных глазниц.

К скале, издали кажущейся неприступной, не так уж сложно добраться: сверху, с плато, — по едва заметной вырубленной в камне тропе, а еще проще — с днестровского берега. Волны плещут о нижние ступени грандиозной каменной лестницы, сложенной из многотонных блоков песчаника. Туристы нарекли ее «Молдавской Потемкинской» хотя между ними мало общего: молдавская лестница выше своей одесской сестры и старше. Правда, она неухожена, на ней завалы и трещины, в которых живут змеи. Ведет лестница в одно из древнейших сооружений Молдавии — Циповский скальный монастырь XII—XIII веков.

Давно опустели вырубленные в скале кельи монахов и храм, в длинных подземных переходах не заметно следов на полу, стены покрыты прахом веков. Пусто на смотровых балконах. Прошлое кануло в Лету. «Любители древности» растащили остатки монастырской утвари. А ведь еще в конце прошлого века специалисты описывали десятки ценнейших произведений древнего искусства, хранившихся в монастыре: рукописи, картины, ювелирные изделия, неповторимые деревянные резные иконостасы и распятия, первопечатные книги. Все, что сохранилось, перекочевало в музеи. Но и пустующий храм впечатляет, волнует воображение.

«Край на пути всех бед». Эти беды — постоянные набеги кочевников, многовековое владычество турецких захватчиков и татарский разбой — заставили монахов искать убежище в самых укромных местах, в неприступных скалах. Более семи веков просуществовал Циповский монастырь. И ни одна летопись не упоминает о его захвате иноверцами. Но зато они поведали о местных каллиграфах и иконописцах, золотых дел мастерах и резчиках по дереву, переводчиках книг и людях, искусных в песнопении.

Чуть пониже Ципова начинается «Днестровское море». Так называли молдаване детище первой послевоенной пятилетки — Дубоссарское водохранилище. Здесь уж можно полностью переключиться на рыбное меню. И для этого нет необходимости обращаться в расположенные вокруг рыбозаводы с питомниками и прудами для молодежи, с промысловыми бригадами, оснащенными неводами и ставнями. Пара удочек принесет вам «трехэтажную уху». И места для палатки здесь отличные: пляжи, тополевы и ивовые рощи. Осенью знатоки ловли перебираются

на левый берег, обрывистый, дикий, прекрасный своей суровостью и неприступностью. С верхней террасы сюда не спуститься. С лодки надо подобрать приглянувшуюся расщелину или большую каменную глыбу, свалившуюся в воду, — милости просим!

Многие пользуются поплавковой удочкой, но основная масса рыболовов предпочитает донную. Да и леску выбирают потолще и подлиннее: крупные сомы да карпы водятся на глубине. Глубина тут — под самым берегом. В десятке метров от обрыва двенадцать метров, а чуть подальше, там, где древнее русло, — до тридцати. Осенью «донщики» заготавливают знаменитого «днестровского рыба». Подсаливают и здесь же, между скал, натягивают шнуры и вялят его. А что такое вяленый рыбец, известно каждому!

Где ловить рыбу? В любом приглянувшемся месте на крутояре. Но, пожалуй, самые добычливые места — между селами Гояны и Кучиеры: от огромного Гоянского залива, на берегах которого раскинулись дома отдыха, профилактории и оздоровительные лагеря, до Кучиерских скал, где метровые волны бьются о стену каменного обрыва и резко поворачивают направо к широкой долине, где манит прохладой Голерканский лес.

Здесь вспоминается трогательная молдавская народная песня «Ниструле, пе малул тэу». Слова ее звучат примерно так:

Долинь берег покрывает,
Да слезами оmyвает...

Молдаване поют еще эту песню. Мелодичную, но унылую, трогательно-печальную. Она сложена в годы, когда Днестр служил границей двух миров: левобережной Советской Молдавии и правобережной — оккупированной буржуазной Румынией Бессарабии. Сейчас Днестр — символ объединения. Символ дружбы и счастья, источник

богатства и радости. Не поленитесь подняться по тропке к старому поселку Роги, и вы убедитесь, насколько щедро молдавская земля, напоенная днестровской водой. Здесь — один из многих орошаемых фруктовых садов. Один из тех, на которых ежегодно каждый гектар приносит сто, а то и двести центнеров фруктов. Частица «фруктового сада Советской страны», как не забудут вам напомнить местные колхозники. Ведь они ежегодно производят на каждого жителя страны по доброй корзине фруктов да какой же — винограда. Знаете, сколько сортов винограда произрастает в Молдавии? В коллекции Молдавского научно-исследовательского института плодводства, виноградарства и виноделия уже насчитывается около трех тысяч сортов!

Приволен здесь древний Тирас. Он отдыхает, набирается силы, чтобы опять ринуться в бой. Воды его успокаиваются, потом медленно кружатся на месте, как бы прицеливаясь перед решительной схваткой. И как только почувствуют, что хватит им мощи, деловито, не торопясь подойдут к плотине и ринутся в тело бетонного усмирителя. Где-то внизу, в самой преисподней, слышится могучий рев, бетонная масса доносит оттуда ритмичную дрожь: воды Днестра вырабатывают электроэнергию. Уже много лет молдавские строители шагают по приднестровским холмам. Измерили каждый холмик, каждый ярк, изучили тысячи проб грунта. Пока еще это мечта — не только напоить Кишинев днестровской водой (это делается уже сейчас), но перекачать часть ее в долину реки Бык, что омывает город. Строители задались целью сделать Кишинев городом на реке, с набережными и парусными лодками, с купальнями и живой прохладой в знойные августовские дни. Нужно только преодолеть три гряды холмов,

три небольших перевала. И тогда частица нашего «водного пути» сама пройдет к столице сотню километров и спокойно возвратится в свое русло у Бендерской крепости.

А пока мы уклонимся на несколько километров от прямой линии маршрута и посетим село, носящее имя Сергея Лазо. Здесь родился и провел свое детство дальневосточный герой, здесь он рос. Правда, четырехкомнатный домик обедневшего мелкопоместного землевладельца не стал еще мемориальным музеем, но нужны ли гиды, чтобы почтить память человека, ставшего символом молдавского революционного духа...

Поскольку зашел разговор о мемориальных домиках, хочется напомнить, что молдаване всегда приглашают своих гостей и в Кишиневский домик-музей А. С. Пушкина, где жил «великий изгнанник», и в домик помещика Ратли, где, по преданию, поэт воспламенился образом цыганки Земфиры, и в скромный домик рабочего Ивана Котовского, сыну которого судьба уготовила всенародную славу. Но отсюда до городка Котовска, до домика, в котором родился легендарный герой, не менее двух часов езды автобусом.

Как правило, прощаясь с домом Сергея Лазо, путешественники остаются в нерешительности: идти вверх по Реуту или вниз? Вверх по течению будет Новый Орхей. Вообще-то «новый» — понятие относительное. Ведь стоит же в этом самом «новом» Орхее величественный собор, построенный в сороковых годах XVII века господарем Молдавии Василием Лупу. Стоит символом дружбы молдаван с украинским народом, дружбы Василия Лупу с Богданом Хмельницким, за сына которого, Тимофея, отдал господарь любимую дочь Руксанду.

А вниз по течению — Старый Орхей,

который, конечно же, древнее «нового» города. В этом городе-крепости XIV — XV веков, охранявшем Молдавское княжество от татарских орд, теперь музей-заповедник. На его территории известны пока двадцать семь памятников самого различного характера и эпох: жилища людей трипольской культуры и эпохи бронзы, древнеславянские городища и крепость гетов, восточная баня с центральным отоплением и руины христианских храмов, средневековые бондарные и колесные мастерские, целый «комбинат» обжиговых и металлоплавильных печей...

Территория археологического заповедника, окруженная с трех сторон водами Реута и неприступными скалами, занимает 220 гектаров (это помимо природного заповедника, расположенного рядом), 10 из них уже стали музеем под открытым небом, уникальным собранием реликвий прошлого. Разведывательные шурфы подтверждают, что здесь буквально на каждом квадратном метре памятник.

Из небольшого селения Бутучены, спрятанного совсем по-кавказски в глубоком ущелье, у речного переката, колхозники ходят на работу по небольшому мостику. Как только они ступают на землю нынешнего заповедника, обязательно поднимают камень и кидают его в большую кучу булыжника. И стар, и млад. Такова традиция, рожденная легендой.

В суровые годы правления пыркалаба (княжеского наместника) Гангура двинулась на крепость несметная татарская рать. Готовясь к длительной осаде, Гангур перенес в неприступные монастырские пещеры городскую казну, передал на попечение монахов всех женщин и детей, вооружил население. Осада длилась много дней и ночей. Не сломили молдаван ни попытки штурмовать цитадель, ни голод, ни жажда. Но в одну из темных ночей в стан татар пробрался монах:

— Я готов, великий хан, — сказал он, — показать тебе подземный ход, что ведет в монастырь. Там ты найдешь несметные сокровища.

— Чем могу я расплатиться с тобой? — спросил хан.

— Золотом! — ответил монах — Частицей того, что завоюют твои славные воины!

— Ладно! Золота я тебе дам вдоволь! Веди нас к подземелью.

Татары, ведомые монахом, ворвались в монастырь, захватили казну и всех укрывшихся там. Часть пленных привели в стан, остальных сбросили со скалы в реку.

— Я думаю, что ты доволен моей службой, — молвил монах, низко кланяясь хану. — Я пришел за обещанной расплатой.

— Наше слово крепче кремня, — ответил хан и приказал: — Насытьте его золотом!

Татары связали монаха, расплавили в котле золото и влили ему в рот кипящий металл. Тело предателя бросили у моста, на обочину дороги.

С тех пор вот уже несколько веков все прохожие обязательно кидают камень на выросший у дороги курган и проклинают монаха.

А за холмом, в пятнадцати минутах ходьбы от романтического Старого Орхей, камни говорят о другом. Чтобы понять их язык, нужно задержаться в соседнем селе Бранешты. Всмотритесь в его дома, и вы услышите настоящую «каменную» музыку. Стройные колонны, увенчанные замысловатыми капителями; баллюстрады веранд, покрытые орнаментом, раскрашенные традиционной ультрамариновой синькой или золотистой охрой; резные дымовые трубы, каждая из которых в полном смысле слова законченное произведение искусства; погребки, каменные входы в которые покрыты виртуозной резьбой;

скульптурные опоры ворот, разукрашенные камни заваленок... Что ни дом, то иная гармония. А все вместе звучат как прекрасная музыка, имя которой — молдавское народное зодчество.

Один из литераторов назвал это село «каменным цветком Молдавии», другой — «каменной симфонией», третий — «каменной балладой». Мы называем Бранешты проще: селом потомственных каменотесов. Людей, влюбленных в камень, познавших его прелесть и сумевших передать ее людям.

Запомните адрес: село Бранешты Оргеевского района. Оно расположено совсем близко от Иванчи — одной из новых зон отдыха молдавской столицы. С домами отдыха и пионерскими лагерями, с грибными лесами и рыбными прудами.

Отсюда рукой подать до Кишинева. Но как-то уж получается, что любители красоты избегают шуршания шин и запаха бензина, что царят на шоссейных магистралях, предпочитая способ передвижения, изобретенный значительно раньше каменного топора. Выйдя из кодр, они проходят глубокую долину, что под Пересечиной (ту самую, где когда-то находился укрепленный форпост запорожских казаков и где, согласно преданиям, залечивал свои раны незадачливый Карл XII после Полтавской битвы), идут по нескончаемым виноградникам и устраивают привал у Подземного города.

В прошлом это заброшенные штольни, лабиринт многокилометровых катакомб. Сейчас это уже не катакомбы, и ничуть они не заброшены. Здесь одно из крупнейших в мире подземных хранилищ вина. Тысячи бочек наполнены доверху «концентратом молдавского солнца». Хранители одного из основных богатств республики ездят на автокарах по подземным улицам с романтическими названиями: Каберне, Алиготе, Мускат, Фетяска... По имени вин, что хранятся и старятся в штольнях.

У Кишинева много «ворот». Отправляясь из Криково в сторону Кишинева, вы повторите путь Пушкина. По этой дороге он направлялся в свое кишиневское изгнание. И путь Льва Толстого, который для прохождения дальнейшей службы в полку ехал в Кишинев из Дубоссар. Путь Пестеля и Раевского, Леси Украинки и Коцюбинского, путь славной Кишиневской дивизии, освободившей Кишинев в огненном 1944 году. Архитектор Ле Корбюзье подчеркивал, что современный город нужно смотреть не из автобуса, не с тротуара, а сверху. Именно сверху. Только с высоты птичьего полета можно оглядеть одновременно весь город, только отсюда, из поднебесья, ясно видны все замыслы градостроителей.

Чтобы увидеть так Кишинев, пожалуй, нет необходимости в вертолете или самолете. Нужно лишь посетить одну из его окраин — Рышкановку. Но не углубляться в кварталы нового микрорайона, а остановиться на холме, возле памятника болгарским ополченцам — обелиска, выросшего около небольшой скромной часовенки. Кстати, само это место, бывшее Скаковое поле, имеет славную историю. В апреле 1877 года здесь был оглашен манифест об объявлении Россией войны Турции. Вместе с русскими полками на войну пошли и три дружины болгарских ополченцев. Эти дружины, внесшие свой вклад в дело освобождения народов Балкан, стали основой регулярной болгарской армии.

С высоты холма зритель убеждается, что Кишинев — совершенно новый город. Потерявший в период войны более семидесяти процентов зданий, сейчас он в несколько раз больше и в несколько раз выше. Компактнее. Из небольшого провинциального городка он превратился в крупный промышленный и культурный центр. С Рышкановки как на ладони видны тракторосборочный завод и другие предприятия, здания

музеев и театров, высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений. На всей площади доминируют прямые квадраты жилых кварталов, сооруженных из бетона, стекла, из местного камня-ракушечника, успешно конкурирующего с армянским туфом и украинским гранитом.

Но с Рышкановки виден не только город сегодняшний. Отсюда наглядно «читается» его пятивековая история. По ту сторону речки Бык, тоже на холме, высится Мазаракиевская церковь. Типичная молдавская ковчегообразная церквушка с характерными только для нашего края куполами. Из-под холма бьет неиссякаемый родник — как называли когда-то подобные родники — «кишинэу». У подножия холма был заложен первый камень нашего города, отсюда и название его.

А чуть правее — Благовещенская церковь, та самая, в которую генерал И. П. Инзов водил вольнодумца А. С. Пушкина говеть. Там поэту приходилось отстаивать длинные, скучные обеды, слушать проповеди... Не случайно большинство пушкинovedов считают, что именно здесь, в небольшой молдавской церквушке, родились первые строфы «Гаврилады»...

Отсюда видны творения русского зодчего А. Мельникова и кишиневского «головного архитектора» с мировым именем А. Бернардацци, и маленький домик Наумова — первое пристанище в Кишиневе А. С. Пушкина, и миниатюрное строение, где когда-то печаталась ленинская «Искра», и памятник господарю Молдавии Штефану Великому, о котором русская летопись писала: «Стефан воевода Волоский, храбрый воин, аки другой Александр, много бо турецкого царя со великою его силою порази, такожде и татар, и Матвея Угорского короля, и короля польского Ольбрахта».

Кишинев — один из самых молодых городов страны, пятый раз вставший из

пепла войн, город, сохранивший свои реликвии, гордящийся многовековой освободительной борьбой.

Более пятисот лет нашей столице. Но что это был за город... В 1812 году, когда Бессарабия была отвоевана у турок, население Кишинева составляло 7 тысяч человек. В 1940 году, когда Бессарабия воссоединилась с СССР, в Кишиневе проживало менее 80 тысяч человек. Сейчас в столице Молдавии 350 тысяч жителей. Они живут в отличных новых домах.

Впрочем, обо всем не расскажешь. Рекомендуем: будете у нас, посетите музеи (в Кишиневе их более десяти), выставку достижений народного хозяйства, побывайте у кишиневских деятелей искусств — архитекторов, художников, мастеров-ковроделов или керамистов, побеседуйте с жителями города. И вы «откроете» Молдавию. Можно ли лучше познать душу народа, его образ, мысли, его сокровенные мечты?

Г. Ременко

Будет много солнца

*Идут по дорогам машины
Кишиневский тракторный*

Ресторан «Бочка Романешты»

Сорокская крепость

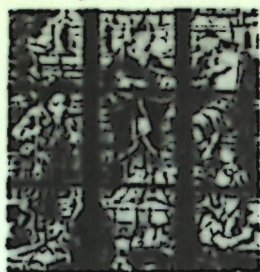

Латвийская ССР

Вниз по реке Гауе

Я перестал грести и положил весло поперек лодки. Тишина охватила нас. Даже капли воды, стекавшие с лопасти весла, падали в Гаую бесшумно. На розовеющем фоне закатного июльского неба четко вырисовывались зубцы высоких утесов окружавшего нас каньона. Не хотелось причаливать, выбирать место для ночлега. Куда лучше вот так сидеть в лодке и слушать тишину...

Не сразу наш выбор остановился на Гауе. Что на этот раз путешествуем по Латвии — решили давно и твердо. Но по какому маршруту?

Привлекательна, например, быстрая, хотя и мелководная Дубна: порогами своими, преодоление которых требует достаточной сноровки, многочисленными озерами, богатыми рыбой и раками, красивыми берегами. Можно было пойти по спокойным Мемеле и Лиелупе. Или спуститься по Венте от древнего города Кулдиги до впадения реки в Балтийское море. Популярен в республике водный маршрут по озерам средней ее части, включающий поход по главной реке Латвии — Даугаве. Но пересилила Гауя. Сплав по ней, с порогами, высокими обрывистыми берегами, интересен для каждого байдарочника. А для познания истории Латвии и ознакомления с ее сегодняшней жизнью путешествие по Гауе дает, пожалуй, наилучшие возможности.

Много хорошего перевидели мы за эти дни. Забирались в леса, где перемежались с березняками и ельниками, густо

росли ольха и тополь, орешник и ясень, бересклет и вереск. Стройные сосновые боры, березовые и дубовые рощи напоминали нам привычные среднероссийские пейзажи. Их дополняли виды полей с яркой желтизной зреющих хлебов, густо-зеленой каймой окрестного леса и голубизной безоблачного неба. Правда, не было в тех полях широты российских просторов, но был в них, как и в остальных часто сменяющихся пейзажах, особый уют, своя неповторимая прелесть.

Все ощущалось чем-то знакомым и в то же время было иным, строже, суровей. В строгости этой была своя прелесть, чуть холодноватая, по особому заманчивая.

За прихотливыми изгибами реки открывались то живописные строения хуторов и селений, то поляны, на которых серели огромные валуны, обильно поросшие мхами, а то небольшие, запрятанные в лесу озерца, окруженные песчаными дюнами и каменистыми оврагами. В июле — августе на берегах Гауи ягдное Эльдорадо. Лесная малина, смородина, черника и начавшая поспевать брусника прочно вошли в наш рацион, изрядно его украсив. Впрочем, как и грибы.

Купание на девственно чистых естественных пляжах, отличная рыбалка, вечерами уха и негромкие песни у костра и постоянное ощущение радости ничем не замутненного общения с природой... Поистине, Гауя, ты открыла

нам прекрасную Латвию! И не только с ее природно-географической стороны. Три города считаются самыми красивыми в Латвии, и все они расположены на Гауе: Валмиера, Цесис и Сигулда.

...Береговая аллея в Валмиере привела нас к холму Героев.

14 декабря 1919 года. В кладбищенской часовне должна была состояться подпольная конференция валмиерских комсомольцев, но по доносу провокатора охранка захватила всех участников собрания. Военно-полевой суд по обвинению в попытке захвата власти приговорил 11 комсомольцев к смерти. Связанными их привезли на место казни. А они, избитые, измученные, пели революционные песни. Солдаты, назначенные для расстрела, отказались выполнить приказ, и палачами стали жандармы. Среди расстрелянных было шесть девушек. Иоганне Данилевич едва минуло шестнадцать.

Рядом — могилы других жертв буржуазного террора 1919 года, могилы советских людей, уничтоженных немецкими фашистами. Отступая в 1944 году, оккупанты подожгли Валмиеру, и лишь благодаря смелости советских воинов часть города удалось спасти. О подвиге подполковника Михаила Ковалева, командовавшего советскими бойцами, напоминает памятник на могиле героя.

В Валмиере мы побывали на одиноко возвышающемся среди равнины холме Зилайскальнс. Некогда у древних ливов он был местом жертвоприношений. С высоты сорокаметровой смотровой башни, возведенной на холме, открывается обширная панорама. Блестит озеро Буртниеки. На его дне, по словам легенды, находился замок — весь белый, с высокими белыми башнями. Здесь, победив в жестокой схватке Дракона — олицетворение враждебных мрачных сил, — герой народного эпоса Лачплесис воскликнул:

Тьма, растай!
Ключ, открывай!
Свободы замок из тьмы явись
Туда, где солнце, где неба высь!

И сверкающий белизной замок Света медленно поднялся из глубин озера. Из Валмиеры мы увезли первые сувениры: поднявшегося на задние лапки ежика и птенчика с забавно раскрытым клювиком и растопыренными крылышками. Раньше мы встречали изделия из шишек только на выставках самодеятельного художественного творчества, а в Латвии специальное предприятие «Дайльроде» сумело наладить массовое производство своеобразных и остроумных сувениров. И не только из шишек. Среди них шкатулки с инкрустациями из различных пород дерева и деревянные же фигурки рыбок, миниатюрные латунные пластинки с силуэтами Риги и крохотные поделки из янтаря.

Забегая несколько вперед, скажу, что в Риге на выставках и в магазинах «Максла» мы любовались изделиями из кожи, чеканкой, вышивкой и керамикой, разнообразнейшими подсвечниками и цветными фигурными свечами, эстампами и выжженными на дереве рисунками — огромным многообразием изделий, воплотивших лучшие традиции латвийского народного искусства.

До селения Лиела надо пройти всего полтора километра от устья реки того же названия. С незапамятных времен привлекает человека таинственный мир пещер, гротов и подземелий. Но если наши далекие предки использовали пещеры для укрытия от врагов и непогоды, то нас манят их загадочность, их суровая красота, возможности неожиданных находок. Лиела Эллита — Большой Ад. Как не побывать в пещере со столь интригующим и мрачным на-

званием? Тем более что находится она в центре маленькой Лиепы.

Неподалеку отсюда, на хуторе Калачи, провел почти всю свою короткую жизнь поэт Эдуард Вейденбаум. Он страстно ненавидел мир мещан и богатеев. «В малых и больших ячейках и группах наряду с заграничными социалистическими брошюрами циркулировали списки стихов Вейденбаума», — писал, вспоминая дореволюционную пору, крупнейший латышский писатель Андрей Упит.

Промелькнуло устье Рауны, впадающей в Гаую, еще несколько километров, мост — и перед нами Цесис, город-заповедник.

Узенькие и кривые улочки старой части города выются вокруг холма Риекстукалнс и приводят к мощным развалинам замка, возведенного более семисот лет назад орденом меченосцев. Крестом и мечом покоряли тевтоны Прибалтику. Замок в Вендене — как назывался в прежние времена Цесис — стал опорой немецкого влияния на северо-востоке Латвии. Не раз его делали своей резиденцией магистры ливонской ветви тевтонского ордена.

В средние века через Цесис проходил оживленный торговый путь, соединявший Балтийское море с Псковом и Новгородом. Русские купцы везли по нему меха и сало, мед и воск. Выгодное географическое положение способствовало росту и популярности Цесиса. «Я попал в большой укрепленный город», — отмечал в своих записях французский рыцарь де Лануа в 1413 году.

Под стенами замка неоднократно происходили большие сражения. Здесь встречались армии шведских и польских королей, литовских великих князей, Ивана Грозного и Петра Великого. Несколько лет назад начались работы по реставрации замка, сильно пострадавшего при штурме его войсками фельдмаршала Шереметьева в 1703 году.

Вероятно, по окончании реставрационных работ впечатление от восстановленного замка будет очень сильным. Воссоздадутся в первоначальном виде башни, переходы, оживут архитектурные детали. Мы получим возможность видеть крепость такой, какой она была много столетий назад. Но как-то жаль, что исчезнут глубокие трещины, морщинами бороздящие стены, что не станет обвалов в башнях, что залечатся все раны, нанесенные временем и событиями. Руины обладают только им свойственным очарованием. С особой силой они передают ощущение старины.

Вот и сейчас, забравшись в глубокие бойницы — в каждой могут разместиться по три-четыре человека, — мы как бы видели отсветы пылающих окрест пожаров, озверевших рыцарей-меченосцев, слышали вопли и молитвы магистра.

Не раз вспыхивали в округе бунты против завоевателей. Но они жестоко подавлялись. «Мы... стали все сжигать и опустошать. Мужского пола всех убивали, женщин и детей брали в плен, угоняли много скота и коней», — повествует хроника XIII века о «подвигах» меченосцев.

В «Длинном Германе», башне, названной так за тридцатиметровую высоту, находилась камера пыток. Никогда не проникал дневной свет в сырое и вечно темное подземелье. Своих узников предки современных фашистов спускали сюда по веревке, протолкнув сначала через узкую — около полуметра — щель в каменном полу.

Молчат камни, храня вековую историю многострадального народа. Обойдя весь замок, спустившись по крутому откосу или по мшистым ступеням каменной лестницы, хорошо побродить по парку, посидеть у одного из прудов, полюбоваться мягким светом вечернего солнца, вековыми деревьями, водяными лилиями непривычных расцветок.

А улицы Цесиса тоже живая история. Турецкие могилы. Откуда они в городе, отстоящем от Турции на тысячи километров? Оказывается, во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов в Цесис привезли пленных турок.

В XIII веке построена огромная церковь Иоанна (ее готический шпиль появился гораздо позже — в 1853 году). Великолепный орган, могилы магистров, много древних реликвий. С шестидесятипятиметровой башни — вид на город и его окрестности. В церкви, вмещающей до двух тысяч человек, в тысяча девятьсот пятом и семнадцатом годах проводились революционные митинги.

О минувшем напоминают памятные доски на многих домах, особенно на улице Ригас. Здесь и старая ратуша со сторожкой при ней, и жилые дома, сохранившие в неизменности свой вид с незапамятных времен, и дворики, иные из которых так и просятся на фото-пленку.

Говорят памятные доски и о революционных событиях, которыми богата история города. В 1917 году Цесис был одним из основных революционных центров Латвии.

Неподалеку от вокзала — облицованное серым камнем здание. Некогда в нем размещалось реальное училище, в котором в 1915 году возник подпольный большевистский кружок молодежи. Одним из его организаторов был сын лесоруба Генрих Звейнек.

19 апреля 1919 года на Красной площади Москвы состоялись похороны комиссара Инзенской революционной дивизии. Он погиб на фронте. Тело доставили в Москву и торжественно похоронили у Кремлевской стены. Были речи над могилой, некрологи в печати. Но не ставили памятников в те трудные времена, и быстро истлели ленты венков. Случилось так, что могила комиссара стала на долгие годы безымянной. Лишь спустя пятьдесят лет имя Генриха Звейнека появилось на мраморной

доске неподалеку от Спасской башни. Совсем юным он стал на путь подпольной революционной борьбы. После февральской революции — секретарь Цесисского Совета, участник октябрьских боев в Москве, организатор латышского Союза молодежи в Москве и секретарь его Исполбюро. С первых дней гражданской войны он на фронте. В 19 лет его назначают комиссаром Инзенской дивизии. Вместе с начдивом Яном Лацисом они создают эту дивизию, прославившуюся освобождением Сызрани и Самары, участием в разгроме Краснова на южном фронте, героической обороной Луганска.

Таковы вехи короткой жизни комиссара. Это был незаурядный, разносторонне одаренный человек. Жизнерадостный и поэтичный. Хорошо рисовал, писал стихи, играл на скрипке. В его характере сочетались решительность, негибаемая воля с нежностью и лиризмом, внешняя сдержанность с горячим сердцем и любовью к людям.

Звейнек — один из тысяч латышей — участников гражданской войны, в которой они сыграли важную роль. Они «своим героизмом и подвигами заслужили право на признательность русского рабочего класса и мирового пролетариата. Это — храбрые среди храбрых, преданные среди преданных, brave среди brave», — писала о латышах газета «Известия» в январе 1920 года. Когда калединские банды напали на Донбасс, в Цесис приехал делегат от Украины. Он привез письмо, подписанное наркомом Антоновым-Овсеенко: «На помощь рабочим Донецкого бассейна, на борьбу с калединцами, разоряющими край труда, придите, братья латышские пролетарии. Два полка латышей через неделю решили бы дело. Тыл дает и может дать только Красную Гвардию, гарнизоны или полуразрушенные или пали духом. Помогите нам, братья латыши! Голосом тысяч семей, обездоливаемых разбойничьими бан-

дами, голосом борьбы, поднятой донечкими пролетариями, призываю вас на помощь! Да здравствует пролетарская солидарность! Да сгинут враги революции!»

И сформированный полк немедленно отправился в Донбасс.

Четыре раза были награждены высшей боевой наградой тех лет — Красным Знаменем ВЦИК — латышские соединения.

Недавно в Риге в специально выстроенном здании открылся музей красных латышских стрелков, мемориал их славы.

Неподкупный Берзин, принесший на стол Дзержинскому миллион, которым его пытались подкупить контрреволюционные заговорщики; прославленный полководец Ян Фабрициус, погибший, спасая незнакомую женщину с ребенком; легендарно смелый Владимир Азин и бесстрашно встретивший убийц Теодор Нетте, отважный партизан Имант Судмалис, Петр Стучка, Ян Рудзутак, Роберт Эйдеман и многие другие отдали свои жизни, чтобы, как писал Маяковский, «в мире без России, без Латвии жить единым человеческим общежитием».

О реке Амате мы слышали давно. Знали, что здесь ежегодно происходят республиканские водноспортивные соревнования. На своем небольшом протяжении — вся длина реки 66 километров — русло Аматы опускается почти на 200 метров, а в нижнем течении падение достигает 8—10 метров на километр. Это привлекает любителей острых спортивных ощущений.

Подняться вверх по Амате на лодках оказалось невозможно, и, чтобы познакомиться с рекой, мы пошли пешком. Обнажения доломита и песчаника здесь достигают высоты 50—60 метров. Особенно эффектен утес Звартас Иезис с видами на Утес туманов, Обрыв елей

и другие окрестные красоты. Посетили мы и рыбозавод Карли, главная задача которого — разведение форели и других лососевых и осетровых рыб. Мы впервые наблюдали все связанные с этим процессы. Подивились, когда услышали, что выловленные в той же Амате меченые экземпляры форели достигают веса 18—25 килограммов. А недавно на завод самолетом из Франции доставили мальков угря, и рыбоводы надеются успешно их вырастить.

Серое небо опустилось над Гауей, зарядившему дождю, казалось, не будет конца. Большинство предлагало пренебречь непогодой, двигаться дальше и убежать от нее. Но жаль было пропустить красивый участок, о котором нам говорили еще в Валмиере. Мы разбили палатки. И были вознаграждены. Сутки ожидания — и улетучились все наши невзгоды. Солнце пробивало кроны деревьев, яркими пятнами освещало их стволы. Зелень после дождя засверкала по-весеннему, острый запах леса не исчезал даже на середине реки.

Вечером выпала обильная роса. Веревки наших палаток туго натянулись, отсырело снаряжение; утром в долине появился туман. Уверенность в устойчивой погоде подтвердилась, стоило пройти по опушке леса: цветы красного клевера раскрыты, а пауки в лесу спокойно плетут свою паутину.

Участок Гауи от Цесиса до Сигулды и вправду оказался исключительно живописен. Обилие притоков, по берегам — овраги, обрывы, скалы, утесы, развалины замков. Сама же Сигулда — небольшой городок, привольно раскинувшийся по обоим берегам Гауи, достигающей здесь стометровой ширины.

Легендами овеян старый парк в Сигулде. Много лет назад жила в Турайдском замке девушка. Она полюбила садовника из соседнего замка, и уже был назначен день их свадьбы. Но поль-

ский офицер, тщетно добивавшийся ее любви, обманным путем заманил Майю в пещеру. Девушка предпочла неверности смерть. Указав поляку на платок, повязанный вокруг ее шеи, Майя уверила его, что платок обладает чудодейственной силой: надевший его не может быть ни убит, ни даже ранен.

— Ударь меня саблей, проверь, — сказала она. — Видишь, я не боюсь.

И погибла, оставшись верной своей любви.

Такова легенда о Турайдской Розе — так за красоту прозвали Майю. Ее могила находится у многолетней липы неподалеку от пещеры. По мотивам легенды Ян Райнис написал трагедию «Любовь сильнее смерти».

Над пещерой Гутмания — небольшая пещера Виктора. Фрагмент той же легенды: Виктором звали садовника, жениха Розы. Он вырубил эту пещеру, чтобы девушка могла смотреть отсюда, когда он работал в саду Сигулдского парка.

Огромные, в два-три обхвата, дубы — настоящее украшение Сигулдского лесопарка, а рядом клены, вязы, ясени, липы и десятки других лиственных деревьев на обширной (почти 700 га) территории среди песчаных обрывов. Ландшафт необычайно многоцветен. Прослойки песчаников желтого, зеленоватого, красного, белого цвета различных оттенков в сочетании с разнообразием зелени лиственного леса — трудно придумать что-либо ярче и красивее.

Древняя земля Сигулды напоминает о прошлом. Мы поднялись на невысокий пригорок, плоский холм, Ратакалн, который в старину служил местом казни крестьян. Только за десять лет, с 1630 по 1640 год, здесь было сожжено сорок человек, обвиненных в колдовстве. В парке множество каналов с перекинутыми через них мостками, искусственных озер с берегами, облицованными плитами из туфа, дорожек, прихот-

ливо петляющих меж деревьев. И повсюду — достопримечательности: руины средневековых сооружений, старинные церкви, пещеры и родники, могилы советских воинов, освобождавших Латвию.

И уж совсем неожиданное: знакомство с коллекцией бабочек. Председатель местного отделения общества охраны природы Александр Швалковский оказался страстным коллекционером и охотно познакомил нас не только с бабочками Латвии и всей Прибалтики, Дальнего Востока и Закавказья, но и с обитательницами Борнео, Суматры, Явы, Индии, Австралии, Тибета, Турции.

После Инчукална Гауя становится малоинтересной. Русло мелеет, дробится на рукава, берега заболочены. Поэтому мы не стали выходить к устью, а направились по каналу, соединяющему Гаую через Кишозеро с Даугавой. Пришлось сделать две обноски по берегу — дело, в общем, привычное. Уже с высокой дюны перед озером Малый Балтэзерс открылся далекий вид на Ригу. В бинокль мы постарались разглядеть знаменитого петуха на высоком шпиле, заочно знакомого всем нам.

Первое впечатление от столицы республики — изобилие цветов. Розы, гладиолусы, огромные ромашки, каллы, гвоздики в витринах и на прилавках магазинов, на столиках кафе и в библиотеках. Цветы украшают столы сотрудников в учреждениях. В тоненькой керамической вазочке, а то и просто в стакане всего два-три цветка, но они радуют глаз. Купить цветы можно повсюду, чуть ли не на каждом перекрестке, не говоря уж об огромных цветочных рядах на рынках. Обилие цветов сочетается с обилием зелени. Широкой лентой разрезают центр Риги бульвары и скверы.

Шестисот с лишним тысяч жителей Ри-

ги — больше четверти всего населения республики. Кто не знает продукции рижских заводов и фабрик? Семьсот мопедов «Рига-7» сходит ежедневно с конвейера завода «Саркана звайгзне» — более двухсот тысяч в год. Почти два миллиона радиол и транзисторных приемников, в том числе всемирно известных «Спидол» и «ВЭФов». Больше миллиона телефонных аппаратов, знаменитый трикотаж, целебные препараты и новинки бытовой химии — перечислить даже только главнейшие виды продукции рижской промышленности невозможно. Она расходуется по всему Советскому Союзу и экспортируется более чем в сто стран мира. Рижскую мебель, например, закупает Чехословакия, которая, как известно, сама славится высоким качеством мебели. Средневековая часть столицы — Старая Рига — возникла в начале XIII века. Названия узких, затейливо изгибающихся улочек отразили занятия тогдашних горожан: Калею — кузнечная, Миеснику — мясницкая, Аудею — ткацкая, Андру — пивоваров и так далее. От некогда опоясывавшей город крепостной стены теперь осталось очень немного. Сохранились лишь одни ворота — Шведские. Неуклюже высится каменная громада — бывший Рижский замок. В нем разместились музеи и Дом пионеров. Здания далекого прошлого создают колорит Старой Риги — все эти купеческие дома и амбары, костелы и церкви. На иных кровли чуть не вдвое выше стен, и лишь с торца видно, что на их чердаках размещилось еще несколько этажей. Или четырех-пятиэтажный дом, и в каждом этаже лишь по одному-два балкона, а ширина фасада не больше четырех-пяти метров. К нему прилепился такой же узкий двухэтажный... Видно, дорога была земля в этих переуплотненных постройках кварталчиках, где романский и готи-

ческий стили соседствуют с вычурным или тяжеловесно-аляповатым модерном банковских и административных зданий, возведенных в годы буржуазной Латвии. Рига пострадала от гитлеровского нашествия, но на месте развалин появилось немало современных удобных и красивых сооружений.

Торопиться здесь с осмотром нельзя. Нужно пристально вглядеться в детали архитектуры, не пропуская скульптурных эмблем над входами, старинных фонарей и свисающих кое-где со стен металлических канатов; заходить в темные дворики и под своды сумрачных галерей, постоять на лестничных площадках, у молчаливых люков и подвалов; любоваться острокопечными кровлями и затейливыми поворотами улиц — иногда настолько узких, что по ним могут пройти лишь пешеходы. Только так можно по-настоящему прочувствовать, впитать колорит многовековой рижской старины. Площадь перед Домским собором. Здание собора, заложенное в 1211 году, много раз перестраивалось и теперь соединяет готику с ренессансом и барокко. Собор славится органом изумительной красоты и силы звука. Концерты лучших музыкантов, исполняющих Баха, Бетховена, Моцарта, Гайдна, современных композиторов, неизменно привлекают массу слушателей. Образцом высокого мастерства служат многоцветные витражи в окнах собора. Рижские витражисты и ныне создают яркие произведения. Их работы можно встретить в Закавказье, на Севере и во многих других районах страны. Гулко разносятся над сосновым лесом, над полянами размеренные и тревожные удары метронома. Это стучит сердце Саласпилса — фашистского лагеря смерти, что находился неподалеку от Риги. Почерневшие хвойные иглы покрывают песчаную дорогу, ведущую к нему от

платформы электрички. Последняя развилка — и перед нами монументальная стена стометровой длины и двенадцатиметровой высоты. Всего пять слов:

«За этими воротами стонет земля».

Внутри стены — мемориальный музей. Фотографии и цифры. Более шестисот тысяч человек уничтожили немецкие оккупанты в Латвии. Детей и женщин. Молодых и старых. Мирных граждан и военнопленных. Латышей, русских, евреев и других. Из них сто тысяч погибли здесь.

Ровным голосом рассказывает об ужасах Саласпилса женщина-экскурсовод. Одиннадцатилетней девчушкой была она водворена в детский барак лагеря и спаслась лишь благодаря счастливому случаю.

Бетонные плиты Дороги смерти. Кусты шиповника обозначили места, где стояли десятки барakov. Невозможно отвести глаз от стены, стоящей на месте детского барака, от высеченного на ней детского рисунка: домик, человечки, солнце. Никаких слов. Только эти неумелые штрихи.

Море и Латвия неотделимы.

Десятки кораблей швартуются в Рижском порту. Рядом с английскими стоят у причала финский «Батилли» и «Корморан» из ГДР. Чуть дальше наши банановозы и французский «Форт Санта Мария» разгружают фрукты из Африки.

На многие километры протянулись пляжи Рижского взморья. Песчаные дюны, густые кустарники, сосны прямо на берегу. Сразу из воды можно перейти в их тень или, углубившись немного, оказаться в лесу и полакомиться малиной и черникой. И снова вернуться к золотистому песку и ласковым волнам. Правда, чтобы дойти до глубины,

где можно поплавать по-настоящему, надо порядочно прошлепать по мелководью. Дно опускается постепенно, к великому удовольствию детишек и всех не умеющих плавать.

Но если вам захочется тишины у берега моря, последуйте нашему примеру: направьтесь в противоположную от Юрмалы сторону, к Саулкрасты. Взморье такое же, а людей гораздо меньше. Мы прогулялись туда на байдарках. Хотя и вдоль берега, но все-таки по морю!

Добравшись до «Волшебной рощи» — хаоса камней, растянувшегося широкой полосой километра на два, — мы изошлись в выкрикивании слов со звонкими окончаниями и вслушивались в гулкие раскатистые отклики. Эхо добросовестно выполняло свои обязанности. Говорят, что у Звучащей горы в Мазсалаце оно еще эффектней. Может быть. Мы эхо не коллекционировали. Теперь даже жаль. Неплохой бы получился сувенир. Рассказать обо всем увиденном невозможно. И не нужно. Если штрихи того, что особенно запомнилось, легли в душу, помогли понять и полюбить природу Латвии и жизнь ее народа, то не так уж важно, повторите ли вы наш маршрут, пройдете ли иными дорогами.

Их много, дорог, знакомящих с Латвией. Каждая чем-то привлекательна, имеет какие-то свои, только ей присущие, преимущества. Выбирайте. Но на байдарке, ей-богу, лучше всего...

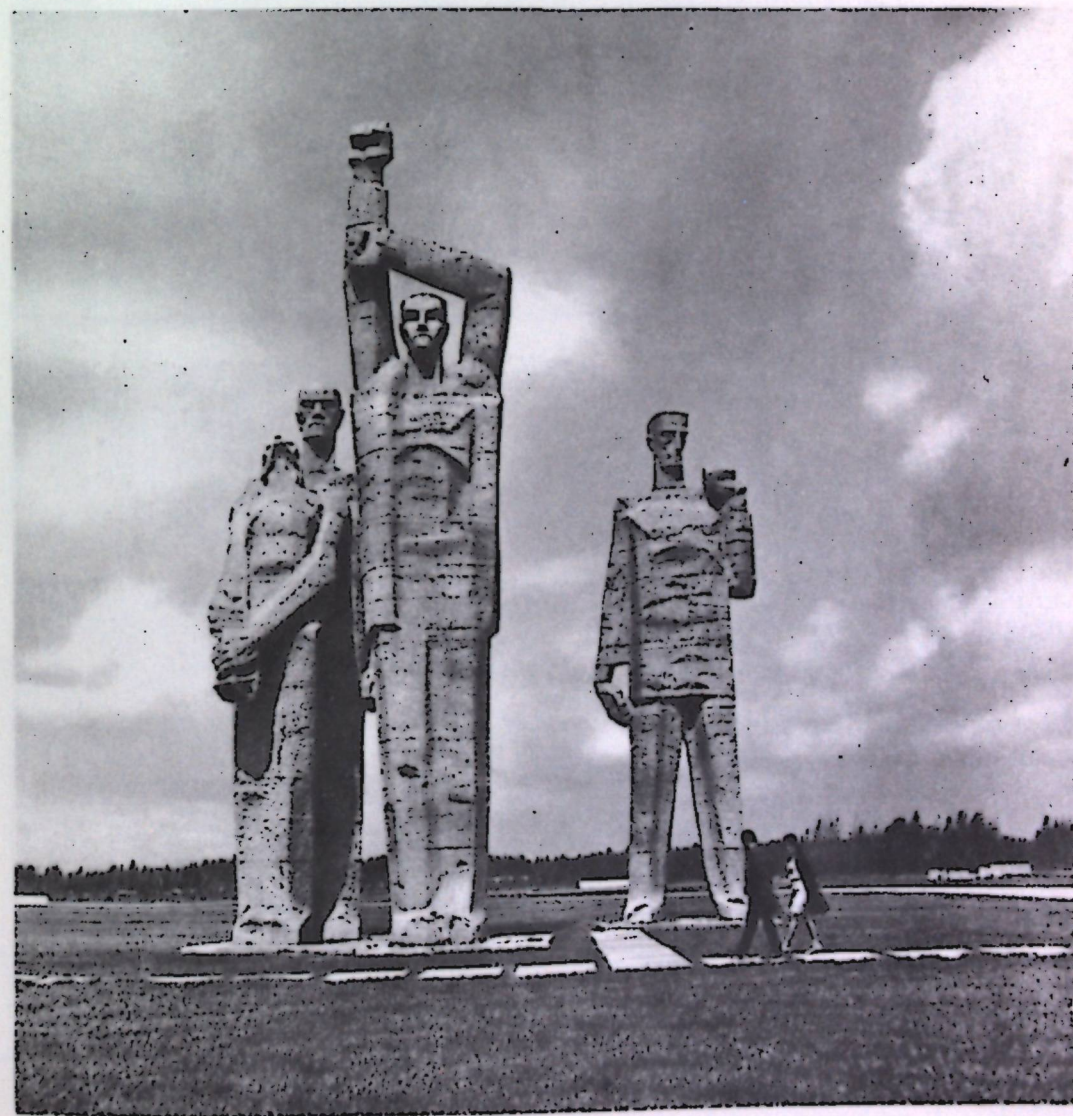
Лев Гурвич

В Риге.

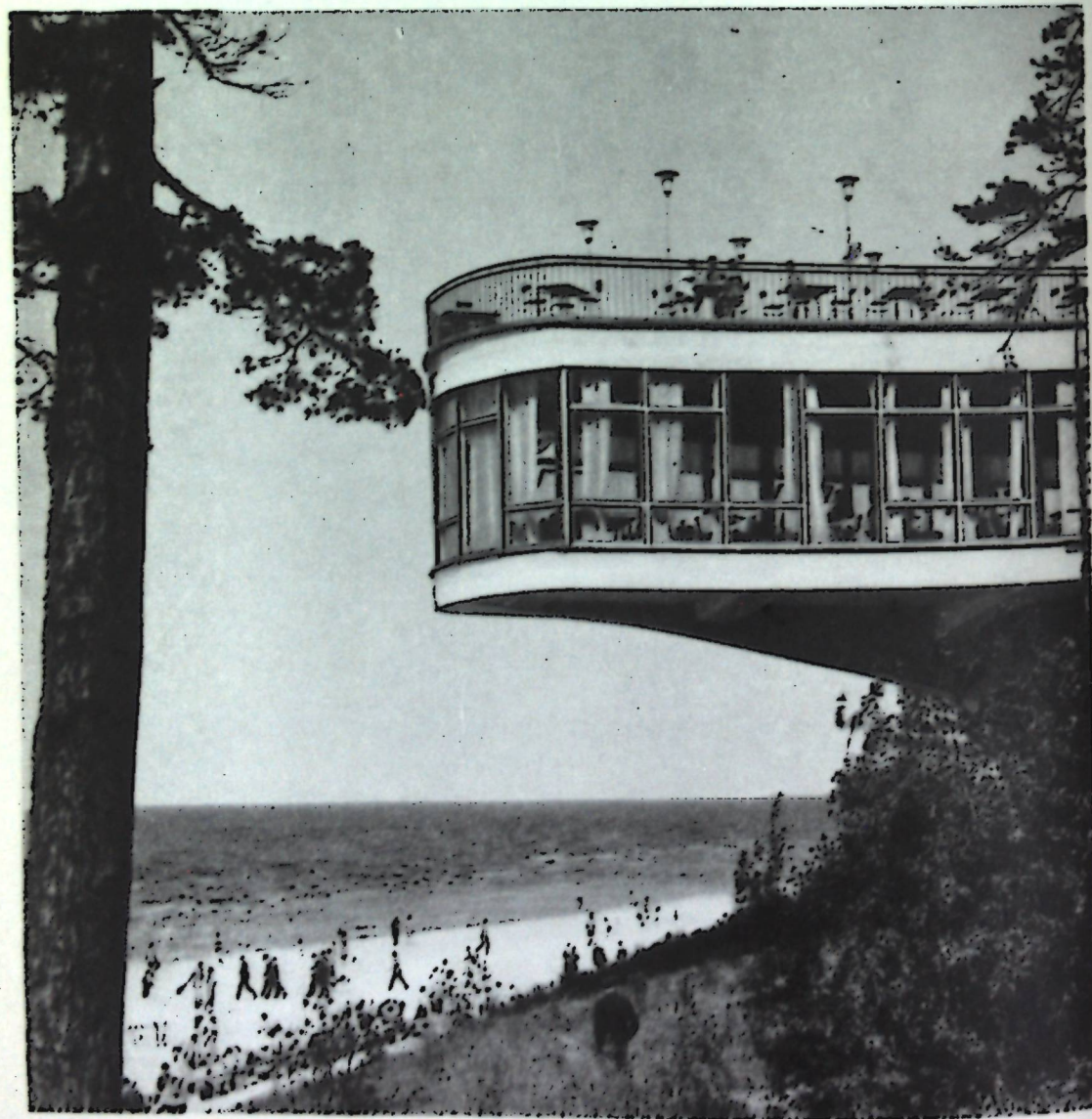

Памятник узникам «Лagerя смерти»
в Саласпилсе

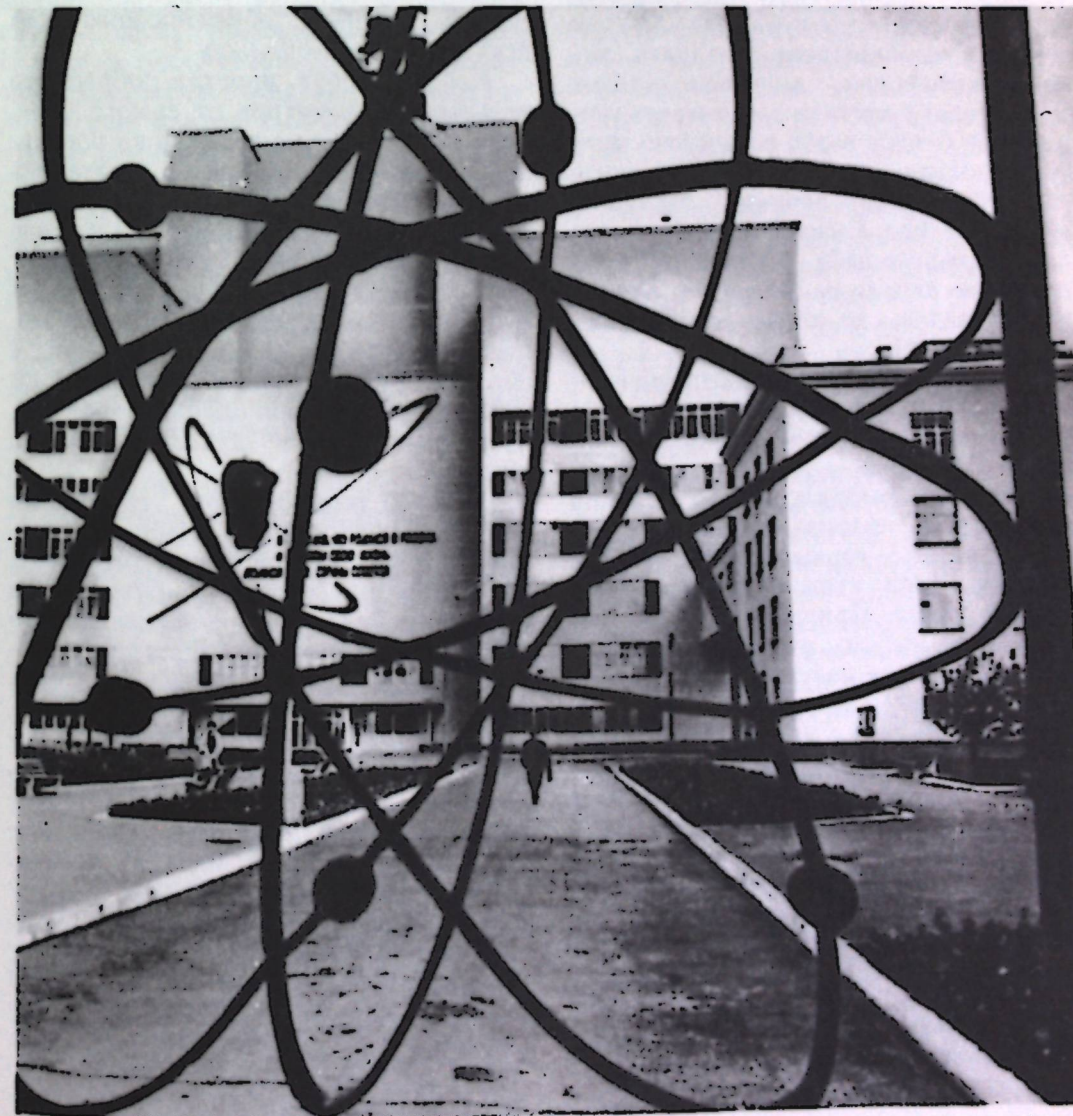

На взморье

Киргизская ССР

Яблоки с горы Баубашата

К ночи открылась Баубашата. Хмурая непогода, собравшаяся с полудня, куда-то расползлась, и теперь только ветви орешин мешали рассмотреть громоздкую башню горы, вознесшую мраморные крылья над лесами и скалами, над спокойными линиями гаснущих предгорий, над Арсланбобом. Гора была чуть темнее неба, а легкие прожилки снегов делали ее близкой и невесомой. Казалось, до снегов можно было достать рукой.

— Знаешь, — говорит Сиражжетдин, — один человек залез на Баубашата. Никто не верил, что можно залезть, а он залез. Тучи, снег — очень тяжело. А на самый верх выбрался — там яблоня растет. А на яблоне — яблоки. Красные, золотые — горный мед! Нарвал человек яблок, стал спускаться. Еле-еле спустился. Пришел в кишлак, хотел яблоки достать, чтобы людям показать, хватать — за пазухой пусто! А ведь полную набил! Своими руками! Надо бы слушать Сиражжетдина, но я блаженствую, сидя под орешинкой, за пиналой кок-чая: наконец-то осуществилось мое давнее желание — заглянуть в Арсланбоб! Думал, все успею, все навещу. И восклицательный знак Большого водопада, белеющий издали у подножия Баубашаты. И тихие, лесные озера Гумханы. И сейсмическую станцию, затерянную бог знает где, на плато, в самой гуще знаменитых дашманских лесов Киргизии. А вот не успел. Так и не смог свернуть с протоп-

танной дорожки обязательного для всех приезжих маршрута.

Когда автобус, проехав добрых сто пятьдесят километров от самого Оша, с кряхтением взгромоздился на последний подъем и перед нами оказалась тесная, белая от солнца площадь, вдруг почудилось, что все мы спешим к морю и вот сейчас это море откроется, стоит лишь посмотреть вниз. Но вокруг были курчавые горы, лоснились розовые полосы мергелевых пластов, свисали с обрывов буйные космы зелени, а по гребню горы, разлинованной тропами, взбирались дома и дувалы, сновали люди.

В глубокой тени четырех громадных платанов роился базар. Дыни всех калибров и всех цветов солнечного спектра, сложенные в кучу у бугрящихся корневищ, казались диковинными плодами, только что сорванными с нависших ветвей. Чуть в стороне кружился водоворот цветастых шалей и шелковых косынок, чувских тюбетеек и бело-черных киргизских ак-колпаков, пляжных эстонских шапочек, велюровых шляп, громадных дунганских плетенок из камыша. Взлетали качели. Стлался синий дым мангалов, титанов и печей самсаханы. Неистовые, терпкие запахи диктовали свою волю, и мы безропотно пробовали все: и распаренный горох, и начиненные луком манты, и лагман, до того сдобренный редькой, луком, уксусом, красным и черным перцем и ароматной, острой, как мгновен-

ный ожог, зеленой травкой, что впору бежать к водопаду, чтобы постоять возле него с открытым ртом.

Благо дорогу спрашивать не пришлось. Нужно было просто идти туда, куда шли все, расцвечивая склон шелком и атласом праздничных одежд. Тропа нырнула в провал речки Мазарсай. В отвесных скалах темнели дупла пещер; казалось, скалы дрожали от гула рушащейся вниз воды. Речка соскальзывала с плоского карниза, пробиваясь сквозь ветви склоненных деревьев. В лицо ударило сверкающее облако измороси, зажглась радуга, а нужно подойти еще ближе, к самому водопаду, чтобы дотронуться рукой до жесткого удара его струй, зарядиться их энергией и силой. Потом перейти речку, одолеть взмокнувшую от водяной пыли тропу, зарослями алычи, тенистым орешником выйти к высоким иглам известняковых останцов, пронизавших полог леса. Здесь — ни души. Скалы похожи на морды вымерших чудищ, на запрокинутые головы птиц, вознамерившихся клонуть небо.

Когда это все было? Неужели вчера? Неужели все сутки назад перед глазами мерцал льдистый частокол Киргизского хребта, а вокруг стриженными шарами карагача зеленел Фрунзе? Скользнул под крылом самолета взбитый белок кучевых облаков, черный клык какой-то неведомой вершины... Внизу промелькнула целая страна, целая горная система, внизу остался Тянь-Шань! Мы опустились на землю Оша.

«В области Ферганы нет города, равного Ошу по приятности и чистоте воздуха», — пылко заявил в своем трактате основатель могущественной империи Великих Моголов Захир ад-дин Мухаммед Бабур. По приятности и разнообразию окрестностей — добавим мы, завидуя ошанам, выбравшим себе место жительства, столь удачно размещенное относительно двух хребтов, Алай-

ского и Ферганского, и всего того, что в их ущельях таится... Скал Суротташ с высеченными на них древнейшими изображениями скачущих к нам из прошлого аргамаков. Арчовых лесов, гранитных утесов Киргизаты, суровой красоте которых люди, не умея объяснить своих чувств, издревле поклонялись, как божеству. Водопада Абшир, низвергающегося из пещеры в отвесной стене хребта Боорды. Скал Чиль-Устун, архипелагом необитаемых островов вздымающихся над заливами хлопчатника и гранатовых садов, пряча в своих глубинах черную жемчужину — сталактитовую пещеру Чиль-Устун. Мавзолеев Узгена, узгенского минарета (вот парадокс: чем больше ран наносит этим творениям разрушительное время, тем ярче, глубже звучит скульптурная музыка терракоты и ганча, рожденная слиянием геометрических символов, виноградных побегов и похожих на эти побеги куфических букв). А Кан-и-Гут? Можно ли умолчать об этом грандиозном лабиринте, красочно описанном в свое время самим Авиценной?

Так говорил Абу-Али-Ибн-Сина: «Мудрецы сокрыли все золото и украшения мира в разных местах, и завладеть этим не легко. Так, например, в стране Мавераннахра есть город, лежащий среди гор, по имени Исфара. В его области есть место, именуемое Гут. Мудрецы оставили сокровища в том месте и наложили на них заклятие. Описаниям и рассказам об этом нет числа». Нет числа рассказам и описаниям, посвященным диким теснинам Исфайрам-сая и Шахимардана, заповедным урочищам Аркита и Сарычелека, ледовому барьеру Заалайского хребта с пиком Ленина над облаками. А Кара-Алма, Кызылункюр, Арсланбоб. Эти леса — единственные на земле, других таких нет нигде. В тайге находят до сорока видов деревьев и кустарников, здесь же, в орехово-плодовых лесах Южной Киргизии, насчитывают до ста

тридцати! Яблоня киргизов, яблоня Си-верса и груша Коржинского, алыча согдийская, рябина персидская, инжир, миндаль, абрикос, виноград, степная вишенка, фисташка, китайский финик унаби. А грецкий орех! Были случаи, когда наплывы его древесины ценились на вес серебра. Но эта баснословная цена — гроши по сравнению с тем благом, которым одаривает человека живое дерево: целебным воздухом, лесными ручьями, ну и, конечно же, орехом! Киргизия — крупнейший в стране сборщик грецкого ореха: триста килограммов плодов с каждого гектара леса!

Так беседовали мы с Сиражетдином Балбековым, директором турбазы «Арсланбоб». Базу открыли недавно, сам выбирал он место для нее. Никогда не думал, что в Арсланбобе это окажется столь сложно — глаза разбежались. А кстати, вы ничего не слышали про Арслана? Был такой старик; по преданию, он-то и посадил эти леса. Понравились горные сады небожителям, замолвили они словечко перед богом, а тот расщедрился и дал Арслану жизнь в девятьсот лет. Это сказка. А ведь в таких райских местах и без божьей помощи пожить можно вдоволь!

Тропа взбегает на кособор, к самым крайним домишкам верхнего Арсланбоба, и тут нас подхватывает дорога на Дашман. Селение отступает назад, скатывается на дно долины, куда-то исчезли разноцветные пятнышки турбазовских палаток. Теперь об Арсланбобе напоминает разве что лиловая, долгая полоса обрывов Гумханы да Баубашата, плоская от бьющего в лоб солнца.

Мягкая коричневая дорога нырнула под пышный полог бесконечных, слившихся воедино и лишь кое-где пробитых солнцем зеленокудрых шатров.

Она вела неведомо куда, потому что окон в ее тоннеле почти не было, а в тех, что вдруг открывались, видны были лишь снежно-белые нагромождения облаков да изредка — пологие увалы плато, заросшего плотной мерлушкой леса. Дорога то плавно спускалась, то так же плавно шла на подъем. Казалось, вот-вот она достигнет гребня, пробьет толщу листвы, ветвей, зеленых сумерек, вырвется на поверхность, но тщетно. Снова вниз, до следующего ручья, отнюдь не безмянного: где-то здесь должны быть и Ахмед-Булак, и Зындан, и перевалы Ялпакташ, и Актал-Долоно-Бель, но где который из них перед тобой?

Дорога раздваивается. По какой идти — по верхней, по нижней? Да и какое это имеет значение! Часом позже придем в Дашман! Значит, на час больше выпадет нам сегодня и гулко-го воркования горлинок, и суматошной птичьей возни в ветвях над головой, и белых мальв, и глубокой прохлады — вот случай, когда ничуть не досадуешь на то, что сбился с пути! Да мы и не сбились. В полдень лес вдруг распался на острова, сменился сенокосами; заурчал трактор, зазвучали голоса, забелели по косогору дома и постройки. В общем, все было ясно, но почему бы не доставить удовольствие маленьким «дашманятам», выпавшим поглазеть на людей издалека? — Дашманское лесничество?

— Дашман! — восторженно ответил во-вал хор голосов.

— Кызылункюр?

Дюжина пальцев, черных от сока невызревших орехов, дружно уткнулась в седловину увала, помеченную полужаросшей колеей. Поднялись на седловину, снова вошли под сень орешин, и тут нас настиг прерывистый от волнения ребячий оклик — не иначе кто-то еще решил не упустить такой пре-

красной возможности пообщаться с незнакомым человеком.

— Эй, куда пошел?

— Куда глаза глядят, — пришло на ум в то мгновение, и лучшего едва ли можно было бы себе пожелать. Глаза глядели в сиреневую зыбь Ферганского хребта, в сиреневую, зеленовато-голубую, мягко испещренную затуманенными линиями хребтов, белыми мазками вершин, легких облаков и розовыми, малиновыми, охристо-красными пятнами не то глинистых, не то песчаных обрывов. Там, вдали, их странный цвет был акварельно нежен, прозрачен, но прямо внизу, где, по нашим расчетам, должен быть Кызылункюр, красные обрывы полыхали, как надрезы в ярко-зеленом арбузном боку. Слово кто-то и впрямь пробовал, созрели горы или нет. Созрели! Самая пора! И мы невольно ускорили шаг навстречу этой карминной плоти земли, багровым заревом рдевшей сквозь высоченные заросли зонтичных, сквозь прогалы в сплетении ореховых, кленовых, тополиных стволов, сквозь ветви, отягощенные россыпью горьковатых на вкус лесных яблок.

А потом все надвинулось и потерялось. Теперь был виден лишь малый мирок ложины с зеленым склоном по одну сторону и кирпично-красным, слоистым по другую. По границе бежал ручей. По ручью бежала тропа. Вода отдавала солью, гипсом и утоляла жажду куда хуже яблок, которые остались теперь далеко вверх. Совсем неожиданно тропа вывернула в широкое ущелье с бурной голубой рекой, с пыльным щебенчатым шоссе, с растянувшимся по долине селением и горой, так круто и высоко нависшей над домами, что было жутковато смотреть на коз, где-то там, на головокружительной крутизне, прятанных в нишах пластов от послеполюденного зноя.

Кызылункюр — «Красная пещера». Караункюр — «Черная пещера». Первое

название принадлежало лесхозу и селению, второе — реке и долине. Кончилось селение, кончилась дорога, пошли на убыль красные холмы, красные обрывы и леса, зеленой курчавинкой клубившиеся над обрывами, пошел на убыль день, перечеркнутый тенями ложины и ущелий, а река Черной пещеры была все такой же полноводной, обещающей очень неблизкий путь для того, кто хотел бы достичь ее истоков.

Один из них — Кумушсай, тот, что нам нужен. Он выведет нас на перевал Кумуш-Бель.

Серыми утренними сумерками двинулись в путь. Но мы не первые на тропе Караункюра: в теснину втягивается длинная очередь рюкзаков.

— Куда, на озера?

— На озера!

Но нет, нам не по пути. Они — на Кенколь, а мы — на Карасу. Обгоняем кенкольцев, звук триконой быстро гложет в шуме реки. По берегам наворочен плавник. По мосту, собранному из него, тропа переходит на правый берег. Переходим и мы, а не хотелось бы: Кумушсай-то слева! Идем быстро. Сорок, пятьдесят минут, вот и Кумушсай. Крутые склоны, плоское дно, на мысу заколоченный домишко — пасека. Моста нет, выручает ствол дерева, переброшенный поперек реки, черный, мокрый от брызг и донельзя скользкий. Ухитряемся не свалиться, проходим мимо пасеки. Тропа как будто есть, но едва мы ей доверились, как она нырнула в Кумушсай. Разулись, пошли вброд. Только согрелись, только пересекли рощицу непривычно высокоствольных орешин — снова излучина, снова речка ушла под скалистый обрыв, снова надо лезть в воду.

Ущелье заметно сужается, дробней становятся извивы реки, все круче и выше склоны, заросшие непролазным кустарником и арчой. И так, час за часом, ки-

пьящая вода, осклизлые валуны, осклизлые стены отшлифованных рекой скал, а по узкой кромке между берегом и склоном — сплошной бурелом, уложенный строго поперек ущелья, то в одну сторону верхушками, то в другую. Деревья то изломаны, как спички, то придавлены к земле какой-то гигантской ладонью, то обглоданы так, что над землей торчат лишь высокие, расщепленные пни, словно лес пережил массивированную бомбежку. Он погиб, пал под ударами снежных лавин, низвергавшихся то с северного склона, то с южного через каждые двести-триста метров. Нетрудно представить, что творится в Кумушсае зимой. И это немного примиряет с тем, что встретило нас здесь летом.

А вот и сама лавина. Вернее, то, что от нее осталось. Грязно-белый язык, расползшийся по ущелью метров на двести. Река пробилась туннель, и мы обходим его поверху. Снег плотный, в округлых лунках, с пучками сухих трав и обломками сучьев на вытаивших гребешках. Идти легко, и впору пожалеть, что лавина скоро кончится. Но кончилась одна — впереди показалась другая, за ней забелела третья. Избалованные третьей, мы ждем четвертую, а пока ее нет — идем прямо по руслу, по прибрежным камням, благо речка заметно поубавилась.

И вдруг раздался треск валежника, за гривой камыша мелькнула коричневая туша. Сконфуженная корова, пятясь, уступает нам тропу, и это в самом деле тропа. Теперь можем идти как хотим быстро! И хотя первый затяжной подъем скоро сбил нам охотку, мы поднимаемся безостановочно, и горы пошли, поползли вниз, давая взгляду размах и глубину птичьего полета. Вот оно где киргизское джайлоо! Вот как высоко белые крапинки юрт и палаток! Они венчают самые верхи гор, поросшие короткой, тонкой, как рассеченная шерсть, травкой, альпийским ковыль-

ком — бетеге. Здесь есть только бетеге! И только бетеге нужна овцам и козым кобылам.

Хорошо разбить палатки у реки, чтобы не ходить под гору за каждым ведром воды! Хорошо встать стойбищем возле поверженного лавиной леса, чтобы не ездить куда-то за каждой охапкой сучьев для вечернего очага! Хорошо в ореховых лесах! Вот они где, внизу, чуть угадываются в голубом, золотом мареве теплых долин и предгорий. Но всю жизнь чабан смотрит на них только отсюда, сверху, потому что он чабан, а овцам нужна травка бетеге.

Мы валимся на нее, сбросив с плеч взмокшие от спин рюкзаки. Кумуш-Бель! Шесть тридцать вечера. Так можно засветло спуститься и к озеру, странно, что его отсюда не видно! Гребень прострочен прерывистой каймой снегов — все-таки три тысячи двести над уровнем моря, самый водораздел Ферганского хребта! Глядим на север, через узкий провал долины Карасу, через бурую, низкую отсюда гряду Тахталык, через впадину Кетмень-Тюбе, затянутую лиловою дымкой, через добрую сотню километров — на жемчужную тиару Сусамырского хребта, поднятую над синей мглой слившихся воедино склонов. Отсюда в двух часах ходу — завальные озера Карасу. За озерами лежат перевалы в урочища хребта Кок-Ийрим-Тоо, каньонами которого с дикими лесами — токоями и отвесными стенами избегают ходить даже здешние охотники — мергенчи. За Кок-Ийрим-Тоо, за каменной чашей долины Тогуз-Тороу, распластались гористые пространства внутреннего Тянь-Шаня, малолюдные, пустынные, но оттого, может быть, еще более прекрасные для тех, кому хотелось бы там побывать.

Накрапывает дождь. Там, откуда мы пришли, тяжело ворочаются тучи, вы-

страиваясь в грозное каре, предупреждая рокошет гром. Это напоминает о себе Баубашата. Редкое свойство у этой горы — притягивать к себе все громы и молнии, которые только есть в округе. Но вот Баубашата скрывается за перевальным седлом. Хрустит под ногами сочная зелень горного чеснока, бегут навстречу ярко-желтые поля троллиусов, расчерченные острыми зигзагами тропы. Мы торопимся. Надо бы выйти к озеру засветло. Но почему его до сих пор не видно?

— Пейте чай, — успокаивает нас Манап, заботливо пододвигая в изобилии наваленные на скатерть — дасторкон свежие боорсаки, рафинад, пиалу с каймаком. А сам смеется. Вид у нас и в самом деле обескураженный, озеро-то осталось в стороне! Слишком увлеклись Кумушсаем, восточней надо было брать. Хорошо еще, что вовремя спохватились, высоту не потеряли! — Ырр-ырр-ырр-рай! — перекачивается по ущелью пронзительно вибрирующий крик. Высовываемся из палатки. Манап протягивает бинокль. Но видно и без бинокля: послушные крику хозяина, овцы белыми ручьями заструились вниз, к палаткам. Нет, Манап не чабан. Он — гость. Он только сегодня поднялся снизу, в первый день отпуска! Он всегда так проводит отпуск — у родных на джайлоо! Сам работает в Кара-Куле бульдозеристом. И нет для него лучше отдыха, чем здесь, и мест тоже нет лучше. Урочище называется Мазар. Вон та гора! На ее вершине — старинное кладбище, там, под самыми звездами, хоронят чабанов. С той горы и видно озеро. Хорошо сделали, что зашли. А то где бы теперь были? Хозяев в палатке нет, они все еще заняты отарой. Муж и жена, они пасут полторы тысячи совхозных овец. Это — укрупненная отара, она втрое больше обычной, такая по силам лишь опыт-

ным, сильным людям. Что горы без чабана? У Манапа трудная работа, а вот у чабана, пожалуй, труднее. Сколько в Киргизии чабанов? Овец — десять миллионов, вот и считайте. Манап подсовывает нам под бока подушки и убегает помогать хозяевам. Хорошо бы и нам выйти посмотреть, но ох уж эти подушки!

Сквозь сон слышен тихий говор, смешок, какая-то возня, звяканье посуды. Манап трясет за плечо. Керосиновая лампа освещает обветренные лица мужчин и женщин, с достоинством, с участием друг к другу рассаживающихся вокруг расстеленного дасторкона. В палатку бьет ледяной ветер, по стенам мечутся изломанные тени, в углу под ватным одеялом поспывает разметающаяся во сне ребятня. Полночь.

Чай в полночь? Да, снова чай. Отаре нет дела до людских забот, и только ночью чабан может как ему хочется угостить гостя. Кусочек печени, нежной, чуть ли не с кровью. Кусочек грудинки, поджаренной прямо на арчовых угольях. Пиала наваристого бульона — шорпо с мелко искрошенным горным луком. Пошел по кругу медный кумган с теплой водой, из рук в руки потянулось белое полотенце. Появились в руках мужчин острые ножи-складыши. появился посреди дасторкона объятый жарким паром поднос, доверху нагруженный кусками горячего мяса. Лучший из них — гостю. И гость отказывается, просит ребрышко поменьше и тем проявляет свое дремучее невежество, свою невоспитанность. Оказывают честь? Так ты прими ее. Не съешь? Так это и не обязательно, отрежь кусочек, а все остальное с той же почтительностью вручи тому, кто, на твой взгляд, заслуживает большего уважения. Это не просто обильная и сытная еда — бешбармак. Это целый ритуал, маленькое празднество всласть натрудившихся и теперь отдыхающих людей.

Мы прощаемся утром следующего дня и в полдень спускаемся к озеру. Выцветшее от резкого света, оно лежит в пустынных, скалистых берегах — если назвать берегом склоны ущелья, круто уходящие прямо в воду. Тропа вывела нас к завалу, и, шагая по бугристой, ржавой оплывине раздробленного камня, когда-то в доли секунды переклестнувшейся от края и до края все ущелье, мы невольно поглядываем назад, наверх, откуда все это вывалилось. Чаша выброса зияет в склоне горы наклонным кратером, ее верхний обрыв багровеет, как только что зарубцевавшийся шрам. Доли секунды: мгновенный разряд колоссальных тектонических напряжений — и вот озеро. Километров на семь длиной. Людям такое не под силу.

Каракульцы строят свою плотину вот уже десять лет. Их «море» разольется чуть подальше, километров на пятьдесят, и оно даст воду для двух миллионов гектаров засушливой среднеазиатской целины, даст миллион двести киловатт энергии для заводов и рудников. Будет прекрасная рыбалка. Пляжи и дома отдыха. А пока... ну что ж, они пробили дорогу на озеро Карасу, поставили в березнячке живые вагончики, привезли лодки.

— Карасу? — вспомнились слова Манапа при прощании. — Можно, конечно, зайти. Но если что смотреть в наших горах — так это Токтогульскую ГЭС!

К вечеру мы уезжаем в Кара-Куль. Завал так велик, что дороге приходится делать несколько размашистых серпантин, чтобы достичь дна долины. Изпод завала выбивается целая река. Чистая, тщательно профильтрованная, она весело гудит в узких прибрежных зарослях, под сводами берез и тала. Дорога идет рядом так близко, что ветви хлещут по стеклам, но сразу за дорогой все мертво: выжжены и однообразны склоны гряды Тахталик. То и

дело мимо проносятся заколоченные дома, пустые скотные дворы, длинные, покрытые шифером кошары, возле которых тоже ни души. Это зимовки. Хорошо летом на альпийских лугах, хороша трава на затененных, отвернувшихся от солнца северных склонах. Но приходит зима, ложится снег, и тогда пастбищами становятся южные склоны, те самые, что кажутся такими унылыми и безжизненными сейчас.

Склон, обращенный от солнца, называется тескей. Склон, обращенный к солнцу, называется кунгей. Все тропы, все дороги Киргизии запружены осенью отарами и табунами, спускающимися с тескей на кунгей, с летних пастбищ на зимние. И точно так же весной и ранним летом серые валы отар катятся снизу вверх, с кунгея на тескей. Вся жизнь в горах подчинена этим приливам и отливам. В каждой долине, у каждого хребта есть свой кунгей и тескей. Есть они и у нашего маршрута — из Южной Киргизии в Северную, с ее кунгея на ее тескей!

А Кара-Куль — он посередке. Его режет надвое тракт Ош — Фрунзе и еще раз надвое — «бетонка», по которой днем и ночью режут громадные «белазы» с крупнейшего в средней Азии гравийного завода на крупнейший в Средней Азии бетонный. Кара-Куль — поселок современный; двенадцать тысяч его жителей пользуются всеми удобствами благоустроенных городов, и, как во всех порядочных городах, в каракульских гостиницах есть таблички с надписями: «Мест нет». Десять лет назад сюда, в горы Кетмень-Тюбе, в камышовые протоки Карасу, люди приезжали охотиться на кабанов. Сегодня приезжают знакомиться с опытом ведения крупного гидротехнического и энерготехнического строительства в условиях труднодоступного высокогорья. Приезжают со всех концов страны и из-за границы — из Латинской Америки, Азии, Африки. Двадцать своих сы-

нов и дочерей прислал в Кара-Куль сражавшийся Вьетнам, прислал не просто смотреть — работать, учиться. В Киргизии немало строится. Но все это стройки, размещенные по горизонтали. Токтогульская ГЭС — стройка многоэтажная, стройка по вертикали; ее рабочая площадка — каньон, первая рекогносцировка которого была возможна только с помощью вертолета. На многие годы важнейшей фигурой стройки стал альпинист-скалолаз, владеющий не только высшей техникой альпинизма, но и профессиями монтажника, плотника, взрывника, проходчика. Возник промышленный альпинизм. В одной связке пошли скалолаз и бульдозер. Трудней всего было зацепиться за левый берег, представляющий собой пятисотметровый отвес, гладкие плиты которого уходили в мутные водовороты Нарына. Начинали просто: К двум бульдозерам привязали длинную нить троса, и когда машины поползли в разные стороны, трос, натянувшись, коснулся в излучине скал левого берега. Тогда за левый берег зацепился первый человек. Зацепилась стройка. Она попросила Нарын «подвинуться», и грозный Нарын, Яксарт древних, послушно вильнул в обводной туннель, выказывая свою ярость только на пороге выходного портала. И не стало ни левого берега, ни правого, появился котлован, пошел бетон, и главнейшей фигурой стройки стал машинист бетоноукладчика, а двухсоттридцатиметровая высота плотины с каждой сменой становится все более реальным, близким к завершению делом.

Стройку ласково называют «Токтогулкой». Она носит имя Токтогула Сатылганова, которое для киргиза звучит так же, как для русского — Пушкин.

Он родился, прожил жизнь, пел свои песни здесь, в горах Кетмень-Тюбе. И умер он тоже в Кетмень-Тюбе. Толь-

ко раз покинул он свою родину, не по своей воле сменив ее на Александровский централ, на иркутскую каторгу. Закованный в кандалы, он строил кругобайкальскую железную дорогу, бежал, был пойман, снова и снова бежал, а когда пришла Октябрьская революция, спел первую на киргизском языке песню о Ленине: «Какая счастливая ты, родившая Ленина мать!». Известность пришла к Токтогулу после смерти. Незадолго перед кончиной он пел:

Кто вспомнит серенького соловья,
Кто к серой могиле его придет?

К гранитному надгробию Токтогула, к его могиле у слияния Каракульджи и Узун-Ахмата, придет море, взявшее себе его имя.

А ведь народ предчувствовал Токтогульскую стройку, предчувствовал свою большую судьбу! Не зря же пришла из глубин времени легенда о батыре, ударом кетменя отвалившем целую гору, чтобы перегородить Нарын. Эта гора называется Кетмень-Тюбе. Мы увидели ее из окна рейсового автобуса Кара-Куль — Фрунзе, когда позади остались нарядная столица гидростроителей, речка Карасу, серебряной чернью сверкавшая посреди известняковых утесов, клубок серпантинов перевала Кок-Бель. Едва мы из них выпутались, едва внизу во весь оком развернулась со всех сторон запертая горами чаша Кетмень-Тюбинской впадины, как вдруг автобус резко затормозил, началась тряска, в окна полезла пыль от встречных машин. Убаюканные асфальтом Великого киргизского тракта, мы все ждали, что снова выедем на хорошую дорогу, чертыхались и не сразу сообразили, что едем в эти минуты по самым необычным местам, какие только можно представить. Мы не сразу подумали и о том, что должны были бы самым тщательным образом вглядываться во все и запоминать, потому что эта земля скоро навсегда ис-

чезнет, станет такой же легендой, как Атлантида или град Китеж. Буквально через несколько лет мы сможем повторить наше путешествие разве что на прогулочном катере, и тогда, вглядываясь в зеленоватую толщу воды, будем вспоминать и домысливать то, что поленились разглядеть сегодня. Полынную степь. Белесые отмели широкой галечниковой поймы. Подвесной мост над бурой водой. Тополевые киргизские селения, перебирающиеся на уступы предгорных террас, где для них строятся новые дома нового Токтогула.

— Вот здесь, на глубине пятидесяти метров, находился районный центр Токтогул.

— Вот здесь археологи вели раскопки древних городищ Кетмень-Тюбинской долины.

— Вот здесь в Нарын впадала река Чичкан, вдоль которой и проходил в этих местах транскиргизский тракт Ош — Фрунзе...

За перевалом Ала-Бель, за Сусамырским хребтом, появился неприметный поначалу ручей, стал речкой Сусамыр, заструились по обе стороны шоссе раздольные луга знаменитых сусамырских пастбищ, уставленные юртами, усеянные отарами, испятнанные тенями близких облаков. Миновал поворот на Утмек. Там, за Утмекком, за Таласским хребтом, лежала земля Манаса, воспетая сотнями тысяч строк великого эпоса, родные места Чингиза Айтматова, его Джамили и Толгонай, его Танабая и Гульсары. Потянулись вверх вершины Киргизского хребта. Засинел глубокий провал Кокомерена.

Нет, надо окликнуть водителя. Распрошаться и взвалить на плечи рюкзак. Иначе все пролетит. Несколько часов — и конец. Правда, и это заманчиво — промчаться по двухкилометровому тоннелю сквозь толщу Киргизского хребта, в считанные минуты оказавшись по ту сторону Верблюжьего перевала — Тюя-Ашу. Что там, на той сто-

роне? Снег? Или тоже солнечно? Или просто все в облаках, в пропитанных солнцем клочьях тумана? Они ничуть не похожи, южный и северный порталы пробитого московскими метростроевцами тоннеля! Пологий, сглаженный древними ледниками кунгей и его антипод тескей, с облачной высоты обрывающийся каскадами сбросов к драгоценным жилкам ушедших в земную твердь рек! Дерзкими петлями дорога соскользнет вниз. Нырнет под бетонные своды циклопических противоловинных галерей. Пойдет отсчитывать мосты через речку Карабалты, пока та сквозь лиловый, малиновый хаос поставленных на голову сланцевых свит не выведет в необозримый простор Чуйской долины. К ровной, плоской земле, такой странной и непривычной после гор.

А там и Фрунзе. Город, чье детство совпало с детством народного полководца. А ведь он был здесь, Михаил Васильевич, и не как командующий Туркфронтом и ближайший соратник Ленина — он был здесь, на Сусамыре, безвестным Мишей Фрунзе, туристом, хотя в то время этого слова, может быть, и не знали. Летом 1903 года с двумя товарищами по гимназии Михаил Фрунзе 68 дней шел по горам Тянь-Шаня, преодолев шестнадцать перевалов и собрав обширный гербарий для Петербургского ботанического сада. Выйдя из Верного, как раньше назывался Алма-Ата, ребята через Чу-Илийские горы и Кунгей-Алатау перевалили на Иссык-Куль, обогнули озеро, были в Пржевальске, в верховьях Нарына, оттуда пробрались на Сонкель и в Джумгал. Сусамыр был крайней точкой их похода, который мог бы составить славу настоящему путешественнику. Отсюда они повернули к Иссык-Кулю. Чего проще и нам проследовать хотя бы частью их маршрута, спустившись в Джумгал теснинами Кокомерена! Где попутными машина-

ми, где районным автобусом, раздольем межгорных долин через Чаек и Кочкорку, что за прелесть выкатиться прямо на Рыбачье, обжигая глаза о такую щедрую синеву, что не отведать ее покажется немислимым и кощунственным.

Но существует и третий вариант. Опять-таки напрямик. Милое дело — пешком! Есть тропа вдоль Каракола. Вдоль его пойменных тугаев. С ночевой под перевалом и ледовым озером, бронзовым от заката. Есть долгий тягун по бурым и черным осыпям, есть перевал Ала-Арча, есть заметенный свежим снежком след, который пересечет фирновые поля тескея и затеряется на Большом Алаарчинском леднике. Есть уютная лужайка с арчовым слаником. Есть домик метеостанции у разливов подпруженной Ала-Арчи.

Приглядись к тропе, и на ее камнях ты найдешь царапины от триконей, а то и сам триконь, заржавленный и полустертый. Подними голову, и ты увидишь вершины, записки на которых подчас лежат не больше нескольких часов. В дневном переходе от перевала, за белым веером селевых выносов, за темным ельником Аксайской поляны, весело светятся стругаными стенами коттеджи лагеря «Ала-Арча».

Ала-Арча — альпинистский перекресток Тянь-Шаня. Здесь встречаются горосходители Москвы и Камчатки, Красноярска и Киева. Тысячи километров пути покрывают люди ради восхождения на одну из вершин Ала-Арчи, с которых, собственно, и начинается Тянь-Шань. С вершин Ала-Арчи по ночам видны огни фрунзенских бульваров. С этих вершин люди уносят сине-белые значки альпинистов первой ступени и золотые медали чемпионов страны. Но они уносят и нечто большее, и только это, в конечном итоге, составляет смысл их постоянного стремления к поднебесным снегам. Что это — сказать еще никому не уда-

валось. Это как те яблоки Баубашаты, о которых рассказывал Сиражжетдин Балбеков — директор турбазы «Арслан-боб». Там, пока ты на вершине, ты их видишь и чувствуешь, ты можешь запасть ими впрок, до отказа набить пазуху памяти, насытить глаза и душу. Но они тотчас выскользнут из пальцев, едва ты спустишься вниз, едва захочешь поделиться своим богатством с теми, кто встретит тебя внизу. Бесплезны твои попытки. Беспомощны рассказы и фотографии. Яблоки с горы Баубашата! Чтобы их увидеть, надо подняться самому!

Л. Дядюченко

Кампыр-Роватский оросительный канал

Верхолазы

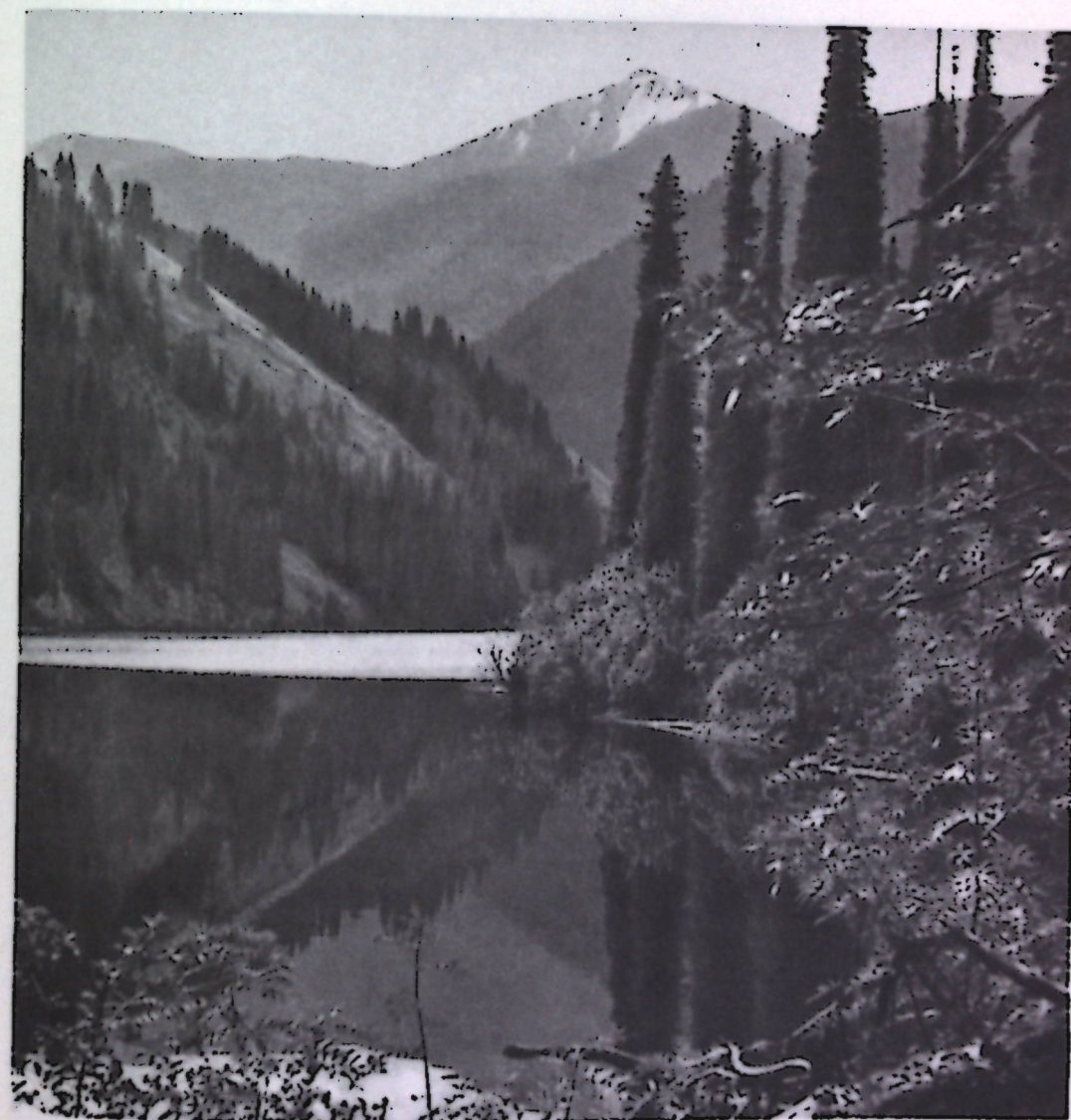

Врачи санитарной авиации у животноводов

Ели Тянь-Шаня

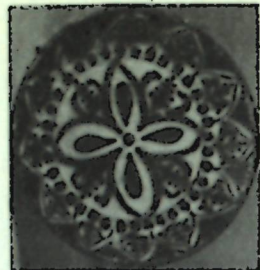

Таджикская ССР

Небесные тропы Памира

На Памир нас позвали страницы прочитанных книг, карты с незнакомыми названиями горных хребтов и рек, рассказы товарищей, побывавших там.

...Остался позади синий причудливый рисунок Аральского моря, и под крыльями самолета появились первые горы. Хребты, становясь все выше, казались серо-желтыми: солнце давно выжгло траву на их склонах. Лишь кое-где в ущельях мелькали крошечные зеленые пятнышки кишлаков.

За Кураминским хребтом направление рек изменилось на обратное — теперь они бежали по курсу самолета. Под нами лежала Ферганская долина. Мелькнула плотина на Сырдарье, блеснула синь Кайраккумского водохранилища — это уже кусочек Таджикистана. Внизу, в гигантской чаше сухих гор, расстился ковер хлопковых полей, рассеченный оросительными каналами на ровные прямоугольники, отчего они были похожи на кусочки акварели в коробке для красок.

А на юго-востоке словно висел в воздухе сверкающий снегами Заалайский хребет — первый привет Памира!

На рассвете мы отправляемся на машине из Оша в Хорог.

Впереди — самая высокая и, быть может, одна из труднейших дорог земного шара — мир разреженных высот, бездонного неба и словно заснувших вечным сном гор. Долгие сотни кило-

метров тянутся каменистые пустыни, где почти ничего не растет, нет ни зверя, ни человека, а влаги выпадает меньше, чем в Сахаре.

По пути от Оша до Хорога машина преодолевает одиннадцать перевалов. Один из них — Акбайтал — только на 155 метров ниже Монблана — самой высокой вершины в Европе.

На тракте, протянувшемся на 728 километров, — всего несколько поселков, похожих на зимовки; в них живут дорожные мастера, рабочие яководческого совхоза. Иногда в пути встречаются стада яков; они дают мясо и шерсть, они же самый популярный местный транспорт.

К вечеру второго дня мы спустились в долину Гунта. Все ожило вокруг. Замелькали рощи тополей и арчи, первые кишлаки, поля картофеля и кукурузы. Чем дальше мы ехали, тем грандиознее становились горы.

А вот и Хорог — столица Памира, столица Горно-Бадахшанской автономной области. Дома с садами разбегаются по склонам гор, шумит стремительный Гунт, светлая вода журчит в арыках. Театр, кино, магазины, столовые, городской парк, оживленная толпа на главной улице, большинство прохожих одето по-европейски. И если бы не мощные горные хребты вокруг, можно легко вообразить, что ты в обычном нашем городе, неподалеку от Москвы. На окраине Хорога, на террасе над ре-

кой Шахдара, расположился самый высокогорный ботанический сад в Советском Союзе, выше него только ботанический сад в Индии.

Здесь произрастают яблони и черешни, розы и георгины, диковинные растения и деревья, привезенные со всех континентов. Но главное, над выведением чего трудятся работники Ботанического сада, — обыкновенные ячмень, картофель, лук и морковь...

В двадцатых годах в Горном Бадахшане начались большие перемены. Советская власть прислала сюда первых специалистов, врачей, ученых. Воззвания и распоряжения новой власти посылались в кишлаки только с нарочным, читавшим и объяснявшим их неграмотным дехканам.

Когда первый автомобиль пришел в Хорог, горцы сначала испугались, а потом принесли машине воду, траву, лепешки и орехи.

Каждый десятый горец был болен проказой, сифилисом или трахомой; часто вспыхивали эпидемии холеры и чумы; здесь была самая высокая смертность в мире, но приезжие врачи сидели без дела: памирцы предпочитали лечиться у табибов. Из-за отсутствия витаминов дети поголовно болели рахитом, у взрослых к тридцати годам выпадали зубы. Здесь никто не знал, что такое лук, морковь и картофель. Профессор Анатолий Валерианович Гурский, будучи директором Хорогского ботанического сада, доказал, что овощи и фрукты могут расти и на памирских высотах. Пешком или на ишаке пробирались он в самые глухие кишлаки, привозил семена и саженцы, помогал выращивать огороды и сады.

В 1939 году дехкане получили первый картофель, а сегодня на Памире достигнута самая высокая его урожайность в мире: отдельные клубни — до двух килограммов веса. Помидоров снимают по одиннадцати килограммов с куста.

Когда Гурский приехал на Памир, сад занимал всего тридцать соток, ныне его площадь — около ста гектаров. 90 сортов яблонь, 38 — абрикоса, 15 — персика. Подсолнух с пятьюдесятью желтыми головками на одном стебле! А дубы вырастают тут за год на три метра и уже на четвертом году жизни дают желуди! Все это результат особой интенсивности ультрафиолетового излучения на Памире, которое в полтора раза превышает обычное.

Ученые Хорогского сада изучают причины этого явления, стремятся найти секреты управления растениями, поставить их на службу человеку. Благодаря ботаникам из Хорога памирские колхозы начали выращивать табак, заниматься бахчеводством и овощеводством.

Небольшой рейсовый автобус неторопливо преодолевает дорогу между крутыми горными склонами. Реки, падающие с ледников, пропилили в хребте поперечные долины. Местами по склонам гор зеленеют слегка наклонные линии. Это арыки, по которым живительная вода горных рек поступает на крошечные лоскутки полей. Поневоле вспомнишь прочитанное где-то: пахотная земля на Памире измеряется тибетейками. Иногда картофель или горох растут на таких склонах, что трудно понять, как ухитряются люди подниматься туда и работать.

Нелегко здесь подготовить землю: с каждого гектара надо выкорчевать и вывезти до трехсот тонн камней. До революции жители кишлаков, расположенных высоко в горах, приносили землю снизу в полах халатов. Но и сейчас поля занимают всего две десятые территории Памира.

Без искусственного орошения тут не растет даже трава. Приходится строить многокилометровые арыки, выдалбливать над ущельями деревянные жело-

ба. Раньше на сооружение арыков уходили годы. Работы велись самым примитивным образом. На скалы лили воду, ночью она замерзала, образовывались трещины. На следующий день ненужные камни откалывали и вновь заливали трещины водой. Сейчас при сооружении арыков помогает взрывчатка.

Размеры полей столь малы, а засоренность их камнями такова, что в колхозах, расположенных в горах, невозможно или нерентабельно применение сельскохозяйственных машин. Приходится пахать древней деревянной сохой — «эмачем», использовать для помола муки водяные мельницы.

Ограничены и возможности животноводства; травянистые склоны расположены высоко в горах, под самыми ледниками. Туда и уходят на все лето колхозные стада.

Удивляют яркость и чистота памирских красок. Солнце — щедрое, слепящее, небо — густое, синее, снега гор — сверкающе белые, скалы — серые и коричневые, зелень тополей — сочная, свежая. А среди них радостными яркими точками — красные платья таджикских женщин.

Чем выше по ущелью, тем более скудным и бедным становится пейзаж. Уже нет плантаций табака, исчезли абрикосовые и тутовые деревья, грецкий орех. На полях — только ячмень и картофель, в кишлаках — одни тополя.

Дом в дальних кишлаках состоит из террасы и одной просторной комнаты. Каменные стены снаружи и изнутри вымазаны глиной. Свет попадает в помещение через единственное окно, а также через застекленное отверстие в потолке, которое можно открывать и использовать как дымоход. По многовековой восточной традиции в доме нет мебели: стульев, столов, шкафов. Все вещи уложены в чемоданы, поставленные друг на друга.

Жителей наиболее отдаленных памир-

ских кишлаков государство приглашает переселиться на равнину, где условия жизни несравненно лучше.

Мы поднимаемся по долине, по живописным горным тропам, нависшим над ревущей рекой. Ослепительно палит солнце. Кажется, вот-вот начнут плавиться скалы. Непонятно, как могут люди переносить такую жару. Когда река близка, мы мочим ковбойки в мутной воде и, не отжимая, надеваем. Мурашки бегут по телу от ледяного прикосновения, но, пока рубашка сохнет, идти прохладно.

Мы одни среди незнакомых высоких гор. Исчезли тропы. Все ближе белые вершины. Ледник, по которому мы идем, весь засыпан камнями. Вместо поперечных трещин — воронкообразные углубления, в которых мог бы уместиться двухэтажный дом. Обходим их по узким, скользким перемячкам. Даже небо здесь другое. Густое, темно-синее, оно, кажется, не знакомо ни с облаками, ни с тучами.

За ледником царство скал. Из-под камней, пройдя неведомыми подземными путями, вырывается пенящаяся река. Затем она вновь уходит в землю, местами оставляя на поверхности глубокую щель. Звук от камня, брошенного вниз, не возвращается.

Потом горный поток начинает яростно грызть склоны горы, обрушивая глыбы красной глины. На наших глазах река принимает цвет какао. Напрасно во время обеда мы пытаемся отстоять воду — даже через полтора часа цвет ее не изменился. И вдруг — подлинное диво: среди гор, подернутых белой глазурью ледников, — зеленеющая роща, орошаемая ручьями минеральной воды.

«Ляджуар» — так называют жители долины Шахдары лазурит — знаменитый синий камень. Еще в Древнем

Египте ему поклонялись как священному, из него вырезали амулеты, им украшали гробницы фараонов. В Китае шарики из лазурита в головных уборах мандаринов почитались как символы власти.

Неумирающие синие краски в картинах Леонардо да Винчи и других художников Возрождения — это тоже лазурит. О любимом камне Востока европейцы впервые узнали из книги Марко Поло. Он писал: «В этой стране, знайте, есть еще и другие горы, где есть камни, из которых добывается лазурь, лазурь прекрасная, самая лучшая на свете, а камни, из которых она добывается, водятся в копиях, так же как и другие камни».

Если верить легенде, что бог сотворил землю, то ущелье Ляджуардары пример его грубой работы. Только в начале долины растет несколько чахлах кустиков, а выше — царство голых камней, скал и льда. Грязная, мутная река несется по ущелью, сплошь заваленному большими и малыми камнями. Долина дважды преграждена древними моренными валами, во многих местах к воде сползают осыпи. Время от времени со склонов гор сходят сели — всепоглощающие грязекаменные потоки.

А на ледник, из-под которого вытекает Ляджуардара, то и дело обрушиваются ледовые лавины, падающие с отвесных стен шеститысячника — пика Маяковского.

...Позади трудный, очень трудный путь через каменный хаос ущелья. Вот достигнута высота, на которой от каждого шага заходит сердце. Здесь поднимается неприступная мраморная стена, и в ней метрах в ста над нами выступают синие пятна.

Лазурит! Так вот где родился ты, камень пленительной красоты. У подножия стены мы вскоре обнаруживаем большие и малые каменные блоки с вкраплениями самоцвета. Одни из них

упали под влиянием сил выветривания, другие — от взрывов аммонита: несколько лет назад здесь работал отряд таджикских геологов.

...Пик Маяковского скрылся в облаках. В той стороне ущелья пошел снег. Погода портится. Пора уходить.

По нашей карте до ближайшего кишлака не больше 20 километров. К нему вдоль реки Даршайдара тянется тропа. Мы уже видели кусочек долины, мосты над рекой, дороги, автомобили, уже предвкушали радость предстоящих встреч с людьми. Но за поворотом ущелье неожиданно стало сужаться. Тропа резко полезла вверх в обход каньона и вскоре прилепилась к такому крутому склону, что на него даже смотреть было страшно.

«Путник, будь осторожен на тропах. Ты здесь как слеза на реснице» — вспомнилось известное изречение.

Приближались сумерки. Последние солнечные лучи уже освещали только самые высокие вершины гор. И вдруг впереди встала гладкая, словно отполированная, скала. Ее высота от реки — километр, приблизительно посередине еле заметная полочка с искусственным настилом. Овринг! Так таджики называют тропы, сооружаемые ими на непроходимых скалах. В трещины забиваются деревянные колья, на них кладут ветки, прижимая их сверху камнями или щебнем.

Некоторые «небесные тропы» тянутся по две-три сотни метров на головокружительной высоте. Надо обладать ловкостью, недюжинной смелостью и хладнокровием, чтобы балансировать над пустотой по такому шаткому настилу. Кое-где овринги прерываются, в таких местах нужно прыгать.

Не помню, как преодолели скалу, шагая по неверному настилу из веток и камней, как дальше карабкались вверх. В самой высокой точке в монолите ска-

лы оказалась сравнительно ровная площадка шириной метра полтора и длиной метров пять. Только на ней мы смогли собраться вместе. Палатку и спальные мешки постелили поперек тропы. Когда улеглись головой к скале, то выяснилось, что ноги свешиваются над бездной.

Ранним солнечным утром — овринги позади — мы вошли в кишлак. Женщина в красном платье и в красных шароварах поставила перед нами большое глиняное блюдо с картошкой, приправленной какой-то зеленью, потом принесла круглые хлебные лепешки и тарелку с кусками кислого сыра. Пир завершился зеленым чаем с душистым янтарным медом.

— Рахмат, — поблагодарили мы жителей кишлака.

Было немало интересного в нашем путешествии по Памиру: на скальные рисунки, выполненные каменным зубилом; развалины крепостей снахпушей — огнепоклонников; строительство гидроэлектростанции Шуджанд на Бартанге; озеро Друмкуль, в котором видимо-невидимо рыбы; «рубиновая гора» Кужилал, где сохранились древние горные выработки; горячие источники Гарм-Чашмы; другая дорога в горах — Западно-Памирский тракт. Но гостеприимство жителей маленького кишлака на Пяндже осталось для каждого из нас одним из самых дорогих воспоминаний.

Всего 30 километров в сторону надо было сделать, чтобы побывать на строительстве Нурекской ГЭС. Она в четыре раза превысит мощность Днепрогэса, сыграет огромную роль в развитии народного хозяйства Таджикистана и других среднеазиатских республик. Здесь впервые в мировой практике применен направленный взрыв. Две тысячи тонн взрывчатки обрушили в точно заданном направлении более двух мил-

лионов тонн скального грунта. Не все верили в удачу, но смелая идея победила, гигантский взрыв положил начало сооружения высочайшей в мире плотины — свыше 300 метров.

Нигде не приходилось с такими усилиями отвоевывать у гор каждый метр для водоводов и транспортных туннелей, для прокладки дорог и устройства площадок. Отряд альпинистов два месяца работал на головокружительной высоте, чтобы намертво прикрепить стальными тросами к горному склону каменную глыбу в пять тысяч тонн.

В конце 1972 года пущены первые агрегаты Нурекской ГЭС. Победенный Вахш начал давать ток фабрикам и заводам, орошать десятки тысяч гектаров земли.

...Вдоль сухих серых гор едем в Душанбе. В долине нескончаемые поля хлопчатника. Сады и виноградники. Линия электропередачи и железная дорога. Кишлаки. На одном из холмов — пушки, выполняющие здесь мирную задачу: они защищают урожай от града, «расстреливая» тучи специальными химическими снарядами.

Затем поля хлопчатника сменились улицами города. Мы шли по широким зеленым проспектам, радовались солнцу и горам, цветочным клумбам и фонтанам, любовались современными зданиями железнодорожного вокзала, гостиницы «Душанбе», почтамта, государственного банка, и казалось, за ближайшим поворотом проспекта улицы побегут вниз, к пленительной синеве моря, — так похож Душанбе на южные приморские города.

В 1924 году Душанбе был кишлаком, в котором проживало едва более полутысячи человек. По понедельникам собирался базар. Отсюда и произошло название города («душанбе» — по-таджикски «понедельник»). В 1925 году в городе открылась первая школа,

а ныне здесь выпускаются текстильные машины, кабели, холодильники, автодетали и многое другое.

Неподалеку от зеленого базара новое здание со стеклянными стенами — музей Памирской геологической экспедиции. Здесь мы увидели будущее Памира. Образцы талька, слюды, каменного угля, железной руды, меди, олова, горного хрусталя, золота и многих других полезных ископаемых — предвестники горнорудных предприятий. Здесь же мы увидели и то, что искали весь поход: лалы Бадахшана. На стеллажах красовались чудесные яшмы самых различных цветов, ничуть не уступающие знаменитым орским. Рядом красками памирского неба пылали лазуриты со знакомом нам месторождения на Ляджуардаре. Капельками крови горели в камнях гранаты.

Самый прекрасный лал Памира — благородная шпинель, камень столь же драгоценный, как и алмаз. В большом куске белой породы были вкраплены большие продолговатые кристаллы фиолетового и янтарного цвета. Во всем мире еще только два месторождения благородной шпинели: на Цейлоне и в Бирме. Когда-то драгоценности, добытые в «рубиновой горе», продавали королевским дворам во все страны Азии.

Пока на Памире не эксплуатируется ни одно месторождение самоцветов: слишком трудны условия разработки и транспортировки. Благородная шпинель тоже лежит нетронутой, потому что еще не разработан промышленный способ отделения самоцвета от очень твердой породы. И все же хочется надеяться, что скоро сбудутся слова академика А. Е. Ферсмана: «Шпинель и рубин Памира волеются красным потоком в семью наших самоцветов».

Из Душанбе дороги путешествий привели нас в Фанские горы.

У разрушенного землетрясением кишлака повстречали одичавший сад. То был рай наяву; алыча роняла плоды на каменистую землю; на высоких деревьях дозревали грецкие орехи; поспел великолепный черный виноград.

За каждым поворотом ущелья вырастали новые каменные исполины с ледниками на спинах. На клочке земли, на котором могла бы разместиться Москва, стояло много разнообразных, не похожих друг на друга вершин. Рельеф местности часто позволял одним взглядом охватить небольшие горные потоки от их зарождения на ледниках до слияния с более крупными реками.

...Взял последний перевал. С его высоты мы увидели хребты Фанских гор, расходящиеся во все стороны света. Теперь наш путь лежал через озеро Большое Алло к кишлаку Панджруд, родине великого таджикского поэта Рудаки.

Где-то за горами, все более обволакиваемыми облаками, скрывалось солнце, и цвет озера непрерывно менялся. Только что та сторона, на которую упали случайные солнечные лучи, казалась зеленоватой, другая половина водной поверхности была такой, словно в ней растворили синьку.

Погода быстро портилась. Первые крупные капли дождя смочили камни и разукрасили их. Снежную стену, с которой мы спустились, закрыли плотные облака. Стало так холодно, что руки пришлось прятать в карманы штормовок. И вот уже снежная крупа ложится на берег, на заросли арчи, на темнеющее зеркало воды.

Непогода в горах уже не волновала нас. Жаркий огонь лизал сухой скрученный ствол арчи. Догорал последний походный костер.

Но мы не прощались с этим краем, потому что снова и снова будем возвращаться сюда, на крышу мира

Ф. Патрунов

На высокогорном пастбище

Виноград

Таджикское море

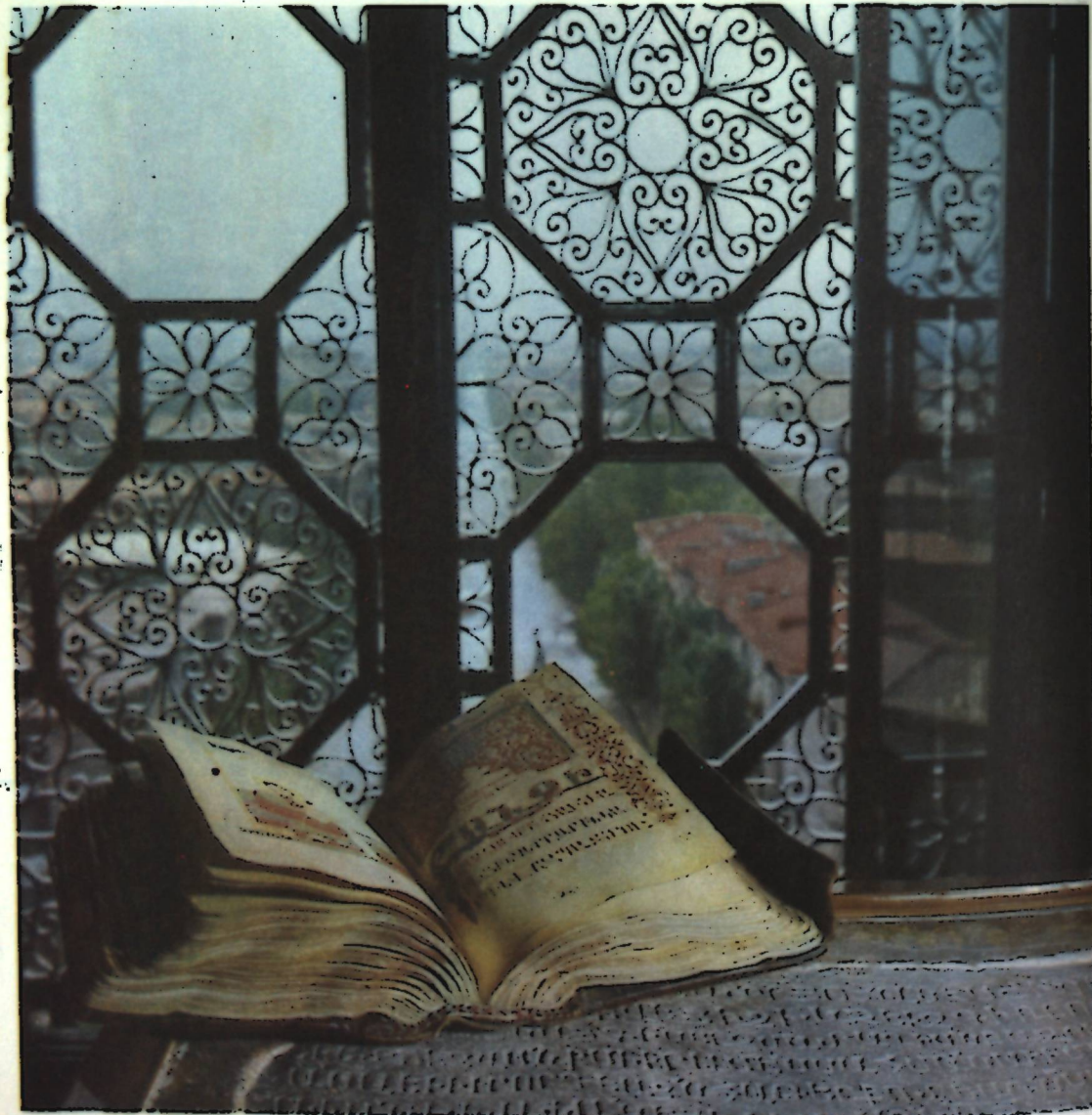

*На хлопковых полях
Хан-атлас — украшение таджикской женщины*

Армянская ССР

О чем поют камни

Века приходили и проносились над этой землей, и каждый из них оставил на ней рану и проложил борозду на лбу и в сердце ее народа.

Века проходили — и не прошли без следа. Они остались в клинописи, в разрушенном памятнике, в неприступной крепости...

Вся Армения словно музей под открытым небом, где и без учебника можно изучить историю этой земли и этого народа, начиная от несуществующих обломков библейского ковчега до вполне реальных развалин, оставленных турецкими янычарами несколько десятилетий лет назад.

Каждый век оставлял не только развалины и раны, но и становился одной из ступеней той длинной крутой лестницы, по которой народ наш шел от страданий к счастью.

Происхождение армянского народа восходит к такой глубокой древности, когда на большей части территории Малой Азии еще не было исторически сформировавшихся народов, а жили только племена, разрозненные или объединенные в более крупные союзы, как, например, в стране Наири.

Первое армянское государство образовалось после падения Урарту на его территории, с той же столицей Тушпа. Впервые нашу страну называли Арменией, а нас армянами мидяне и греки.

Сами армяне называют себя «хай», а страну свою — «хайастан» — по имени одного из главных армянских пле-

мен, жившего в стране «хайаса» (на месте нынешнего Эрзерума) и, видимо, игравшего большую роль в образовании армянского народа из многочисленных племен.

Армяне свою страну называют «страной армян», Айастаном. Но есть и другое, созвучное этому слово — «карастан», «страна камней».

Воистину Армения — страна камней. Более двадцати горных хребтов пересекают ее, свыше девятисот больших и малых вершин возвышаются над ней, примерно две трети нынешней территории Армении занимают горы — сплошной камень. А остальная земля в течение веков так была затоптана конскими копытами чужеземных завоевателей, что тоже затвердела, как камень.

Поля и горные склоны Армении до того каменисты, что кажется, будто заросли они когда-то каменным лесом, который потом вырубили, оставив лишь пни да кочки.

Народное предание гласит, что бог, создавая «твердь и хлябь», стоял на вершинах наших гор. Сотворенное им месиво он просеивал через огромное сито и чистую, мягкую землю сыпал в одну сторону, а оставшиеся на дне камни — в другую, на место нынешней Армении.

Лава, столетиями извергавшаяся из вулканов, превратила Армению в уникальный «открытый» музей строительных камней. Нет такого строительного

камня, которого не было бы в Армении, будь то мрамор, базальт, гранит, туф или пемза.

Но в этой изобилующей камнем стране добротными каменными домами от века владели лишь Христос да горстка богачей, а народ жил в сложенных на черном лагулах. Так жили люди, создавшие чудеса архитектуры: Гарни и Звартноц, Гегард и Рипсима, Ахтамар и Текор... Из-за непрерывных войн и нашествий превращены в руины и многие из этих архитектурных памятников. Октябрь потряс весь мир, он разбудил и нашу древнюю землю. Тяжелым камнем упало с сердца народа бремя войн и страданий.

Народ обрел мирную жизнь, получил возможность строить свой родной дом, и тогда, подобно вулкану, вырвалась наружу заглушаемая веками жажда созидания.

Старому каменщику, еще недавно тесавшему могильные плиты, новорожденная Армения заказала постройку родильного дома и школы; вместо казарм и тюрем велела строить жилой дом и клуб, библиотеку и университет. Всюду возводились стены, и всюду стены покрывались кровлями. Это были простые стены, крытые пока только плоскими кровлями, но их было так много, что казалось — не хватит камня на них.

Камень начал служить народу. Теперь он жаждал обрести дар речи.

И камни заговорили. Заговорили и позвали на родину своего чародея — архитектора Александра Таманяна, тогда уже широко известного в России своими прекрасными сооружениями. Он был счастливейшим из зодчих — может ли быть для архитектора счастье выше, чем жить в стране, где всегда и всюду строят?

Те, кто проходил по грязным, узким улицам тогдашнего Еревана, не знали, что — правда, еще только на ватмане и кальке — в городе уже есть площадь

Ленина, Дом правительства, здание оперного театра.

Веками лежавший на дне котлована Ереван вдруг так «закипел», что поднялся по склонам гор, перевалил через них на соседнее плато.

Новые здания и памятники Еревана стали тягаться с лучшими архитектурными памятниками прошлого и нередко превосходили их.

Не так много на свете городов, имеющих свое лицо, свой «почерк».

Приехавший в Ереван незнакомец чувствует, что попал в своеобразную, имеющую свою историю, свой стиль, свой облик страну.

Ереван стал одним из красивейших городов. Площадь Ленина — один из интереснейших архитектурных ансамблей Советского Союза.

Но почему мы говорим только о Ереване? Гюмри, ныне Леникан, имевший некогда «семь храмов» и не имевший ни одного трехэтажного здания, грозит превзойти его, если Ереван, не дай бог, возгордится и замешкается.

Но почему только Леникан? Затерянный в лесах жалкий Караклис — ныне Кировакан — стал не только одним из красивейших городов Армении, но также соперничает с Ереваном своими инженерно-техническими кадрами, заводами новых профилей и обилием научно-исследовательских институтов.

А села и районные центры? Давно ли единственным каменным зданием здесь была церковь... И кто удивится сегодня, увидев в Эчмиадзине и Воскевазе, Арташате и Талине, Аштараке и Двине Дворцы культуры, не уступающие лучшим городским зданиям.

А те города, которых и вовсе не было на карте?

И как нам не радоваться, глядя сегодня на прямые улицы, красивые дома и заводы насчитывающего пятнадцать тысяч жителей города Лусаван, мимо которого мчится электропоезд Ереван — Севан!

Армения. Страна камней. Карастан... И камень, извечно считавшийся нашей бедой, обернулся для нас источником богатства.

Чего только не создают из камня жители этой страны, эти «карастанцы»!

Камень превращается не только в здания и мостовые, ограды и колонны. Из этих ненужных, мешающих обработке земли камней здесь «выжимают» все — начиная от питающих эту землю удобрений и кончая деталями полупроводниковых приборов.

Из туфа и пемзы, например, получают бетоны высоких марок, заполнители, теплоизоляторы, прекрасную керамику и мягкое, как шелк, волокно. Кто бы мог подумать, что камни, в несметном количестве усеявшие наши поля, не просто камни, а клубки нежного шелка?

Я уж не говорю о не использованных до недавнего времени «горячих камнях» — нефелиновых сиенитах, запасы которых в Армении неисчерпаемы и из которых химики уже «выжимают» свыше десяти ценных материалов.

С использованием туфов и пемзы, мрамора и гранита, перлитов и обсидианов, базальта и нефелиновых сиенитов в Армении, кажется, не остается ни одного вида ненужного, неиспользованного камня, который был бы несчастьем, мешал человеку и земле.

И теперь наряду с такими полезными ископаемыми, как зодское золото, кафанская, алавердская медь, агаракский, каджаранский и дастакертский молибден, сваранцское и разданское железо, мы можем с гордостью говорить и о таких полезных ископаемых — камнях, как арктикский туф, анийская пемза, хорвирабский мрамор и базальт, араратский известняк, арагацский перлит и обсидиан, разданский сиенит.

Если раньше в строительстве использовались лишь базальт и туф, и то большей частью черный, то сейчас на новых зданиях Армении можно видеть

все цвета туфовой радуги, вплоть до фиолетового, желтого, красного, мозаику разноцветных мраморов, синеву базальта.

А горные кряжи, скалы и каменные ущелья?

Они тоже не остались в стороне от дел. Алавердские и Кафанские горы по-прежнему дают медь, но теперь семизды больше, чем прежде.

В горах Каджарана, Дастакерта и Агарака хранятся бесценные, поистине волшебные сокровища — залежи меди и молибдена, редких и драгоценных металлов.

А вот Басаргечар, страна «мацуна» — кислого молока. И кто бы мог подумать, что он с таким упорством долгие века таил в своих недрах запасы золота! Его открыл геолог Самвел Матевосян, этот скромный сын армянского крестьянина. Родина дала ему орден, маленький золотой орден за то, что он, раненный гитлеровцами, сражался в осажденной Брестской крепости и чудом остался жив. А он взамен подарил матери-родине чудесное Басаргечарское месторождение золота. Да, подарил, извлек со своими друзьями изпод тех самых камней, которые были вековым злосчастьем армянского народа.

Но камень не только помогает стране отстраиваться, он увековечивает тех, кто трудился, творил на этой земле, кто боролся за нее.

Сколько неприметных камней, разбросанных по армянским ущельям, стали памятниками или пьедесталами памятников Ленину и Шаумяну, Давиду Сасунци и Маштоцу, Комитасу и Саят-Нова, Налбандяну и Исаакяну и украшают теперь улицы и парки наших новых городов.

Возведен в Ереване еще один памятник — жертвам 1915 года, он водружен на высоком горном плато над рекой Раздан.

Камни Армении... Сколько их легло в

клады Могилы Неизвестного солдата, множества родников-памятников и увековечивает память погибших в Отечественной войне героев, чья слава крепка, как эти камни, и вечна, как родниковая струя.

Остановимся у одного из этих родников-памятников, восславим бессмертную память героев и вслед за родниковой струей пойдем слушать песню.

Когда из окна поезда теперь глядишь на последние клочки каменной пустыни и солончаков около станции Октемберян (бывший Сардарабад), то невольно думаешь: неужели в этой стране не было воды?

Но достаточно побывать в Лорийском ущелье и услышать журчание горного Девбеда, вспомнить синий плеск севанской волны, рокот водопада Шаки, шум Раздана, Воротана и тихое бормотание Аракса...

Вода была. Во всяком случае, воды было достаточно для горстки армянской земли, если бы она не пропадала без пользы, не билась без дела о скалы, не мутнела от праздности.

Самое большее — ее брали из реки для орошения жалких, похожих на заплату прибрежных полей, садов и огородов или заставляли вертеть мельничное колесо.

Как дождь, иногда, обойдя стороной высохшее от зноя поле, проливается в море, так и вода здесь в течение веков, закипая от злости, лишь рыла и углубляла собственное русло, обнажая пожелтевшие корни ив. А в нескольких шагах от берега иссыхали от жажды поля и сады, трескалась земля.

В долинах рек воды было хоть отбавляй, а чуть подальше она ценилась на вес золота.

Говорят, в Котайкском районе сохранился до наших дней камень, на котором высечено: «Эта вода принадлежит Мелик-Агамалянцу. Да будет проклят со всем своим потомством тот, кто воспользуется этой водой».

А на кладбище села Аштарак есть могильный камень, повествующий о том, что здесь лежит человек, убитый рукой родного брата из-за воды...

Как объяснить ребятишкам, которые сегодня в Ереване затевают веселую возню у фонтанчиков с прозрачной питьевой водой и, прижав палец к отверстию, щедро разбрызгивают ее вокруг, как объяснить им, что такое «водяной камень»!..

Водяной камень... Это установленный на деревянных подпорках сосуд из туфа, напоминающий опрокинутый церковный купол; туда с утра наливали мутную речную воду, чтобы процедить ее и получить воду для питья.

В глиняный кувшин, подставленный под камень, вода натекала по капле, подобно волшебной живой воде или слезам. Надо было обладать терпением сказочных великанов, чтобы набрать немного воды и утолить жажду в жаркий летний день.

И какой-нибудь мудрый старец, сидя в задымленной комнате ветхого дома, сложил бы еще одну сказку об этой стране и ее народе, умирающем от жажды, если бы не изменилось течение самой большой реки — Истории и не был бы уничтожен засевавший у ее истоков дракон.

Эчмиадзинский канал, Октемберянский канал, Ширакский канал, канал в Гарни, Сисиане, Талине, Арзни-Шаирамский канал, Котайский канал... Не счесть всех больших и малых каналов, построенных в Армении за последние десятилетия, как не счесть кровеносных сосудов в теле.

Теперь в Армении почти не найдешь «праздной» реки. Все они приводят в действие множество больших и малых электростанций, которые дают нашей стране миллионы киловатт-часов электроэнергии.

Одна только река Раздан вращает турбины шести электростанций. Шесть больших гидроэлектростанций на не очень

длинном пути от озера Севан к Еревану.

Но сам Севан съезжился и весь поседел, обнажив лежавшие до сих пор под водой известняковые бока.

Из-за утраты былой красоты озеро стало окружено как бы траурной каймой, но — белого цвета...

Весь наш народ спешит теперь на помощь Севану, пытаюсь насколько можно спасти его красоту и остановить его «голубое кровотоечение».

После того как будут построены работающие на природном газе мощные теплоэлектростанции в Ереване, Раздане, Кировакане и других местах, озеро Севан получит возможность отдохнуть от длительного самоотверженного труда.

Где-то в горах за Севаном веками текла река Арпа. Гидротехники заинтересовались ею, определили «группу» ее воды, чтобы сделать «донором» Севана. Ведь Севан — озеро «голубой крови», то бишь воды. Недаром живущая в ней форель зовется «князь-рыбой» — ишханом.

На реке Арпа около курорта Джермук будет сооружена плотина высотой 50 метров. У курорта образуется большое озеро, и воды Арпы через туннель длиной 48 километров, пролегающий глубоко под землей, потекут в Севан. Свыше 270 миллионов кубометров воды в год вольтется в Севан, и озеро если не восстановит прежнее зеркало, то хоть сохранит нынешний уровень.

И утихнут наконец споры между «физиками» и «лириками» — инженерами и поэтами.

Чувствуя свою вину перед Севаном, мы стали сейчас особенно заботливы к нему. Благоустраиваются и озеленяются его берега, строятся дома отдыха, детские лагеря, кафе, пляжи. Современные крылатые ракеты-катера мчатся по синим водам Севана — тем водам, изпод которых наши археологи недавно извлекли имеющие трехтысячелетнюю

летнюю давность медлительные повозки урартийских царей и военачальников.

...Нет на свете поэта, который, увидев хоть раз Севан, не воспел бы его!

Дорога была вода в Армении и издревле освящалась народом. Поэтому еще и сегодня народ сооружает родники в тех местах и в память о тех людях, которые дороги его сердцу.

Родник на Степанаванском перевале отмечает место встречи Пушкина с телом убитого Грибоедова; родник Гидевазского ущелья рассказывает о героях гражданской войны; родник в Харберде увековечивает память о жертвах резни 1915 года, а многочисленные родники-памятники сооружены в честь погибших в Отечественной войне.

Один старик каменотес из Кировакана соорудил у дорог четыре родника-памятника в честь четырех своих сыновей, павших в Отечественной войне.

Это красиво и мудро — символизировать память погибших тихим и немного грустным журчанием чистой родниковой воды.

Обычно весна наступает раз в году, но в Армении ее можно встретить несколько раз. Армения мала, но многолика. На горстке земли представлены все климатические зоны — есть тут альпийские луга и виноградники, леса и субтропические культуры.

Когда в Араратской долине наступает осень, наливается соком виноград и начинают алет персики, ближе к подножию гор еще лето — здесь только начинается золотиться пшеница. На горных альпийских лугах в это время пышно растет трава и цветут маки. Еще выше снега только начинают таять, только появляются подснежники и фиалки. А на самых вершинах — вечные снега, зимняя стужа.

В это время в Мегрийском ущелье среди раскаленных камней созревают гранат, инжир и японская хурма.

Горный поток, родившийся из талых

снегов на склонах Арагаца, может за день, на своем пути к реке Раздан, встретить все четыре времени года: зиму, весну, лето и осень.

Трудно представить себе более высокий пьедестал для винограда, символизирующего наш народ. Поднявшись на герб, он стал предметом попечения уже не нескольких садоводов, а всего народа, приобрел государственное значение.

Лоза винограда всегда как бы протягивает свою руку-ветвь и ищет поддержки, чтобы подняться. Глубоки ее корни, сама она скромна и распростерта по земле, но если есть рядом какая-нибудь опора, может вскарабкаться по ней, подняться ввысь.

Поля и ущелья Араратской долины превратились в зеленые озера и реки виноградников.

Реки эти, все прибывая, вскоре добрались до предгорных районов, и ныне виноград «прописан» не только в Араратской долине, но и в Ноемберяне, Шамшадине, Талине, а холодостойкие сорта его уже укореняются даже в бассейне озера Севан и на холодном Лениканском плато.

Мала наша земля, но хватит на ней места для гостей, для всех тех, кто входит в наш дом с добром, чтобы разделить с нами хлеб-соль, нашу мудрость и опыт.

Мал наш виноградник, но может наполнить несметное количество дружеских чаш искристым вином и коньяком.

По одной чарке нам, а остальное — милости просим, вкушайте, друзья, от Таллина до Урала и от Белграда до Праги и Парижа...

Мог ли вчерашний забитый армянский крестьянин, боявшийся даже самолета, мечтать о том, что созданные руками его сыновей и внуков электрические машины и устройства понесут свет в деревни далекого Вьетнама и в другие зарубежные страны.

Производимые в Армении уникальные станки, электрические машины, синтетические и пластические материалы, точные приборы охотно принимают в более чем семидесяти далеких и близких странах мира.

Сегодня Армения снабжает некоторыми редчайшими и сложнейшими станками и приборами даже страны высокоразвитой промышленности.

Сто пятьдесят видов промышленной продукции экспортирует Армения в Англию и Францию, Бельгию и ФРГ, Голландию и Италию, Японию и Индию, Индонезию и Вьетнам, на Кубу и в Чехословакию.

Большой популярностью пользуются в этих странах «сделанные в Армении» сверхточные измерительные приборы, часы и передвижные электростанции, каучук и электронно-вычислительные машины.

Армения издавна была страной контрастов, страной высокоразвитой духовной культуры и нищего деревенского быта.

Только сейчас, в наши дни, этот могучий дух обретает такое же могучее и здоровое тело. Только сейчас, в наши дни, Армения становится Арменией промышленно-технической, страной астрофизики и радиоэлектроники, изучения галактик и космических лучей, производства полупроводников и синтетических материалов, тончайших приборов, уникальных станков и электронно-вычислительных машин...

Она становится страной-лабораторией, страной — гигантским научно-исследовательским институтом, где решаются многие сложнейшие проблемы науки и промышленности XX века!

Там, где бессильным оказывался меч, побеждали письма, уничтожая врагов, пронося сквозь века к грядущим поколениям чаяния народа, его надежду и веру.

Несмотря на неисчислимые бедствия, чудом уцелело и дошло до нас свыше

двадцати пяти тысяч армянских рукописей, которые не только дают ключ к раскрытию тайны стойкости и долгоденствия моего народа, но и, как мудро определил Валерий Брюсов, являются его «аттестатом на благородство».

В этих рукописях содержатся редкие, бесценные сведения не только об Армении, но и об истории и культуре почти всех народов и стран старого и нового мира. Ведь в Армении скрешивались пути и судьбы многих народов.

«Одиннадцать веков молчат в этом зале, и я слышу их молчание» — так записал свое впечатление от посещения Матенадарана армянский писатель Дереник Демирчян.

Разбудите эти книги, заставьте их заговорить! Вы услышите песни пастуха и пахаря, печальный звон колоколов, вопли изгнанников, скрежет оружия, топот всадников, услышите стенания армянских матерей и воинственные клики завоевателей.

Здесь можно найти все, начиная от отрывков языческих легенд до памятных записей очевидцев трагедии 1915—1920 годов.

Самые разнообразные рукописи хранятся здесь — от книг философов и историков V века до переводов научных трактатов Аристотеля, Платона и Зенона, от астрономических и математических книг Анании Ширакани до «Утешения в лихорадке» врача Мхитара Гераци, от «Книги скорбных песнопений» поэта Григора Нарекаци (X век) до рукописной книги гусана Саят-Нова.

Пожалуй, нет такой отрасли знания, с которой человек не столкнулся бы в стенах Матенадарана.

Здесь представлены все верования и ереси, философия, математика, история, медицина, поэзия и проза, ботаника, зоология, петрография, анатомия, астрономия, химия и алхимия.

Многие утерянные в течение веков труды древних греческих, ассирийских и

других ученых и философов сейчас снова становятся достоянием человечества благодаря сохранившимся армянским переводам.

Десятки тысяч переписчиков работали в Армении над рукописями, их памятные записи составляют целые тома. Это благодаря их беззаветному труду дошли до нас все сокровища Матенадарана, и я мечтаю о том, чтобы увидеть у здания Матенадарана рядом с памятниками историкам, ученым, писателям и памятник простому переписчику рукописи...

Важнейшую миссию — создание алфавита, который положил начало нашей письменности, осуществил сын крестьянина Вардана из села Адик, один из крупнейших ученых и государственных деятелей IV—V веков Месроп Маштоц. Отвергнув блестящую придворную и военную карьеру, он посвятил свою жизнь трудному делу «сотворения света».

Месроп Маштоц, получивший разностороннее образование в Греции, путешествовавший по многим странам, изучавший все древние и новые языки того времени, создал совершенный алфавит, который (невероятно, но факт!) не подвергся никаким изменениям в течение тысячи шестисот лет и сегодня так же служит народу.

Месроп Маштоц — величайшая и светлейшая личность из всех деятелей нашей истории, и не случайно его скромная могила в селе Ошакан является святыней Армении, к которой устремляются паломники со всех концов света вот уже шестнадцать веков!

Наши архитектурные памятники не могли быть грандиозными: возведение большого сооружения потребовало бы долгой мирной жизни, а у нас слишком коротки были промежутки между войнами.

Наши памятники очень разные, каждый из них неповторим и непохож на другой.

Лучшее доказательство моих слов — высеченный в скале храм XIII века Гегард, непритязательный с виду и чудо искусства внутри. Он не величествен, не стремителен и не изящен. Тайна его обаяния — в твердости, непоколебимости, достоинстве.

Утверждает это и храм VII века Рипсима. Внимательный взгляд может прочесть по нему всю историю нашего народа, познать его сущность и характер: он не громаден — но величествен, красив какой-то твердой, мужественной красотой, строг — но не мрачен, молчалив — и понятен без слов.

Разрушенные шедевры прошлого сейчас, рядом с новыми, прекрасными памятниками новой Армении, обрели свое истинное место — как тот же Звартноц, развалины которого вдвойне дороги нам потому, что отдали все свое лучшее новым зданиям и памятникам Армении.

Звартноц и Гагикашен возродились в великолепном здании оперы, храм Рипсима — в Доме правительства, барельефы храма Ахтамар донесли до нас тайны нашего древнего театра и теперь украшают новое здание нашего драматического театра. А с многочисленных «хачкаров», этих «каменей-крестов», великолепные орнаменты перешли на поставленные у армянских дорог родники-памятники, дорожные указатели и другие творения архитектуры малых форм.

«Если бы меня спросили, где на планете Земля больше всего можно встретить чудес, я назвал бы в первую очередь Армению...» Это говорит Рокуэлл Кент.

Да и не он один. Еще век назад Байрон говорил о том, что страна армян навсегда останется одной из наиболее насыщенных чудесами стран на всем земном шаре...

Что такое родина?

Родина — это народ и его история, это земля, вода, камни, заводы, наши книги и наши песни. Но родина прежде всего — то время, при котором больше, чем когда-либо, цветет родная земля. Та новая эра, от дыхания которой все, что веками существовало, начинает жить.

Возродившись, поет о себе не только народ, но и принадлежащие ему земля, вода, камни, заводы и песни.

Приезжайте послушать эти песни...

Геворг Эмин

*Вид на Ереван с площадки
памятника «Мать Армения»*

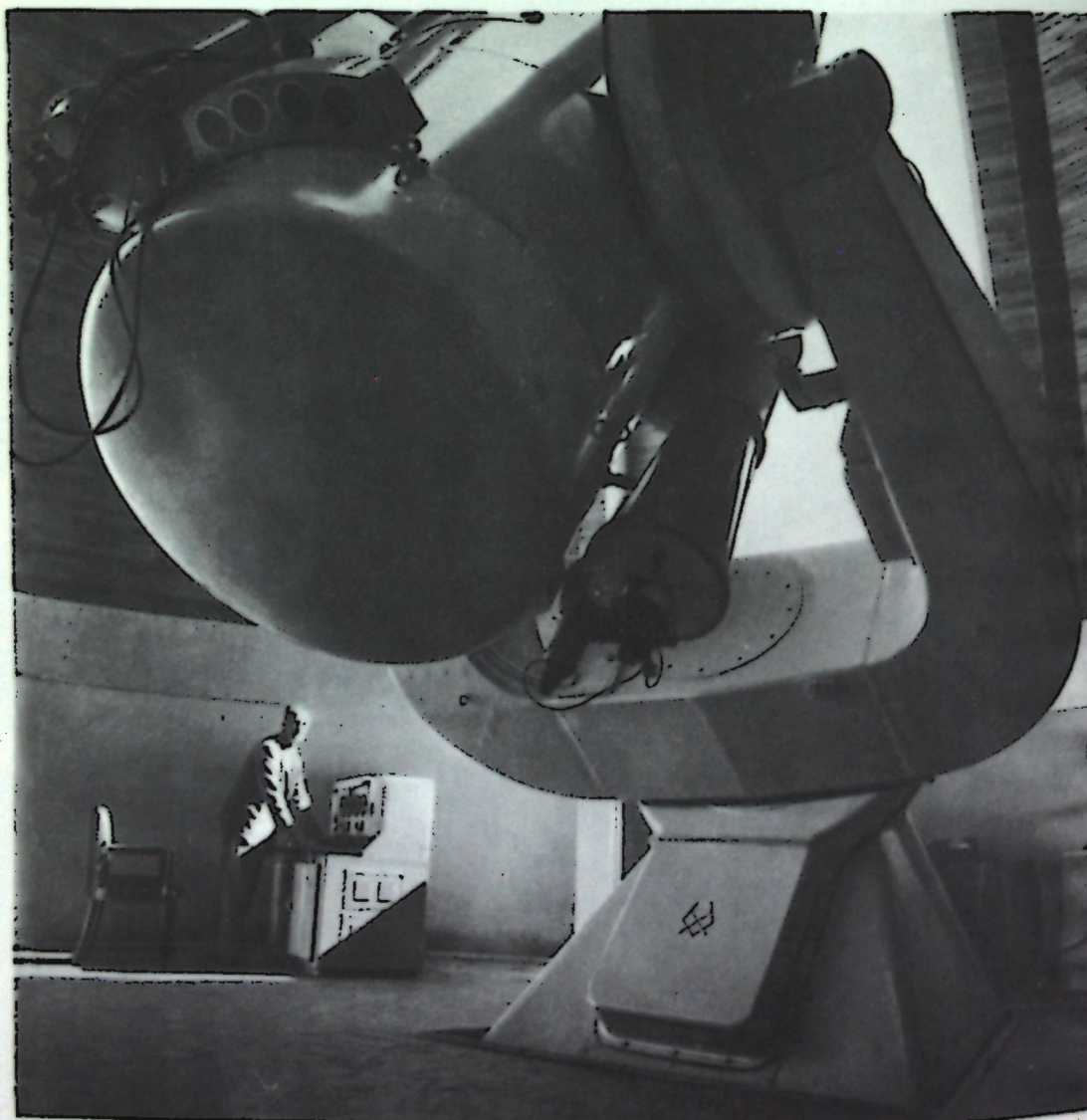

*Эти колокола в древности извещали
об опасности, угрожавшей Еревану*

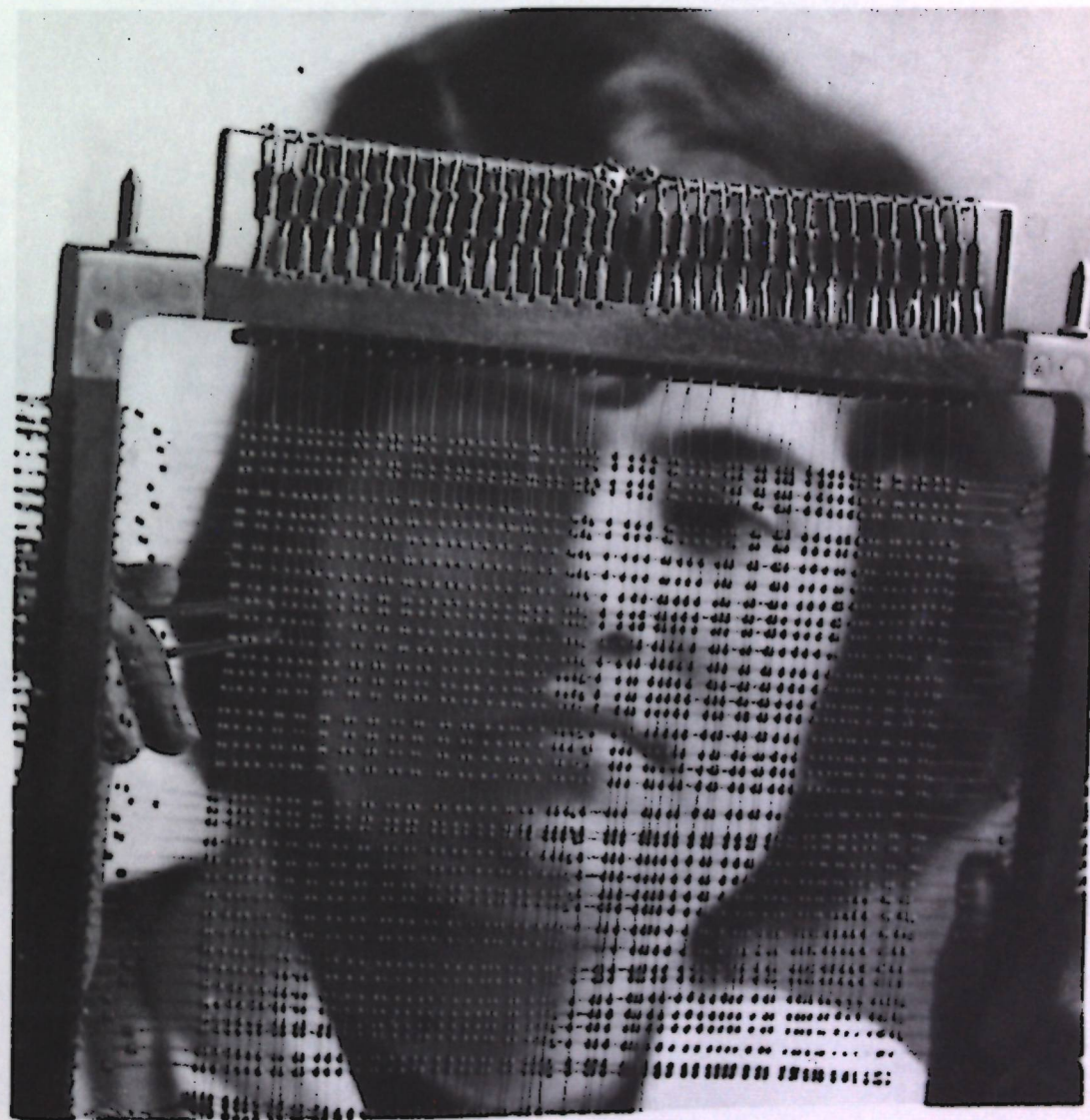

Бюраканская обсерватория

Ереванское профтехучилище электронных машин

Озеро Севан

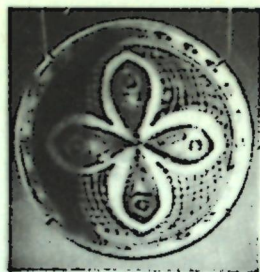

Туркменская ССР

Щедрое солнце пустыни

Туркмены любят гостей. Будет гость — будет праздник. Садись с нами, сыграй в наши игры, послушай наши легенды.

...Когда всевышний делил землю, — рассказывает одна из них, — туркмены пришли первыми и взяли ее больше, чем надо. Когда бог делил солнце, туркмены опять были первыми, а вот на дележ воды опоздали. С той поры в Каракумах каждой каплей воды дорожат, будто капля эта чистого золота.

И действительно, Туркмения занимает площадь почти в полмиллиона квадратных километров, почти восемь десятых этой площади — сухая, знойная пустыня.

В Туркмении живут 2 миллиона человек, туркменом среди них — 1 миллион 250 тысяч. Далеким прошлым кажется то время, когда мой народ был почти поголовно неграмотным. А ведь это было всего пятьдесят лет назад! Пятьдесят лет столь малый срок, если измерять обычным календарным исчислением многовековую историю моего народа!

Эти полвека истории были годами невиданного его взлета, стартовой площадкой для которого служит дружба народов нашей социалистической Отчизны.

Путешественники обычно начинают знакомство с культурой народов со столиц этих народов. Последуем их опыту.

Самое почетное место в Ашхабаде — сквер, где стоит памятник Ленину. Решение о создании памятника было принято 22 января 1924 года. Автор памятника — академик А. Карелин, но создавала его вся трудовая Туркмения.

1924-й, трудный для Советской страны год. Многого тогда недоставало, не было и бронзы. Выручил Ташкент. Старые медные пушки были привезены из Ташкента в Туркмению, в город Байрам-Али. Здесь на хлопкоочистительном заводе орудийные стволы перелили в бронзу. Из бронзы отлили статую.

Камень для постамента железнодорожники провезли бесплатно. Добыли этот камень в Красноводске и Кызыл-Арвате. А потом за дело принялись ковровщицы. Да, да, не удивляйтесь, ковровщицы! Для самого дорогого человека — самое лучшее. А лучшим в Туркмении были тогда ковры. Ковры в моей стране делали так, что хранили они свою красоту веками, и чем старше был ковер, тем прекраснее. Время не портило его, оно дарило ему таинственный благородный блеск. Но как бы ни прочны были ковры, а камень прочнее.

И вот на постаменте началось чудесное каменное вышивание. Камень брали тех же прекрасных, глубоких тонов, какие отличают туркменские ковры, красные туркменские ковры. Каждое племя имеет свой рисунок, свой отличительный знак. Это гёли. В волшебную силу гёлей когда-то верили, как верили заклипаниям и молитвам. Гёли должны

были отводить зло. Со временем забылось об этом назначении гёлей, а красота их, когда-то найденная, сохранялась бережно и передавалась из поколения в поколение. И вот текинцы принесли Ленину свое искусство, йомуды — свое, туркмены из Керки — свое...

Пять лет продолжалась работа, и получился памятник надиво — памятник Ленину, памятник народного искусства, памятник народной любви.

Туркменские ковры знамениты. Лучшие имеют ценность самых дивных творений человеческого гения. Труд бесконечно кропотливый — куда хваленым пчелам до ковровщицы! — но ремесло здесь поднимается до вершины высокого искусства. Туркменской ковровщице могли изменить руки, не так тесны и крепки тогда получались узлы, но вкус — никогда!

Ковровая фабрика в Ашхабаде небольшая, но это фабрика, где ковры вырабатываются вручную. Труд нелегкий, но, конечно, не идет в сравнение с тем, который затрачивался раньше. Теперь ковровщица разогнула спину — она вяжет узлы сидя на стульчике, а раньше, при домашнем ткачестве, ковровщицы кланялись каждому узелку. Сидя на полу, подобрав под себя ноги, ковровщица не разгибала спины. И так вот дни, месяцы или даже годы!

Туркменские ковры стоят золота! И не только того, которое в рублях. Это золотой почет международных и всемирных выставок. Париж, Брюссель, Лейпциг — вот он, победный путь современных туркменских мастериц!

На ашхабадской ковровой фабрике есть небольшой музей. Здесь охотно показывают драгоценную коллекцию старых ковров.

Люди непосвященные часто спрашивают экскурсоводов:

— А как узнать, какой ковер дороже? И получают ответ:

— Чем больше труда, тем дороже ковер. В музее есть коврик, очень красивый и очень дорогой. Коврик чуть больше квадратного метра, и в нем один миллион сто сорок восемь тысяч узлов.

Скажут тебе про этот миллион, а ты себе представишь согнувшуюся над ковром женщину в дымной кибитке, окруженную детишками, и горло перехватит: какое мастерство и какое рабство! Из музея ковровой фабрики я всегда иду к большому ковру в нашу картинную галерею.

Ковер находится в самом высоком и просторном зале. Имя у этого ковра — «Гигант». Его соткали тридцать пять мастериц за семь месяцев. Начат он был 13 июля 1941 года и закончен 13 февраля 1942 года. Почему запомнились эти даты? Ну, конечно, потому, что ковер уникальный. Может быть, он единственный в мире такой большой. Но и не только потому. Сорок первый, сорок второй — годы великих испытаний для нашей страны. Война разрушала, война убивала, война отняла красивую одежду, обрекла на голод. Тут бы отчаяться, смириться с бедами, но нет! Война шла, и жизнь шла, жизнь опять оказалась сильнее смерти. Вот он, ковер! Ковер-гигант, произведение высокого народного искусства!

Площадь ковра «Гигант» — сто девяносто три с половиной квадратных метра, плотность — двести пятьдесят две тысячи узлов на квадратный метр, а всего узлов — сорок восемь миллионов семьсот шестьдесят две тысячи! Представляете? Я, признаться, не очень представляю такое количество. Вес ковра — восемьсот шестьдесят пять килограммов, почти тонна!

И опять радость в моем сердце. Но эта радость другая. Она без привкуса горечи. В этом ковре не один миллион узлов, а почти пятьдесят, но это свободный труд, труд самых лучших, уважаемых мастеров.

В Ашхабаде есть Ботанический сад. Летом здесь очень хорошо. Ведь температура воздуха в тени у нас иной раз достигает сорока пяти градусов! Но в Ботаническом саду даже и в такие дни терпимо. Тут есть места, где солнце так и не может пробиться к земле. Ни одного блика!

В саду растет восемьдесят видов плодовых деревьев, более семисот видов субтропических и других растений. Аромат в саду стоит такой, что даже голова чуть-чуть кружится. Да и как голове не закружиться, когда здесь одних роз шестьсот пятьдесят сортов!

Вот какие сады можно выращивать на нашей земле! Многие земли Туркмении могли бы стать садами, но для садов нужна вода.

Вода! Великое, удивительное, самое ласковое, самое животворящее слово! Сколько прохлады в нем! Сколько в нем свежести, цветов, трав, сколько в нем спокойствия и уверенности в завтрашнем дне!

Наш город лежит на тридцать восьмой параллели. Эта параллель пересекает север Африки и юг Испании.

Мы жители безводных пустынь...

Жители безводных пустынь?

Последний такой житель родился в Ашхабаде зимой 1962 года, а весной щедрая Амударья пришла по восьмисоткилометровому руслу великого Каракумского канала и разлилась под Ашхабадом роскошным озером. Роскошным, великолепным, радостным! Я готов сказать в честь этого озера все слова восхищения и благодарности, какие только придумал человек.

Еще в том же, 1962 году жители Ашхабада только в кино смотрели на купальщиков и рыбаков. Но это было зимой, а весной они купались сами! А вскоре они, жители безводных пустынь, дорогие мои ашхабадцы, забрасывали в озеро удочки, и поплавки тонули, а в котлах, пригодных для плова, жарилась рыба!

Ашхабадцы навсегда сохраняют в памяти этот счастливый 1962 год. Год большой воды. Теперь вода дошла уже до Геок-Тепе и движется дальше. И, может быть, не так-то он уж и далек, тот день, когда картографы против нашего города поставят заветный якорек, знак того, что Ашхабад — город портовый.

Прекрасны и окрестности Ашхабада, куда я приглашаю теперь читателя. Сначала мы отправимся в поселок Бекрова. Это, пожалуй, единственное место в Туркмении, где всегда рады палящему солнцу. Попадаем в мир фантастики. Огромные зеркала, стеклянные и алюминиевые, бесстрашно установились на ослепительное солнце. Зеркала ловят солнечные лучи, собирают их и превращают в полезную силу.

В Ашхабаде в году бывает двести сорок-двести двадцать полностью ясных дней да плюс еще дней шестьдесят-восемьдесят полужаженных. Представьте, сколько энергии можно получить прямо с неба!

Академик Иоффе говорил, что если один процент солнца, которое нагревает крышу, превратить в электричество, то этим электричеством можно было бы осветить пять этажей. А еще он говорил, что если бы в Кара-Кумах взять участок в сто квадратных километров и сделать из него солнечный генератор, то электричества хватило бы для всей Земли!

Не правда ли, есть над чем подумать! От мечтаний, теоретических расчетов и опытов ученые перешли к промышленной эксплуатации солнца. В совхозе «Бахарден» строят солнечный опреснитель на шестьсот квадратных метров. В этот опреснитель будет подаваться соленая артезианская вода, не пригодная для питья и работы машин. За один безоблачный день установка дает двадцать тонн питьевой воды.

В Ашхабаде начинают устанавливать солнечные холодильники. Да, да! Солнечный жар будет превращен в холод,

который понизит температуру в домах на двенадцать градусов. Вместо сорока градусов двадцать восемь! Это уже не так страшно.

Пока что установки, добывающие энергию с неба, дорогие, сложные и не очень сильные. Но ведь когда-то прадедушка сегодняшнего «ТУ-144» был маленьким, горбатеньким, трехкрылым!

Едем по равнине Гяурса. Раньше она была голой. У нас в Туркмении почти о каждом зеленом месте можно сказать, что раньше здесь было голо, а о Гяурсе и подавно. Если сюда кто и заходил, то только пастухи.

А вот это местечко называется Гулан-Гырлан — «Гибель куланов». В старые годы по Туркмении бродили целые стада куланов — диких ослов, а здесь их было особенно много, но однажды выдалась очень суровая зима. Выпал снег, ударили морозы, куланы не могли добыть себе пищу и все погибли.

Когда-то пустынный, голый, Гяурс сегодня пахнет духами. Это розы. Наш Гяурс своими розовыми плантациями скоро будет под стать Болгарии. Розы. Море роз. Голова кружится... Приближаемся к Ашхабаду.

Слева от дороги холм. Развалины на холме. Это средневековый город Анау. Погиб он всего двадцать два года назад — во время ашхабадского землетрясения. Рухнули стены, развалилась прекрасная мечеть, погибли ворота с изображениями драконов, с росписью. Когда-то здешние места славилась пещерными, бараными, собачьими боями. Представьте, бой баранов! Вот они мчатся друг на друга. Сшибаются! А прежде, чем выпустить на бой, хозяин бережно растил своего бойца, кормил, поил, ухаживал. Бойцовых баранов держали на цепи. Выйдет хозяин со своим любимчиком на улицу — улица пустеет. Еще бы! Сорвется — убьет.

Арчман — это курорт в ста сорока километрах на запад от Ашхабада. Недалеко, если бы не замечательные памятники на дороге, если бы не удивительные люди: поедешь на день, а захочется пробыть неделю.

Вот село Кеши. Когда-то оно было километрах в десяти от города, теперь же это окраина Ашхабада. Село как село, можно было бы и не останавливаться, но здесь была организована первая в Туркмении советская школа.

Только набрали скорость — и опять остановка. Зеленое село Багир. По обе стороны от села огромные холмы. Остановка наша ради этих холмов. Здесь останки одного из древнейших городов на территории СССР. Здесь две с половиной тысячи лет назад стояла Ниса — крупный город Парфянского царства. Поднимаемся на крутой холм. Вот она, изрытая археологами земля. Здесь они нашли глиняную посуду с эмалью, монеты, оружие, останки древней жизни. Старая Ниса загоразивалась от нашествий высокими стенами, по которым могла проехать колесница. Сорока тремя башнями грозила она врагу. Но пришел удачливый Александр Македонский и взял город. Через столетия город ограбили арабы. Монголы его разрушили.

После упадка Старой Нисы возникла Новая, но и она была уничтожена многими большими и малыми войнами. Здесь угасала цивилизация, которая когда-то не давала покоя иностранным царям и полководцам, которая давала миру мастеров и художников и которая все-таки была погублена, как ни отважны, как ни мудры были ее правители и воины.

Чуть-чуть возвращаемся назад, на шоссе, и вот оно, прохладное горное ущелье. Не дорога — сад. Сливы, вишни, персики, урюк, яблоки.

Над садами справа виднеется город Безмен. Дымят трубы цементного завода, дымят трубы ГРЭС. Заштатный

городок вырастает в крупный промышленный город. Безменн дымит, а вокруг зеленые волны виноградников. Здесь произрастают сорта тербаш, караузум, халили. Золотые и серебряные медали, отечественные и международные, украшают этикетки безменских вин. «Ясман-салык», «Херриккала», «Безменн», «Суйджи», «Тербаш» — вот они, медалисты конкурсов в Будапеште, Софии, Любляне, Тбилиси.

Поворот, еще поворот. Безменн скрылся, вокруг громады Копетдага. Дорога поднимается все выше и выше, Фирюза лежит на восьмьсот метров выше уровня моря. Это местечко сравнивают с лучшими уголками Кавказа, а для Туркмении Фирюза — жемчужина. Когда в Ашхабаде температура в тени поднимается до сорока-сорока пяти градусов, в садах Фирюзы прохлада. Наверное, в старину человек из пустыни, добравшись до Фирюзы, начал бы щипать себя за ухо: не сон ли это, не в раю ли уже правверный мусульманин? Разговаривают друг с другом холодные арыки, цветут розы, в рот просятся плоды, пригибая к земле деревья. Здесь все растет. Здесь растет самое знаменитое в Туркмении дерево — чинара «Семь братьев». Ствол огромной чинары с трудом могут обхватить шесть человек. Высота дерева более тридцати метров. Легенд о «Семи братьях» множество. Вот одна из них.

Говорят, когда-то в этих краях жили семь братьев. У них была красивая сестра. Отец братьев был богатым человеком. Со всех сторон ехали к ним сваты. Но все они получали отказ. Получил отказ и хан, но с ханом шутки плохи, не мог взять добром — послал за красавицей конницу. В схватке погибли все семь братьев, сестру увезли. Остался одиноким отец, без сыновей и дочери. Долго он горевал. А потом в память о своих сыновьях и дочери посадил восемь прутьев чинары. Саженьцы пошли в рост, и стволы слились в ог-

ромное дерево. Один из восьми стволов засох, и его срезали. Но имя девушки не забыто. Ее звали Фирюза (бирюза). На Арчман ведет хорошее современное шоссе. Горы Копетдага отступают все дальше и дальше к югу.

Шоссе рассекает сады и виноградники, бахчи и огромные колхозные огороды. На склонах холмов зреет богарная пшеница. Она не требует специального полива, питается влагой редких дождей, но урожай приносит неплохие. Вот опять бахча. Арбузы с арбу. Огромные, литые. На эти земли пришел Каракумский канал.

Недалеко от шоссе — Бахарденская пещера. Путешествие в нее для смелых. Внизу черная бездна. Дневной свет не может пробить клубящуюся тьму. Кажется, и дна-то нет. Но когда берешься за дело, не так уж страшно. В пещеру ведет лестница. Спускаемся метров на десять, над нами столб дневного света. Осматриваемся: мы в огромном черном зале. Пахнет серой. Бесшумно проносятся летучие мыши. Осторожно, обходя трещины и перелезая через камни, двигаемся дальше вниз. Становится тепло, запах серы сильнее. Протяженность нашего пути — триста метров, но под землей долгие метры.

И вдруг совсем близко внизу, словно огромный изумруд, подземное озеро Кёвата. Любуемся им; смельчаки снимают одежду. Вода теплая, тело покалывают ласковые иголки: не озеро — лечебная ванна. Озеро уходит за скалу. Говорят, Кёвата соединяется с Арчманом. Двадцать четыре химических элемента содержат воды этой реки. Богаче только воды Пятигорска. С давних времен и до сих пор в Арчман паломничество больных. Курорт «Арчман» работает круглый год.

Дальше путь наш на Челекен, Красноводск. Но сначала заедем в Кара-Кала, в долину реки Сумбар. Мчится Сумбар между горными гря-

дами. Тесно ему, берега скалистые, но кое-где отвоевал Сумбар у гор узкие полоски земли. Здесь растут гранаты, миндаль, грецкий орех, фисташка, алыча, инжир, виноград, хурма. Плодоносит лимонное дерево, произрастает бамбук. Несколько лет назад на Сумбаре обнаружено редчайшее лекарственное растение — мандрагора. Горы и ущелья вокруг Сумбара суровы. Леса труднопроходимы, травы укрывают всадника с конем. Небезопасно это место. Даже тигров можно повстречать невзначай.

От Кара-Кала едем в Гасан-Кули. О наш Гасан-Кули! Теплый, добрый птичий дом. Сюда птицы летят из средней полосы России, с Печоры, Северной Двины, Енисея, даже из Франции. Скворцы, гуси, гоголи, морские голуби, чайки-хохотуны, синицы, ремезы, камышовые овсянки, трясогузки, жаворонки, зяблики, цапли, лебеди — свыше ста шестидесяти видов птиц можно встретить в Гасан-Кулийском орнитологическом заповеднике.

В Гасан-Кули вы увидите грязевые сопки. И не одну-две, а цепи вулканчиков с кратерами величиной, правда, один-два метра. Бурлит в них и пузырится жидкая глина. Будто лава, извергается она по склонам сопок. Такие вулканчики — верный признак нефти. Но ее здесь не добывают: берегут животных. Теперь нужно вернуться на железную дорогу, а по ней ехать в Казанджик и далее на запад — к морю. Далеко на юге, сопровождая нас, все еще тянутся хребты Копетдага. Но горы пригнулись, сгладились. Все реже встречаются деревья и кусты, затем совсем исчезают. Справа ровная, голая степь. Кажется, что она бесконечна, но вскоре песчаные барханы оттесняют степь и подходят к самому полотну. Вот уже справа и слева сплошное море песков. Станция Перевал.

Среди безмолвных крутобоких барханов — метрах в двухстах от железнодоро-

рожного полотна — строгий гранитный монумент. Поезд дает протяжные гудки. Здесь, на 207-м километре от Красноводска, в глухой пустыне пролилась кровь двадцати шести бакинских комиссаров. Без суда, трусливо и подло были расстреляны они интервентами. Более полувека прошло с тех пор — и ожила пустыня. Вот они, ее новые асфальтовые дороги, ее знаменитые на всю страну города!

Был Небит-Даг полустанком, превратился Небит-Даг в город. Мертвая пустыня стала краем жизни. Нефть! Когда-то черная маслянистая жидкость превратила Баку в Черный город. Но Небит-Даг — город Нефти — построен из белого камня. В наши дни и нефть добывают не так, как прежде, и города строят иначе.

Челекен — полуостров на Каспийском море. Челекен — город на Каспии. Белые пляжи, прямые, продуваемые ветрами улицы, железный лес нефтяных вышек. Вышки, как и в Баку, начали уходить в море. Геологическая разведка показала: нефтяные залежи здесь богаче бакинских.

В 1869 году на берегу Каспия был заложен Красноводск. Город-крепость, город-форпост. Отсюда началось продвижение русских в глубь Каракумов. Красноводск обращен в море. С трех сторон — горы. Почти как в Гагре, но, увы, горы голые, сожженные солнцем. Редкие деревья, никакой травы. Ни капли питьевой воды. Лет десять назад обыкновенную питьевую воду продавали в бутылках, как продают нарзан или боржом.

Нелегко решить проблему воды для большого города. Вода в Красноводск пришла из пустыни: в Каракумах под песками обнаружены богатейшие запасы пресной воды.

Кара-Богаз — «Черная пасть». Залив, сосущий воду моря. Туркмены обходили эти места стороной.

В 1921 году начали использовать богатство залива — сульфат, ценное химическое сырье. Но Каспийское море мелет, вода в заливе убывает, и ученые обеспокоены: надо сохранить самый гигантский на земле естественный химический чудо-завод. Завод, где нет машин и реторт, инженеров и рабочих, бухгалтеров и охраны. Для работы ему никого и ничего не нужно, кроме полноводного Каспия.

На берегах некогда таинственного Кара-Богаз-Гола заканчивается наш первый маршрут по Туркмении — через пески к морю. Прощай, Каспий!

Мы уже видели пустыню. Теперь надо немного рассказать о ней.

Каракумы — это 35 миллионов гектаров пустыни: пески, барханы, оазисы на площади, равной Австрии, Дании, Бельгии, Голландии, Португалии и Швейцарии, вместе взятых.

Как предполагают, пески в Каракумах были не всегда — на низменностях возле Каспия росли леса, высокие травы. Об этом говорит чудесная находка в Прикаспии — скелет слона. Длина черепа его — полтора метра, вес скелета — 800 килограммов. В пустыне такой громаде не прокормиться. Да и само слово «Каракумы» означает «черные пески», то есть пески, закрепленные растительностью.

Есть вода — нет пустыни. Недалеко от города Куя-Ургенч, что на севере Туркмении, широкая равнина Налач-Баба. Некогда была она голая, почти безводная, но прорыли арык, и появились фруктовые сады, виноградники. В XII веке был Куя-Ургенч столицей процветающего Хорезмийского царства. Гончары, медники, кузнецы, оружейники, ткачи, ювелиры — богат был город мастерами.

Монголы, прежде чем двинуться на Русь, побывали здесь. Шесть месяцев штурм выдержал город. И тогда враг

разрушил плотину на Амударье. Сначала город был затоплен наводнением, а потом разорен полчищами завоевателей.

Но жизнь в Куя-Ургенче возродилась. Снова летела по Востоку молва о скажочных его базарах, о великих его мастерах, о богатстве города и красоте мечетей. И снова пришел враг.

Жестокий Тимур приказал сравнять с землей столицу Хорезма и на той земле посеять ячмень. Кто знает, почему исполнители ослушались. Уцелел знаменитый шестидесятиметровый минарет, уцелели мавзолеи XII—XIII веков Текеша и Тюрабек-ханым.

О мастере, построившем минарет в Куя-Ургенче, рассказывают легенду. Когда минарет был закончен, шах приказал убить мастера, лишь только он сойдет на землю, чтобы не было нигде подобного минарета. Узнав об этом, мастер сделал себе крылья из камыша и улетел в Хиву, потом в Бухару, а потом в Индию. В Индии он построил знаменитый на весь мир Тадж-Махал. Кончается оазис, и опять пески. Но пески не столь уж необитаемые. Тысячные стада овец пасутся на них. Раньше такие стада нечем было напоить, а теперь на помощь пришла техника: мощные насосы поднимают воду из глубин земли. Пейте на здоровье! А овцы у нас в Туркмении не простые — каракульские.

Бедна пустыня водой, однако богата нефтью. Кормит она всю Туркмению солью, а своими целебными источниками спасает людей от болезней.

С давних пор видели жители пустынь чудо: земля вдруг разверзалась и взлетал к небу столб огня. Пылало дни, недели, месяцы. Люди обходили стороной гнев-огонь! Теперь называем мы это газом — голубым топливом.

И еще о чудесах: в марте 1965 года в поселке Дарганата пошел дождь с грозой, который перешел в град, а затем на землю посыпались лягушки и ма-

ленькие рыбы. Не каждый такое видел! Но ученые чудес не признают, они утверждают, что где-то смерч опустошил озеро или болото, а здесь вернул его на землю со всеми обитателями.

Весной после дождя в пустыне прекрасно. Пески покрывает ковер из тюльпанов. Холмы — рубины, равнины — малахит, небо — бирюза.

В пустыне, может быть, вам посчастливится увидеть джейранов — легконогих неуловимых детей пустыни. Не один ученый поверил в сказку, что они живут без воды: слишком далеко от колодцев бродят стада, слишком беспощадно солнце Каракумов.

Я своими глазами вижу, как, вытягивая длинные шеи, наклоняются они над водой Каракумского канала, и бока их вздрагивают и впадают вдруг от величайшей сладости, от священной радости утоления жажды. А когда не было канала?

Есть и у джейранов «водопровод» — высокое, серое от зноя растение с мелочкой на вершине. А по всему стволу чашились, в каждой чаше добрая кружка воды. Джейраны сотню километров могут отмахать за водой, но уж найдут наверняка.

Живет в пустыне варан, или пустынный крокодил; он грозно щелкает пастью, а когда подойдешь поближе, — бежит. Водятся бархатный кот и песчаная рысь. Пролетает множество птиц, но есть и оседлые: сойка, филин, пустынные воробей и ворон. Но больше всего любят здесь индийскую майну: поет весело, искусно, и приручить ее можно.

Много в пустыне змей, но не все опасные. Например, удавчики — безобидны. А вот кобру, эфу, гюрзу надо обходить стороной.

Обитает в Каракумах и гремучая змея. Слышится иногда ночью странный звон, и все настораживаются: гремучая змея вышла на охоту.

По северо-восточной границе Туркмении с Узбекистаном течет Амударья. «Джейхун» называют ее у нас, что значит «могущественная», «непостоянная», «неукротимая». Местные жители говорят: «Пока видим, знаем — река рядом. Но кто поручится, что завтра она будет здесь?»

Амударья — дочь Памира. Бешеный Пяндж и яростный Вахш, сливаясь, образуют ее. Где уж тут быть спокойной! И мчится река как ей вздумается: то она шириной с километр, то пять километров! Много рыбы в ней бывает, и очень крупной. Попадают огромные сомы. Есть здесь и белуга.

Берега Амударьи голые, а если встречаются заросли, то труднопроходимые, как джунгли.

Коль повернуть Джейхун,
Урожай станет обильней,
Пустыни Туркменистана
Превратятся в цветник.

Мечта... Мечта о цветущей земле. Если Амударью повернуть в пески, они исчезнут. Но кто может остановить Джейхун? Кто посмеет указать ему новую дорогу?

Разговоры о канале через пустыню велись уже в начале нашего века. После установления Советской власти в Туркменистане за дело взялись всерьез. Сооружение канала Басага — Керки было одним из крупных строителей, начатых молодым государством. Канал протянулся на 40 километров и наполнил тысячи гектаров земли.

Большой разговор с Джейхуном начался в 1956 году. Работали не кетменами и лопатами, а земснарядами. Опыта строительства подобных каналов занять было негде. Каракумский канал — сооружение уникальное.

Тракторы, бульдозеры, скреперы сдвинули в сторону барханы. Но случилась песчаная буря — и сдвинутый бархан снова на старом месте. Трудно, очень трудно удерживать песок, наступающий со всех сторон.

В 1959 году канал соединился с рекой Мургаб. В мае 1962 года желтые воды Джейхуна засверкали под Ашхабадом. Теперь воды Амударьи пускаются в новый, трудный путь через пустыню — к городу Небит-Дагу.

Отправимся в последнее наше путешествие — на юг республики. Из Ашхабада до Мары полетим самолетом. Современный Мары — крупный транспортный узел. В городе много промышленных предприятий. А в ближайшие годы он станет главным энергетиком Туркмении — начато строительство крупнейшей в Средней Азии ГРЭС. Раньше город называли Мервом. В XI—XII веках он был богатым и культурным. Имел большую библиотеку, школы, даже школу для подготовки государственных чиновников, чеканил собственную монету (до нас дошли монеты XIII века). Мерв стоял на больших караванных дорогах. Здесь проходил путь из Индии и Китая, прозванный европейскими купцами «Большой шелковой дорогой». В наши дни осталось немного караванных троп, но все еще есть нужда и в «кораблях пустыни». От Мары едем автобусом в Байрам-Али. Здесь санаторий, излечивающий болезни почек. Совсем близко от него знаменитый мавзолей султана Санджара (XII век). Можно и пешком дойти. Высятся мавзолей над мертвым городом. Вместо домов — бугорки, холмы, вместо улиц — ложбинки. Засыпан он землей, размыт дождями. Глиняная стена кое-где цела еще. Здесь стоял Древний Мерв, уничтоженный Чингисханом. Мавзолей султана Санджара — памятник удивительный. Много в нем загадок. Он построен так хитро, что над могилой султана даже в самую тихую погоду дует ветер. Мавзолей шатали землетрясения, но он стоит, одинокий и гордый, среди мертвого города.

Мургаб — вторая после Амударьи река Туркмении. По берегам его выращивают тонковолокнистый хлопок. Культура эта требует огромного труда, но зато и урожай бывает щедрым. На левом берегу Мургаба длинная полоса садов: яблоки, виноград, сливы, персики, урюк, вишни. А по правому берегу проходит железнодорожная ветка Мары — Кушка, ведущая на юг, в сторону удивительного уголка республики — Бадхызского заповедника, раскинувшегося в междуречье Теджена и Мургаба. Есть в Туркмении горы, леса, море, пустыня. Есть и своя саванна — вкусная саванна, фисташковая. Деревья растут далеко друг от друга, а травы — в рост человека. Идешь в зарослях ферулы, гигантских зонтичных растений, и кажется, что попал в фантастический мир каменноугольных лесов и следишь за каждым твоим движением тысячи глаз. Так оно, наверное, и есть. Следят за тобой глаза джейрана и кулана, лисицы и дикой кошки, а может, где-то поблизости притаился гепард — редкое хищное животное. Но подлинной жемчужиной Бадхызского заповедника ученые называют кулана. Кулан — дикий осел. Он крупнее осла и меньше лошади. Хвост его коротковат, голова крупная, тяжелая, а все-таки он строен и изящен. Кулан темно-желтого цвета, грудь и брюхо белые, через всю спину от гривы до хвоста — темная лента. Кулан очень быстр и вынослив. Приручить его трудно. Сейчас в заповеднике около тысячи куланов, а когда-то огромные стада паслись по всей южной Туркмении. Живут здесь степной кот, ласка, гиена. Гиена — известный санитар: она пожирает трупы погибших животных. Летом этот мрачный хищник забирается на огороды, бахчи и лакомится дынями и арбузами. Замечательное место в заповеднике — ущелье Кизыл-Джар. На его склонах обитает житель высокогорья — архар.

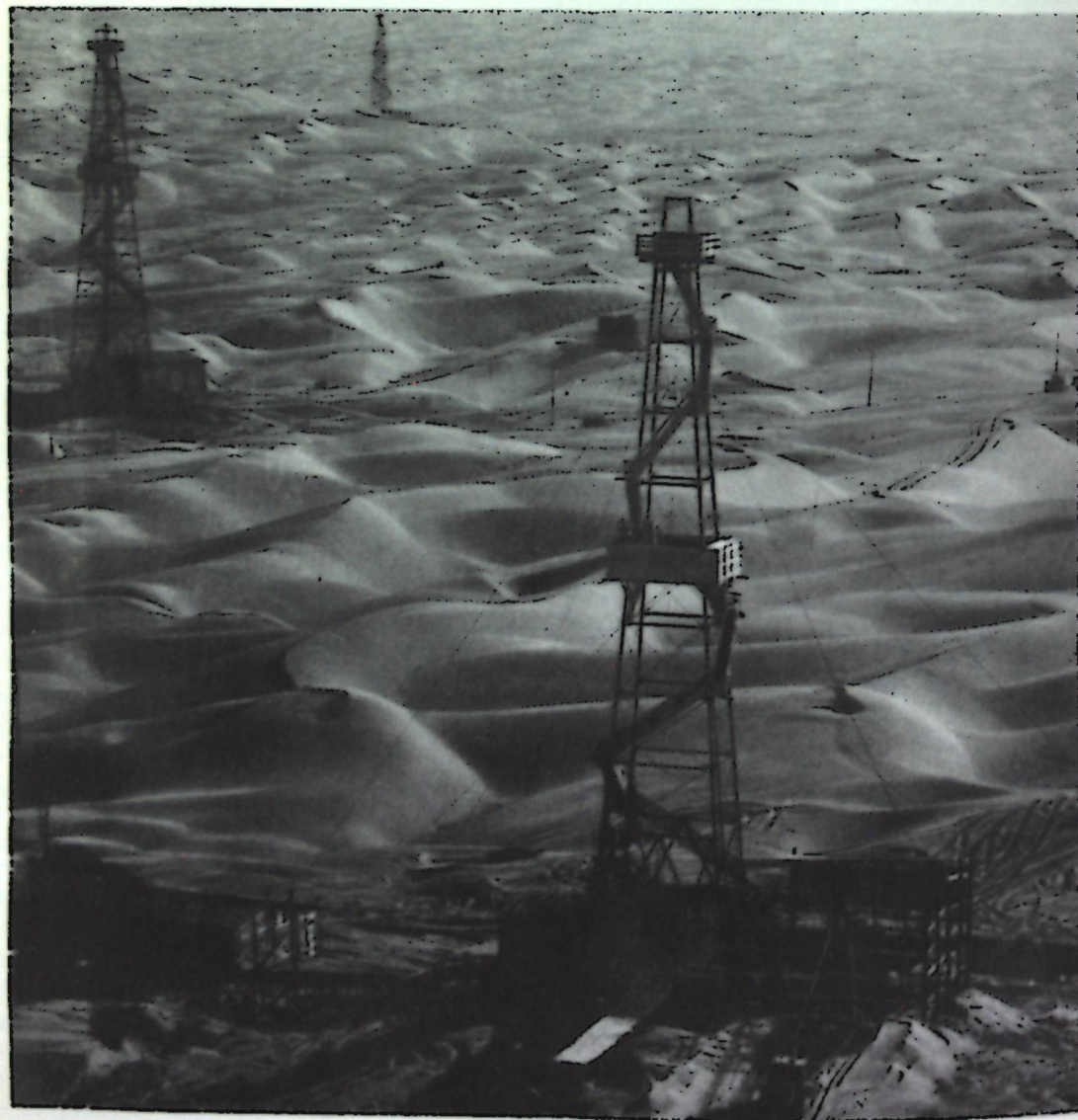
Один из уголков ущелья носит название «Скала пернатых хищников». Хозяином здесь белоголовый сип. Много в Бадхызе кабанов, дикобразов, есть барс, забредают волки. Богат Бадхыз и змеями. Среди них почетное место ядовитым — гюрзе и кобре. К ним относятся с большим вниманием: ведь из яда змей изготавливаются десятки целебных препаратов. Яда требуется все больше и больше, но вот беда — ядовитых змей становится меньше, и неволю они переносят плохо. Ныне люди берут этих пресмыкающихся под охрану, думают об их потомстве. Но основное внимание работники заповедника отдают фисташковой роще. Фисташка — ценное орехоплодное растение. Смолы его идут в лакокрасочную промышленность. Древесина красивая, плотная. Самое важное качество фисташкового дерева — его засухоустойчивость. Для безводной Средней Азии фисташка — золотое дерево. Его сажают на выжженных солнцем холмах, которые почти круглый год не видели воды, и оно растет. Никогда не забудет Бадхыза тот, кто, пробившись сквозь заросли ферул, выходит к впадине Еройландуз. И неважно, в какое время года. Весной впадина, окруженная сопками, становится соленым озером. Тысячи перелетных птиц отдыхают здесь. Летом озеро высыхает — теперь это ослепительно-белое зеркало. Во время зимней непогоды в Еройландузе собираются стада куланов и джейранов, приходят кабаны и, конечно, хищники. Сказочное место, фантастические картины!

Но вот и окончено наше путешествие по Туркмении. Пора ставить точку, а кажется, рассказ только начинается. Ты сам, читатель, продолжишь его и полюбишь мою Туркмению, как я, когда ступишь на ее землю.

Каюм Тангрыкулиев

Нефтяные вышки в Каракумах

На Ашхабадском море

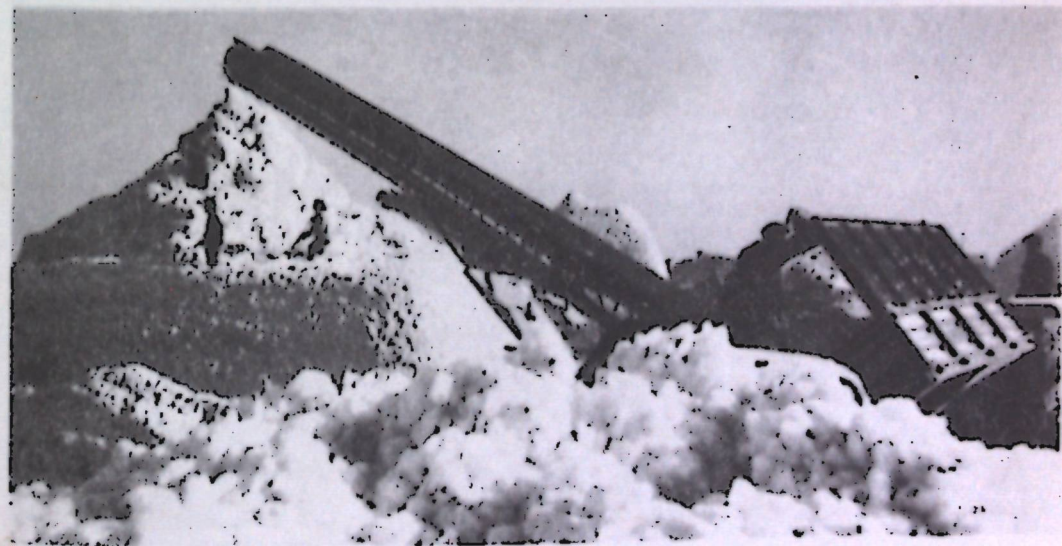
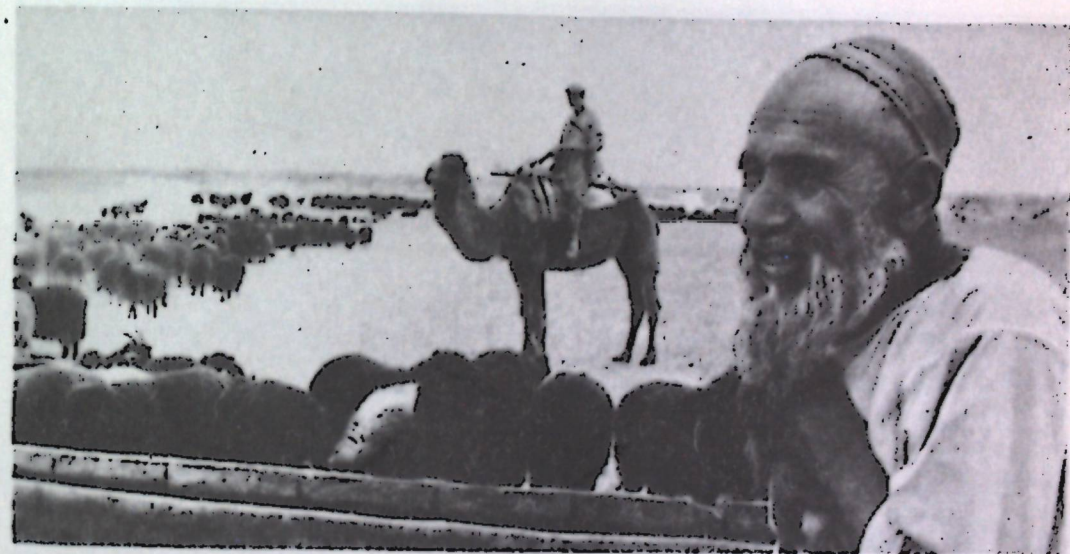

Туркменские ковры.

*Чабан
Будущие миллионы метров тканей*

Эстонская ССР

Каждый километр

С самолета можно окинуть взглядом почти всю Эстонию разом. С трех сторон она окружена водой: с запада и севера — морем, с востока — Чудским озером. Эту полоску земли между двумя большими водными просторами веками раздирали то шведские, то польские войска, то рыцари разных орденов. Чудское озеро — удобный путь для перевозки людей и товаров, оно служило как русским, так и эстонцам. Новгородские купцы привозили в Эстонию древесину и меха, в обмен получали масло, крахмал, скот.

Но когда Чудское озеро хотели использовать как бранное поле, оно становилось могилой захватчиков. На его льду произошло историческое Ледовое побоище. В старинной летописи сказано, что была на озере битва великая, было слышно, как ломались копья и мечи, как трещал лед, но самого льда видно не было — все озеро было покрыто кровью.

Многолико Чудское озеро. В жаркий летний день оно встречает вас зеркальной гладью, вода голубая-голубая, песчаные берега теплы и ясны. В дни осенних штормов озеро смотрит хмуро и грозно, штормы свирепы и суровы, как на море. Зимой озеро сковано толстой броней льда, но и тогда оно неспокойно. Как-то зимним воскресным днем рыболовов, унесенных на дрейфующей льдине, удалось спасти только вертолетами. Одно из крупнейших в Европе озер, Чудское богато рыбой,

есть здесь ерши, окуни, сомы, лещи, ряпушки и, конечно же, чудской снеток. Хотите верьте, хотите нет, но за чудским снетком сюда приезжают рыболовы даже из Сибири.

Весной, освобождаясь от льда, озеро выбрасывает на берег ледяные глыбы. Лед разбивает причалы и угрожает разрушить приотвишиеся на берегу баньки. Когда же лед уходит, водный простор выглядит таким прекрасным и могучим, что можно часами стоять на берегу и любоваться его величием. «Воскресните в моей памяти леса, дикие, угрюмые! Вы, ели, до небес восходящие, сосны темно-зеленые, вековые дочери Эстонии, блата непроходимые, — ныне вспоминаю Вас!

...Увижу ли тебя еще раз в жизни, Чудское озеро? Удастся ли мне бродить по песчаному твоему берегу?» — спрашивал русский поэт-декабрист Вильгельм Кюхельбекер в своей повести «Адо», известной также под названием «Эстонская повесть». Кюхельбекер жил в детстве на берегах Чудского озера. Со сланный на поселение в Сибирь, он никогда больше не вернулся в страну детства, в страну мечтаний, в Причудье. Чудское озеро стало для него рубежом, недостижимым до конца жизни.

Чудское озеро было и тем рубежом, перейти который стремились эстонские рабочие. Летом 1940 года, когда трудящиеся Эстонии взяли власть в свои ру-

ки, были снесены пограничные столбы и колючая проволока, отделявшая Советский Союз от моей родины. Первыми пересекли открывшуюся границу делегаты вновь провозглашенной Советской Социалистической Республики Эстонии, которых народ послал в Москву с просьбой принять Эстонию в семью советских народов. Когда специальный поезд достиг границы, посланцы народа овациями приветствовали пограничный столб с Советским гербом.

«Когда свидимся вновь, Чудское озеро?» — спрашивали фронтовики в годы войны. Чудское озеро было тем рубежом, о котором мечтали бойцы Эстонского национального корпуса, сражавшиеся на фронтах Великой Отечественной. В память тех, кто в 1944 году здесь, в Причудье, пал смертью героев, в прибрежной деревне Катасе поставлен мемориальный камень.

Озеро помнит все, что ему довелось слышать и видеть. Летом сорок первого года сюда были доставлены орудия с крейсера «Аврора», чтобы усилить местный флот. Когда же пришлось покинуть пограничное озеро, орудия были закопаны в прибрежные пески. Двадцать пять лет спустя, летом 1966 года, боевые орудия «Авроры» были выкопаны и возвращены в Ленинград. Чудское озеро сберегло эти реликвии.

Озеро, наверное, и впрямь обладает особым свойством — оно бережливо. Почему-то именно в Причудье лучше всего сохранились устное народное творчество и замечательные работы народных мастеров.

В Причудье, на кладбище в Вярса, похоронена Анне Вабарна — знаменитая народная сказительница. Устные сказания этой неграмотной женщины составляют в записи более четырех тысяч страниц, хранящихся ныне в Тартуском литературном музее; ее песни звучали в Москве и в Финляндии; она открывала наши праздники песни, учила диа-

лекту ученых-филологов, несла в деревню веселье старинных свадеб, а на похоронах близких звучали ее прекрасные древние плачи. Сколько песен она знала, никто перечест не может. Она сама говорила, что у нее столько песен, сколько песка на побережье Чудского озера, сколько звезд в небе, сколько иголок на ели.

Поразительны изменения на некогда скудных полях и в рыбацких селах Причудья. На эстонском берегу Чудского озера теперь три города, своя промышленность и гавани, модные магазины, столовые и кемпинги; есть все, что делает путешествие приятным и удобным: Только причудские дороги никакая сила не может выпрямить. Дорога идет по побережью, повторяя причудливые извилины берега.

Рассказывают, что в давние годы осенью на побережье Финского залива мальчишки-пастухи соорудили небольшой очаг из коричневых плоских камней, которых было вокруг сколько угодно, развели костер — и испугались: камни очага загорелись и пылали гораздо лучше, чем сырой хворост.

Камень горит! Говорят, что некоторое время спустя один из хуторян построил баню из собранных в поле камней. Баня эта сгорела дотла, лишь только он попробовал затопить ее: Осталась только куча коричневой золы.

Камень горит! Теперь уже ничего не оставалось, как собрать в поле несколько странных камней и отправить в Петербург ученым — пусть разберутся.

Так было открыто важнейшее богатство недр эстонской земли — горючий сланец. Сланец — это электроэнергия, строительный материал и, прежде всего, химия.

Все это получило начало здесь, совсем рядом с шоссе Ленинград — Таллин, и

само шоссе положено на твердом сланцевом грунте. У кромки шоссе своеобразный памятник — маленькая вагонетка, груженная сланцем. На вагонетке надпись: «Здесь в июне 1916 года был добыт первый сланец для промышленного использования. 1916—1966». Именно здесь, на поле бывшей мызы Ярве, была заложена первая эстонская сланцевая шахта. Отсюда же пошел в Ленинград в 1948 году первый эстонский сланцевый газ, добытый промышленным способом. Я помню Кохтла-Ярве с лета 1939 года. Город показался мне совершенно серым: серые бараки, серые терриконы, серые лица людей, серые чахлые кусты и серое небо; от густого горького дыма даже развешанное на веревке белье покрывалось серыми пятнами зола. Улицы были настолько унылы и однообразны, что казалось удивительным, как шахтеры по вечерам находят свои бараки. Даже названия поселков были уныло-серые: Суйтсукюла («Дымная деревня»), Хядакюла («деревня Беда»), Порикюла («деревня Грязь»). Только в районе Сиидсука («Шелковый чулок») небо и земля были натурального цвета: здесь, в стороне от труб и шахт, куда не достигал ядовитый дым, стояли дома администрации. Я не знаю в Эстонии другого места, где за последние годы произошли такие поразительные изменения, как в сланцевом бассейне. В бассейн Кохтла-Ярве влилось несколько рабочих поселков, площадь его более 430 квадратных километров. Между его отдельными районами раскинулись поля, рощицы, парки. В долине реки Пюхайыги разбит парк Ору. И морское побережье здесь покрыто большими плоскими глыбами, которые местами громоздятся, как скалы, а местами покрывают побережье гладкими плитами. Не знаю, как вы на это посмотрите, но у меня сложилась привычка: из всех мест, где мне пришлось побывать, брать

с собой на память какой-нибудь камушек. Кусочек горючего камня сланца такой же символ Советской Эстонии, как морские волны на нашем флаге и снопы ржи на гербе республики.

Хаапсалу по-настоящему маленький городок. Маленький даже для нашей небольшой республики. Поэтому не удивляйтесь, если на хаапсальском вокзале вам скажут, что их крытый перрон самый большой в республике. Ведь должно же быть и у самых маленьких что-то самое большое!

Славятся и большие хаапсальские платки — вязанные из тончайшей шерсти кружевные шали. Кружева так нежны, что весь платок легко продвигается сквозь обручальное кольцо. Но в Хаапсалу есть и такое, что действительно не встретить ни в одном другом городе Эстонии. Здесь изготавливается особенная толстая и мягкая материя, из которой шьют теплые купальные халаты. И еще здесь есть замечательный санаторий. Хаапсальские лечебные грязи славятся уже более ста лет. Особой заботой окружена санаторная школа-интернат для детей, перенесших полиомиелит. Бывают пациенты даже из Владивостока и с Сахалина. Желающих лечиться в Хаапсалу очень много, и поэтому в текущей пятилетке здесь будет построена новая грязе-и водолечебница. Ее корпус расположен неподалеку от бульвара Чайковского.

В свое время по Хаапсальским бульварам любил гулять Петр Ильич Чайковский. Вместе с братьями он бродил у старых развалин орденового замка, по извилистому побережью, по сосновым лесам, заходил в рыбацкие деревни. В Хаапсалу Петр Ильич начал работать над своей первой оперой — «Воевода». Говорят, что в Хаапсалу композитор услышал и записал эстонскую народную песню «Каллис Мари» («Милая Мари»), которую использовал в

своей последней, Шестой, симфонии. На приморском бульваре вы можете отдохнуть на мемориальной скамье Чайковского. Скамья сделана из белого эстонского мрамора. На спинке — бронзовый барельеф композитора, в камне высечены ноты эстонской мелодии «Каллис Мари». Чайковский открыл этой песне дорогу в вечность. А фортепьянный цикл Чайковского «Воспоминания о Хаапсалу» навсегда сохранил восхищение композитора идиллической прелестью городка, причудливой игрой светотеней на развалинах старого замка, легендой о хаапсальской «Белой даме».

С моря и с суши издали видны стены замка и стройный силуэт башни. Развалины Хаапсальского замка — один из замечательных памятников средневековья в Эстонии. О таинственных подземельях и башнях народ создал поэтичные легенды. Самая известная из них — история хаапсальской «Белой дамы».

Когда Хаапсальский замок был главной квартирой епископа, женщинам строжайше запрещалось появляться там. Но один из обитателей замка нарушил запрет. Он любил прекрасную пастушку и переодетую в платье мальчика-певчего возлюбленную тайно провёл в замок. Однажды один завистливый монах донес об этом епископу. И вот в то время, как обитатели замка были в соборе, где совершалось богослужение, епископ велел обыскать комнату, где жил мнимый певчий. Вместо мальчика в камерке оказалась прекрасная девушка. Был создан высший церковный совет и принято жестокое решение: девушку замуровали в стене. С той поры в лунные августовские ночи в окне часовни можно видеть четкий силуэт женщины в белом. Но это уже не легенда. Я сама видела «Белую даму». И вы сможете ее увидеть. Дама появляется только раз в год — в середине августа, в пору ясных лунных ночей.

Как возникает это явление? Приезжайте и разгадайте сами. Тех, кто ждет встречи с «Белой дамой», в Хаапсалу всегда много. И может быть, здесь дело совсем не в том, чтобы раскрыть тайну этого оптического явления. Важно другое — ощутить романтику маленького древнего города.

Но «Белая дама» далеко не единственная достопримечательность Хаапсалу. На углу улицы Вийдеманны, названной в честь известного эстонского языковеда, стоит одноэтажный домик, по внешнему виду которого трудно предположить, что когда-то здесь побывал Петр I. Обдумывая возможность создания Балтийского флота, Петр I в 1715 году неожиданно прибыл в Хаапсалу. Из гавани его направили в дом Фогта Енкена. В то время Фогт как раз чинил крышу. Говорят, что царь терпеливо ждал, пока хозяин закончит работу. Не знаю, та ли крыша сейчас на домике, но вот стены точно сохранились с тех самых пор.

Славу, замечательного курорта Хаапсалу принесло открытие целебных свойств морских грязей. В лечебных целях их впервые использовал доктор Карл Абрахам Хунниус. Однажды на берегу залива Вийги он увидел старого рыбака, с ног до головы обмазанного грязью, который грелся на солнце. Рыбак рассказал, что это очень помогает от ревматизма. Заинтересовавшись рассказом старика, Хунниус начал заниматься исследованием целебных свойств грязей. Его первыми пациентами были солдаты Хаапсальского гарнизона, которые после походов против наполеоновской армии болели ревматизмом. Лечение дало хорошие результаты.

Остров Сарема (островная земля) велик: в длину менее ста километров, в ширину — около сорока. За один день его можно проехать вдоль и поперек и

каждый раз открывать при этом что-то новое, чего не знал или не замечал раньше. На каждой дороге острова есть что запомнить — с каждого клочка земли здесь смотрит история...

8 августа 1941 года в небе над Берлином, считавшимся до этого времени недостижимым, появился советский бомбардировщик. В то время радиус действия даже самых мощных самолетов был гораздо меньше, чем расстояние от Берлина до линии Восточного фронта. Неожиданный налет для фашистов так и остался загадкой. Никому не могло прийти в голову, что плацдармом для советских самолетов был маленький эстонский островок Сарема.

На стене бывшей Паадлаской школы, где осенью 1941 года жили успешно выполнившие боевое задание летчики, теперь установлена мемориальная доска. Гвардии полковник Евгений Преображенский, летчики Михаил Плоткин, Василий Гречишников, Андрей Ефремов и Петр Хохлов за эту операцию были удостоены звания Героя Советского Союза. Родом с Сарема первооткрыватель Антарктики Ф. Ф. Беллинсгаузен. На Сарема рос и учился один из основателей Коммунистической партии Эстонии Виктор Кингисепп.

Сарема — родина семьи Эллам, семьи, каждое поколение которой всех своих сынов и дочерей отдавала служению делу революции.

На Сарема родился первый эстонский колхоз, созданный осенью 1946 года.

На острове родились и выросли писатели Юхан Смуул и Ааду Хинт, многие поэты, деятели культуры, ученые. Если в метрике кого-либо указано, что он родом с Сарема, то это лучшая рекомендация. На островитян всегда можно положиться.

На каменистой почве Сарема растет такое, чего не встретишь нигде в других местах. Посреди острова есть возвышенность, которую называют Виндумяги (в переводе — Лесистая гора).

Виндумяги словно бы естественный ботанический сад. Треть растений, подлежащих в Эстонии охране, мы найдем на горе Винду. Тут цветет саремаская рябина ария, которая в природных условиях не растет больше нигде в Советском Союзе. На просеках и засушливых полянках встречается африканское растение, известное под названием «зверобой». Болото Виндумягского заповедника — единственное в стране место, где растет ситник тупоцветковый — реликтовое растение, открывающее прошлое природы. Виндумяги стала Меккой ботаников именно потому, что природные условия, в которых тысячелетия назад развивались предки современных растений, изменились здесь очень мало.

В начале августа болото сплошь покрывается неведомыми светло-желтыми цветами. Это не клевер и не обычный погребок. Неизвестное растение открыл в 1933 году врач и ботаник-любитель Б. Саарсоо. Больше нигде в мире такое растение не встречается, только здесь, в сердце нашего маленького острова.

В чем же дело? Ботаники утверждают, что это растение доледникового периода. Предполагается, что его родиной могли быть Балканы или Малая Азия. Быть может, эзельский погребок попал на Виндумяги в те времена, когда на выступившем из моря острове только зарождалась растительность. Считают, что это могло быть примерно 8000 лет назад.

Загадка Саремаского озера Каали значительно моложе загадки погребка. В 18 километрах от столицы Сарема находится совершенно круглое озеро. Вокруг него абсолютно правильным кругом расположен вал, покрытый вековыми деревьями. По этому валу вокруг озера ведет тенистая тропинка — дорога влюбленных. Это граница своеобразного естественного концертного зала: в долине озера Каали заме-

чательная акустика. Из далеких и близких краев приезжают сюда хоры, чтобы проверить звучание своего пения. Как вы знаете, в Эстонии нет недостатка в хорах.

Еще в прошлом веке ученые начали искать причину возникновения таинственного озера. Предполагали, что остров Сарема возник в результате действия вулканов и Каали родилось от «взрыва подземного пламени».

Считают, что загадку озера Каали решил эстонский инженер И. Рейндвальд. Ему удалось доказать, что озеро Каали образовалось за 700 лет до нашей эры вследствие падения метеорита. В настоящее время на Земле известно 12 кратеров метеоритов. Из них только озеро Каали расположено в населенной местности и поэтому вполне доступно для исследования.

Совсем рядом с нами есть еще одна загадка, которую тщетно старается разгадать человечество вот уже не одну сотню лет.

С тех самых пор как на земле живет мыслящий человек, его интересуют торопливые стаи птиц, что осенью летят на юг, а весной вновь возвращаются на север.

Саремское птичье царство Вильзанди — родной дом для перелетных птиц. «Птичье общество» крепко защищено здесь от обидчиков — сюда можно попасть только на лодке, да и то лишь в том случае, если позволяет погода. Маленькие каменистые островки у западного побережья Сарема — древнейшее в Прибалтике птичье государство.

Сотни тысяч перелетных птиц колышутся, и на кольцах помечаются дата и название места кольцевания. О чем же рассказывают алюминиевые кольца, прикрепленные к лапкам птиц? Читать язык этих колец меня научил биолог Фред Юсси. Блокнот и фотоаппарат ученого запечатлели много интересных сведений о жизни крылатых странников. Одна чайка, которая в

воскресенье еще не умела летать, в следующую субботу уже оказалась на острове Готланде. Окольцованный в Вильзанди эстонский скворец был обнаружен во Франции. В Италии попала в сети чайка, окольцованная 48 лет назад! Какие дальние страны и моря знакомы нашим перелетным птицам! Наше маленькое птичье царство — родина и той замечательной гаги, которая спасла жизнь многих полярных исследователей. Одежда, подбитая гагачьим пухом, легкая и теплая. Из полукилограмма гагачьего пуха получается легчайший и теплый спальный мешок.

Продолжительное время Сарема был окружен мрачной тайной: здесь, в селении Айдаку, в лепрозории, находились изгои общества — люди, заболевшие проказой. Эта болезнь была в XIII—XIV веках настоящим бедствием для островитян. Инкубационный период ее длится иногда годами, и жители испытывали постоянный страх — не затаилась ли в них роковая болезнь.

Писатель Ааду Хинт, детство которого прошло на Сарема, недалеко от лепрозории, вспоминал, что островитяне не решались открывать ворота голой рукой, опасаясь, что их могла коснуться рука прокаженного. Даже землянику боялись есть, избегали троп, ведущих к лепрозории. Проказа взяла много жертв, прежде чем была полностью ликвидирована. Большая заслуга в победе над ней принадлежит известному ученому Александру Пальдеру. Разработанная им методика лечения проказы нашла свое применение во многих странах мира. Ничто в Айдаку не напоминает теперь о тяжелом прошлом. Лишь препараты «Солганал», «Лепнон» и «Углекислый снег», расходившиеся отсюда по всему свету, расскажут о большой беде маленького острова и о том, что человек в силах сделать в борьбе с недугом.

По пути с Сарема на материк есть еще один остров — Муху. Между двумя островами построена дамба, по которой они сообщаются между собой. По обеим сторонам дамбы плещутся волны Балтийского моря. Берега не видно. Только чайки. А по весне — лебеди, которые любят отдыхать здесь по пути домой. Сотни лебедей, тысячи, белых, черных. Нет ничего прекраснее и грациознее лебедя, поднимающегося с воды в полет! Если бы увидели их здесь, они запомнятся вам навсегда. Лебеди — верные спутники маленького острова.

О, я могла бы много рассказать вам об этом острове! Но мне хочется, чтобы вы сами открыли его для себя. В Эстонии 800 островов, среди них есть и крупные и маленькие. Но нет ни одного скучного. Есть места исторических событий, есть колхозы, современные рыбные гавани и рыбокомбинаты, и все это окружено морем, гомоном морских птиц, и во всем есть какое-то необъяснимое своеобразие, какой-то свойственный только нашим островам дух.

Свой остров каждый должен найти сам.

В Южной Эстонии — горы, озера и леса. Конечно, это не Кавказ, а по сравнению с тайгой наши леса кажутся парками. Но озер такое множество, что не у всех еще есть даже имена. Среди лесов и холмов затерялось озерко Вальгьярв (перевод — «Светлое»), в котором поразительно прозрачная вода, а на дне видны развалины какого-то каменного строения. Предание гласит, что озеро когда-то поглотило мызу Сааре.

На обломке скалы высечены тучные колосья — знак признательности человеку, который в этих краях терпеливым, упорным трудом заставил землю давать хорошие урожан. Фридрих Берг

вывел на полях Сангасте новый сорт ржи, положив начало работе эстонских сортоиспытательных станций. Наши поля никогда не отличались плодородием. Скучные полоски земли давали больше камней, чем картофеля. Каждый год крестьянин с полей убирал все новые и новые камни. Из камней складывали изгороди и стены, которые с годами становились все выше и выше. Возрождение эстонских полей наступило с созданием колхозов. Урожай ржи сорта «Сангасте» и других зерновых культур достигает на колхозных полях Эстонии 20—23 центнеров с гектара. Но особенно славятся наш молочный скот и свинофермы. В животноводстве все производственные показатели нашей республики выше среднего по стране.

Даже глазам туриста очевидна интенсивность использования земли в Эстонии. У нас вы почти не увидите просто земли; вы увидите поля зерновых, поля картофеля, огромные парники, культурные луга, увидите ухоженные покосы и леса, в которых на учете каждое дерево.

Земля раскроет перед вами труд людей. Земля и камни.

Если вы заметите у дороги, близ поля или рощи груды камней, окруженную молодыми деревцами, остановитесь. На камнях вы прочтете имена людей, осушивших эту землю и заставивших ее служить человеку. Имена и даты. Камни, которые еще тридцать лет назад рассказывали о тяжелом и беспросветном труде эстонского крестьянина, говорят теперь о победе колхозного строя, о всесоюзной славе эстонского земледельца. Я не буду называть колхозы и совхозы, где вы можете ознакомиться с нашим сельским хозяйством. В какое бы хозяйство вы ни приехали, вы найдете высокий уровень и настоящую производственную культуру. Только ни в коем случае не начинайте среди бела дня, в разгар рабо-

ты, длинных разговоров с пахарем. На озере Вальгьярв колхозный тракторист сказал мне, что земля кормит и поит, если за нее держишься, и не любит, когда от нее без дела отрывают.

Наш Кремль, Таллинский Тоомпеа, снизу доверху сложен из камней.

Тоомпеа — сердце Таллина. Здесь собирается Верховный Совет республики. Заседания проходят в том зале, где летом 1940 года представителями трудового народа была провозглашена Эстонская Советская Социалистическая Республика.

Десятки тысяч туристов из самых различных концов Советского Союза ежегодно приезжают к нам. Знакомятся с Таллином, восхищаются Вышгородом, каменными стенами, башнями, зданиями города-музея, убеждаются, что город растет, становится все красивее.

Одна из народных легенд говорит, что каждый год из озера Юлемисте выходит живущий на его дне злой старик и спрашивает у городского сторожа, выстроен ли город. И услышав ответ, что все еще строится Таллин, ворча, возвращается на дно озера. Ибо если бы город был закончен, старик затопил бы его. А так — не может.

И — никогда не сможет.

Многие туристы посещают курорт Пярну, отдыхают на морском побережье, заезжают в Тарту — один из самых старых университетских городов. Словом, мы не можем пожаловаться на недостаток интереса к нашей республике.

Но мне хотелось рассказать вам хоть немного и о других местах, достойных вашего внимания. Может, это пригодится вам, когда приедете.

Ну, а пока до встречи! Пусть каждый километр наших дорог будет для вас только радостью.

Эне Хион

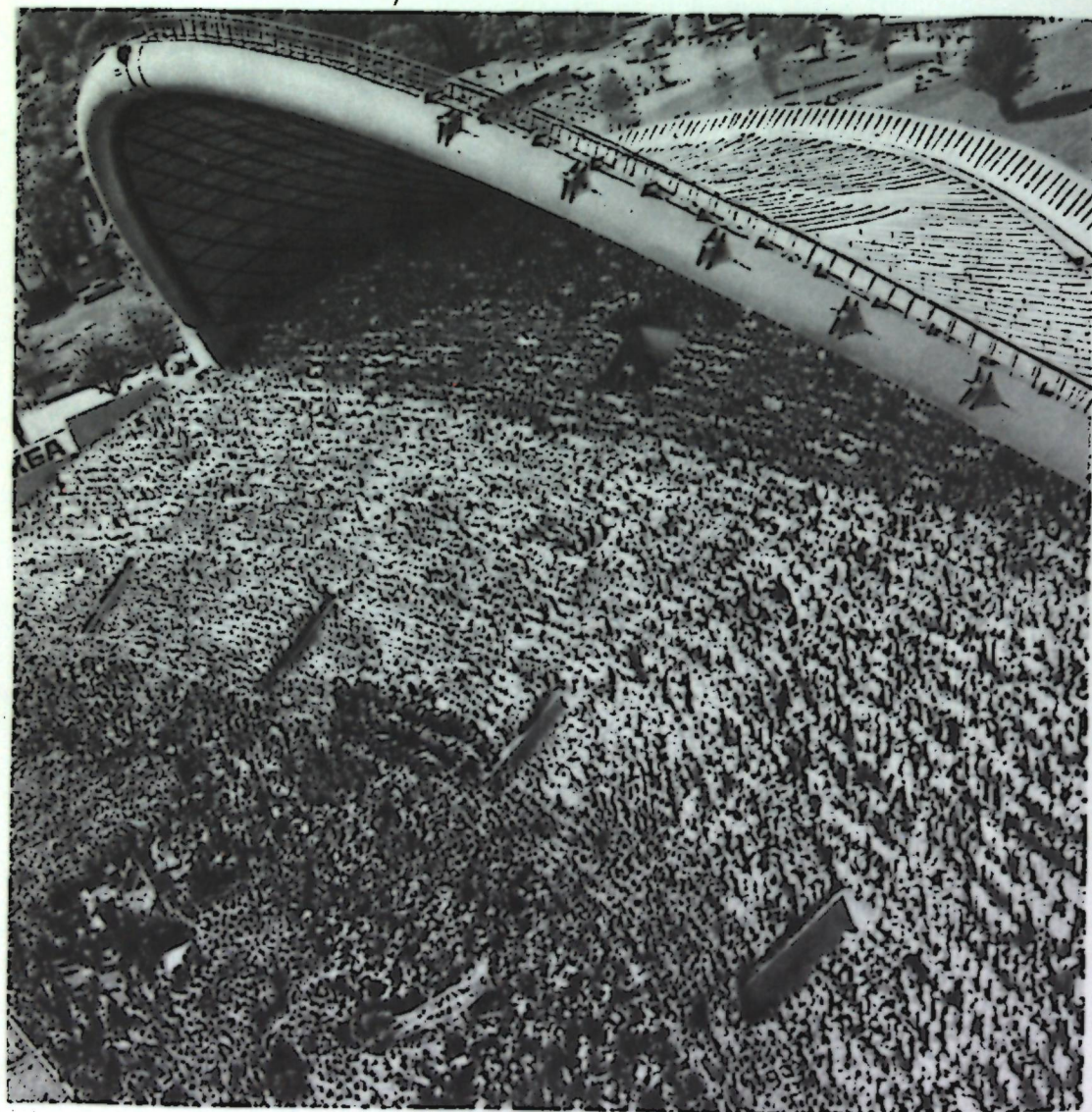

В Таллинском порту

Праздник песни

СР—
ква,
По-
ин-
лю-
Мо-
ск-
78,
92,

9-
1-
2.
7.
1-
1

Присядем перед дорогой

Позади рассказы об увиденном в пути, экскурсии в далекое прошлое, встречи с нынешним днем. Вместе с авторами очерков мы побывали во всех республиках нашего Союза. Теперь пора выбрать и свой маршрут.

Но прежде, чем отправиться в путь, давай присядем, дорогой читатель, и посмотрим, достаточно ли ты знаешь, чтобы пуститься в дорогу.

Если ты решил начать свой туристский сезон с путешествия по путевке, то найдешь в этом разделе книги адреса советов по туризму и экскурсиям, самых популярных турбаз. Автоматотуристу будут полезны схемы размещения мотелей, кемпингов, станций технического обслуживания в наиболее массовых районах туризма.

О правилах организации самостоятельных путешествий здесь узнает тот, кто изберет этот вид отдыха, наиболее полно сочетающий в себе оздоровительное, спортивное и познавательное начала.

И еще рекомендуем: не отправляйся в путь, не ознакомившись с соответствующей литературой. В наших библиографических списках ты найдешь книги по технике пешего, лыжного, водного, горного, пещерного, велосипедного, мотоциклетного и автомобильного туризма, а также книги, которые подробно ознакомят тебя с туристскими маршрутами по каждой союзной республике.

Несколько советов.

Помни: переходить от простых походов к более сложным надо постепенно. Опробовав отправившись в трудное путешествие без достаточной практики и подготовки, ты рискуешь испортить себе не только отпуск, но и здоровье.

Прежде чем устремляться в отдаленные края Советского Союза, познакомься основательно с родным краем. Помни: прекрасное и удивительное находится не всегда «за тридевять земель».

Где бы ты ни был, оберегай природу. Покидая место привала, приведи его в полный порядок. Не забывай: сбереженное деревце, чистый ручей, птица или зверь, которым ты помог или которых пощадил, — все это, помноженное на миллионы заботливых туристских рук, поможет сохранить нам чистое лицо природы.

И последнее — не рискуй зря, всегда стремись к максимальной безопасности перехода. Как говорят туристы, лучше на день позже попасть домой, чем на день раньше — в больницу... Итак, в путь. Легкого тебе рюкзака и попутного ветра!

Путешествуйте по путевкам

Центральный и местные советы по туризму и экскурсиям проводят путешествия по различным маршрутам.

Путевки на маршруты распространяются в основном профсоюзными организациями, а частично поступают в общую продажу за наличный расчет. Более 200 маршрутов — всесоюзные. Путевки на них распределяет Центральный совет по туризму и экскурсиям при ВЦСПС. Перечень всех союзных маршрутов издается ежегодно, а сведения о местных можно получить в соответствующем республиканском, краевом или областном совете по туризму и экскурсиям. Адреса их помещены на стр. 275—276. Большое распространение получили туристские путешествия на пароходах и в поездах. Их расписания составлены с таким расчетом, чтобы иметь возможность посетить все наиболее интересные пункты на маршруте. Туристские поезда состоят из 10—12 купейных вагонов и 3 вагонов-ресторанов. Продолжительность рейсов до 20 дней, отправление поездов из многих республиканских и областных центров. Пароходные маршруты организованы по Волге, Каме, Оке, Белой, по Днепру. Енисею, Оби, Лене, каналам имени Москвы, Волго-Донскому, Волго-Балтийскому. Проводятся и морские путешествия по Черному и другим морям, а также круизы по морям Дальнего Востока.

Запомните адреса

Центральный совет по туризму при ВЦСПС — Москва, М-532, Озерковская наб., 50.
Центральный штаб Всесоюзного похода молодежи и комсомольцев по местам славы советского народа — Москва, Центр, Новая пл., 6/8.
Центральная детская экскурсионно-туристская станция Министерства просвещения СССР — Москва, Ж-33, Волочаевская ул., 38а.
Отдел военного туризма Министерства обороны СССР — Москва, Фрунзенская наб., 26.
Бюро международного молодежного туризма «Спутник» — Москва, Г-19, Лебяжий пер., 4.
Центральный клуб автоматотуристов СССР — Москва, И-473, Делегатская ул., 21/2.

Центральный музей Вооруженных Сил СССР — Москва, И-157, ул. Советской Армии, 2.
Советский комитет ветеранов войны — Москва, Г-19, Гоголевский бульв., 4.
Архив Министерства обороны СССР — г. Подольск, Моск. обл., Варшавское шоссе, 9/а.
Центральный военно-морской архив — Ленинград, наб. Мартынова, 70.
Центральный гос. архив Октябрьской революции и социалистического строительства — Москва, Г-435, Пироговская ул., 17.
Центральный музей Революции СССР — Москва, К-50, ул. Горького, 21.
Редакция журнала «Турист» — Москва, Б-78, Бол. Харитоньевский пер., 14.
Редакция журнала «За рулем» — Москва, К-92, Сретенка, 26/1.

Адреса советов по туризму в наиболее посещаемых туристами районах РСФСР

Алтайский — Барнаул, пл. Ленина, 23. Амурский — Благовещенск, ул. Ленина, 120. Архангельский — Архангельск, пр. Виноградова, 62. Астраханский — Астрахань, ул. Свердлова, 67. Башкирский — Уфа, ул. Пушкина, 85. Брянский — Брянск, ул. Фокина, 29. Бурятский — Улан-Удэ, ул. Ленина, 27.
Волгоградский — Волгоград, наб. Центрального стадиона, 3.
Горьковский — Горький, Краснофлотская, 52.
Иркутский — Иркутск, ул. К. Маркса, 15.
Кабардино-Балкарский — Нальчик, ул. Лермонтова, 25. Калининградский — Калининград, ул. Театральная, 13/19. Камчатский — Петропавловск-Камчатский, Ленинская, 18. Карельский — Петрозаводск, ул. Свердлова, 30. Коми — Сыктывкар, ул. Бабушкина, 4. Краснодарский — Краснодар, Комсомольская ул., 70. Красноярский — Красноярск, ул. Ленина, 124. Ленинградский — Ленинград, бульв. Профсоюзов, 19.
Московский — Москва, Центр, Петроверигский пер., 4. Мурманский — Мурманск, ул. Ленинградская, 21.

Новгородский — Новгород, ул. Штыкова, 13.
Новосибирский — Новосибирск, Красный пр., 67.
Приморский — Владивосток, ул. Ленинская, 87а.
Псковский — Псков, ул. Краснознаменная, 4.
Ростовский — Ростов-на-Дону, Буденновский пр., 21.
Сахалинский — Южно-Сахалинск, ул. Школьная, 93.
Свердловский — Свердловск, ул. Пушкинская, 10.
Северо-Осетинский — Орджоникидзе, ул. Димитрова, 2.
Ставропольский — Ставрополь, ул. Голенева, 73.
Ульяновский — Ульяновск, ул. Кузнецова, 20.
Хабаровский — Хабаровск, ул. Шевченко, 17.
Челябинский — Челябинск, ул. Цвиллинга, 51а.
Читинский — Чита, ул. Ленина, 90.

Адреса республиканских советов по туризму

Азербайджанский — Баку, ул. Сабира, 7.
Армянский — Ереван, ул. Шаумяна, 12.
Белорусский — Минск, пл. Свободы, 23.
Грузинский — Тбилиси, ул. Чавчавадзе, 1.
Казахский — Алма-Ата, ул. К. Маркса, 51.
Киргизский — Фрунзе, ул. Тоголоко Молдо, 17.
Латвийский — Рига, ул. 13 Января, 3.
Молдавский — Кишинев, ул. Котовского, 32.
Таджикский — Душанбе, ул. Красных партизан, 43.
Литовский — ул. Укмергес, 1.
Туркменский — Ашхабад, пр. Ленина, 15.
Узбекский — Ташкент, Луначарское шоссе, 115.
Украинский — Киев, ул. Ленина, 8.
Эстонский — Таллин, ул. Крейцвальда, 23.

Адреса туристских баз *

Украинская ССР

Киев: турбаза «Дружба» — бульв. Дружбы народов, 5; Пуша-Водица — ул. Молодежная, 76; Водная база — Никольская слободка, Голодецкий остров.
Запорожье — ул. Правды, 43, и на острове Хортица.
Одесса: турбаза им. Молодцова-Бадаева — просп. Шевченко; «Черноморский дельфин» — Пересыпь, с. Фонтанка.
Херсон — ул. Ленина, 9.
Славяногорск — ул. Шевченко, 6.
Новая Каховка — ул. К. Маркса, 18.
Полтавская обл. — пос. Новые Санжары, турбаза «Новые Санжары».
Черкасская обл. — пос. Сокирное, турбаза «Сокирное».
Волинская обл. — турбаза «Свитязь».
Черниговская обл. — Козелецкий район, турбаза «Десна».
Киевская обл. — с. Боярка, ул. К. Маркса, 70, турбаза «Боярка».

* Адреса турбаз, расположенных на территории Российской Федерации, опубликованы в книге «Туристские базы профсоюзов».

Карпаты — турбазы в Ужгороде, Воловце, Говерле, Кобылецкой поляне, Лумшорах, Межгорье, Мукачеве, Невицком, Рахове, Усть-Черной, Хусте, Ясинях, Драгобрате и Яремче.
Черновцы — Новоселицкая, 1.
Николаевская обл. — пос. Варваровка, турбаза «Дельфин».
Симферополь — ул. Беспалова, 81, турбаза «Таврия».
Севастополь — Северная сторона, пос. Учкеевка, турбаза им. Мокроусова.
Ялта: турбаза «Ялта» — ул. Чехова, 8; «Магнолия» — ул. Ломоносова, 25.
Ай-Петри — горный приют.
Алушта: «Чайка» — ул. Красноармейская, 11; «Восход» — ул. Октябрьская, 11.
Карабах — с. Малый Маяк, турбаза «Карабах».
Бахчисарай — ул. Шмидта, 97, турбаза «Привал».
Бахчисарайский район — турбаза «Соколиное гнездо».
Евпатория — Московская ул., 28.
Феодосия — Новобульварная ул., 6, турбаза «Маяк».

Белорусская ССР

Минск — пл. Свободы, 23 (Совет по туризму и экскурсиям).
Минская обл.: турбаза «Беларусь» — пос. Заславль; «Озеро Нарочь» — пос. Нарочь, Мядельский р-н.
Брест — ул. Ленина, 22.
Гомельская обл. — Гомельский р-н, ур. Ченки, турбаза «Сож».
Витебская обл. — г. Браслав, турбаза «Браславские озера».
Брестская обл.: турбаза «Белое озеро» — в 40 км западнее Бреста.

Узбекская ССР

Ташкент — Луначарское шоссе, 115, турбаза «Саёхат» («Путешествие»).
Ташкентская обл. — сел. Чимган, турбаза «Бостандык».
Бухара — Советская ул., 4 (Совет по туризму и экскурсиям).
Ферганская обл. — сел. Хамзабад, турбаза «Иордан».
Наманган — совхоз Нанай, турбаза «Коксарай».
Самарканд — Дагбитская ул., 35.
Ургенч — Коммунистическая ул., 26.

Казахская ССР

Алма-Ата: Алма-Атинская турбаза — ул. Митина, 5а.
Баянаул — Павлодарская обл., оз. Джасымбай.
Восточно-Казахстанская обл. (Бухтарминское

водохранилище) — Серебрянский р-н, турбаза «Алтайская бухта».
Алма-Атинская обл. — г. Иссык, турбаза «Иссык»; совхоз «Горный садовод», турбаза «Эдельвейс»; долина р. Каркара, приют «Горный» (высота 2300 м).
Карагандинская обл. — г. Каркаралинск, оз. Большое.
Западный Тянь-Шань — г. Ленгер, Чимкентской обл., ул. Туликова, 10, турбаза «Южная».
Курорт Боровое — г. Щучинск, Кокчетавской обл., турбаза «Золотой Бор».

Грузинская ССР

Тбилиси: турбаза «Ваке» — просп. Ильи Чавчавадзе, 80; «Дигоми» — Дигомский массив.
Мцхета — ул. Церетели, 13.
Телави — ул. Чавчавадзе, 8.
Лагодехи — Коммунальная ул., 14.
Сиони — на берегу Сионского водохранилища (туристский приют).
Кутаиси — ул. Руставели, 17.
Аватхара — приют выше оз. Рица.
Зугдиди — ул. Руставели, 159.
Бакуриани — Боржомский р-н.
Боржоми — парк Плато.
Оз. Кахиси — в 20 км от Боржоми (туристский приют).
Вардзия — Аспиндзский р-н.
Казбеги — сел. Арша, Казбегский р-н.
Пасанаури — Душетский р-н.
Шови — Онинский р-н.
Местиа — турбаза в пос. Местиа и горные приюты в Накре и Шихре.
Гагра — Курортная ул., 28.
Новый Афон — Октябрьская ул., 1.
Сухуми: Сухумская турбаза — ул. Челюскинцев, 10; «Имени XV съезда ВЛКСМ» — Тбилиское шоссе, 647.
Поти — Малтаква.
Цихисдзир — в 26 км к северу от Батуми.
Зеленый мыс — пос. Чаква.
Батуми — ул. Ниношвили, 37.
Горные приюты с южной стороны перевалов: Гезе-Вецк, Клухорского, Рокского, Твиберского, Зекарского.

Азербайджанская ССР

Баку — ул. Малыгина, 13.
Закаталы — ул. Чапаева, 20.
Аджикенд — турбаза.
Мингечаур — турбаза.
Ялама — в 32 км от Худата на берегу Яламинского взморья.

Литовская ССР

Вильнюс — шоссе Веркю, 70.
Паланга — ул. Дариус-Гиряна, 16.

Тракай — Уштракай
Игналина — сел. Палуше, Игналинский р-н.
Бирштонас — курорт Алкснякиемис.

Молдавская ССР

Кишинев — ул. Вторая Верхняя, 10.
Бендеры — гостиница «Днистр».
Сороки — педучилище.
Тирасполь — ул. 25 Октября, 19.
Ваду-луй-Водэ — лесопарк, база «Нистру».

Латвийская ССР

Рига — ул. Грауду, 58.
Вайварн — г. Юрмала, 8, ул. Каугуру, 49, турбаза «Вайварн».
Сигулда — ул. Турайдас, 4.
Кандава — Реднеки.
Стрелниеки — п/о Даугмале, Рижский р-н.

Киргизская ССР

Фрунзе — Куршабская ул., 33.
Оз. Иссык-Куль: турбаза «Иссык-Куль» — северный берег, с. Ананьево; «Казахстан» — северный берег, с. Бостери; «Тихая бухта» — южный берег, бухта Ак-Чию; «Улан» — в 20 км от г. Рыбачий.

Таджикская ССР

Душанбе — Верхняя Варзобгес, турбаза «Варзоб».
Оз. Исскандеркуль — горный приют «Исскандеркуль».

Армянская ССР

Ереван — Норк, турбаза.
Горис — ул. Азизбекова, 1.
Дилижан — турбаза.
Иджеван — турбаза.
Кафан — Кафанский р-н, пос. Шаумян.
Кировакан — Ванадзорская ул., 1.
Туманян — на берегу р. Памбак (ст. Туманян).
Оз. Севан — г. Севан, турбаза.

Туркменская ССР

Ашхабад — просп. Свободы, 67, гостиница «Октябрьская».
Фирюза — ул. Махтумкули, дача 225.
Ташауз — Почтовая ул., 6.

Эстонская ССР

Таллин — ул. Крейцвальда, 23, гостиница «Кунгла».
Лэвгильду-Нелиярве — Харьосский р-н, турбаза.
Пярну — ул. Кедровая, 4.
Каукси — зона г. Кохтла-Ярве.
Выру — оз. Кубия, турбаза.

О самостоятельных туристских путешествиях

Центральный совет по туризму и экскурсиям утвердил «Правила организации самостоятельных туристских путешествий на территории СССР» с подразделением их на походы выходного дня и многодневные путешествия I—V категорий сложности (в порядке возрастающей сложности).

Туристские группы для путешествий I—III категорий сложности должны состоять не менее чем из 4 человек, а для путешествий IV и V категорий — не менее чем из 6 человек.

Путевым документом для походов выходного дня служит маршрутный лист, а для классифицированных путешествий — маршрутная книжка. Маршрутные книжки выдаются местными маршрутно-квалификационными комиссиями (МКК) после рассмотрения заявки группы.

Категории сложности путешествий определяются по этим требованиям с учетом количества и качества естественных препятствий в соответствии с перечнями классифицированных маршрутов, утвержденными Центральным советом по туризму и экскурсиям.

Маршрут считается соответствующим классифицированному при одном и том же количестве естественных препятствий и равной степени их сложности.

О порядке обслуживания самостоятельных туристов на базах

Самостоятельные туристы имеют право получить место на турбазах профсоюзных при непосредственном обращении к ним. Прием производится на места, специально отведенные для самостоятельных групп, а также на свободные места, предназначенные для плановых групп. Для получения места на турбазе необходимо кроме паспорта иметь маршрутные листы или другие документы, подтверждающие туристские цели группы.

Места на турбазах даются, как правило, не более чем на пять дней. Базы предоставляют ночлег в зданиях или в палатках, питание в своих столовых, экскурсионное и культобслу-

живание, прокат туристского инвентаря. Все услуги оплачиваются за наличный расчет по установленным расценкам.

Самостоятельные туристы, проживающие на территории базы в собственных палатках, платят только за бытовые услуги, но на равных правах с остальными туристами пользуются всеми видами культурного обслуживания (консультации, библиотека, медпомощь, культ- и спортивный инвентарь, камера хранения и т. п.).

В районах, не имеющих торговой сети, базы дают самостоятельным туристам возможность приобрести продукты питания по установленным нормам и за наличный расчет.

Правила внутреннего распорядка турбаз обязательны и для самостоятельных туристов.

В автотурбазах профсоюзных автомотористам предоставляется за установленную плату место для стоянки и мойки машины, для установки собственных палаток. Они могут пользоваться очагом для приготовления пищи, кипятиком, душем, камерой хранения, культурным инвентарем, медицинской помощью, помещениями для стирки и утюжки.

Ночлег в зданиях турбаз (или в стационарных палатках), а также прокат предметов бытового и хозяйственного обихода оплачиваются отдельно.

На большинстве автотурбаз имеются станции технического обслуживания.

Кемпинги, мотели

РСФСР

«Варшавский» — мотель на пересечении Варшавского шоссе и Московской кольцевой автомобильной дороги.

«Минский» — мотель и кемпинг: Москва, Минское шоссе, 165.

Трасса Москва — Ленинград — Выборг

«Спутник» — кемпинг у дер. Эммаус, справа, не доезжая 20 км до г. Калинин.

«Тверь» — мотель на 2-м км за Калининском.

«Берег Валдая» — кемпинг: на 388-м км поворот направо по шоссе «На Боровичи», 6 км за мостом через р. Валдайку, поворот влево к оз. Валдай.

Кемпинги: не доезжая Новгорода, 520-й км, правая сторона шоссе; пос. Ренно, 43-й км от Ленинграда; г. Зеленогорск, Приморское шоссе, 90.

6-й км шоссе Калининград — Черняховск; г. Плес, Ивановской обл., ул. Калинина, 6. Псков, Красноказарменный, 4.

Трасса Москва — Минск

Мотель «Феникс» — не доезжая 15 км до Смоленска.

Кемпинг «Хвойный» — в 8 км от Смоленска. Кемпинг — 384-й км трассы в 2 км от поворота направо на г. Демидов.

Трасса Москва — Харьков

Мотель — г. Мценск, на 312-м км трассы.

Мотель «Шинка» — г. Орел, Московское шоссе, 169.

Кемпинг — на выезде из Орла в сторону Курска.

Кемпинг — Курск, ул. Энгельса, 150.

Мотель «Соловьиная роща» — Курск, ул. Энгельса, 142а.

Кемпинг — Белгород, за АЗС, в «Архиперейской роще».

Краснодарский край

Кемпинг — на выезде из Ростова-на-Дону по Новочеркасскому шоссе.

Кемпинги: Казань, ул. Гвардейская, станция Юных туристов; водная станция ДСО «Труд», Ленинская ламба.

Кемпинг — Волгоград, Набережная, Центральный стадион, 3.

Кемпинг «Прибой» — г. Ейск, городской пляж.

Мотель «Южный» — Краснодар, Московский ул., 40.

Трасса Новоросси́ск — Сухуми

Кемпинги: пос. Абрау-Дюрсо, 23-й км от Новоросси́ска;

«Высокий берег» — г. Анапа, Таманская ул., 24;

пос. Джемете, на 6-м км от Анапы;

«Солнечный» — г. Геленджик, за АЗС, Тонкий мыс;

«Кубань» — г. Геленджик, ул. Луначарского, 94;

«Измурд» — пос. Архипо-Осиповка (за памятником А. Осипову);

«Зари» — пос. Джубга, на 124-м км от Новоросси́ска;

г. Горячий Ключ, 60-й км от пос. Джубга;

пос. Лазаревский, ул. Победы, 2;

«Рассвет» — пос. Дагомыс, Армавирская ул., 4;

«Вригантина» — пос. Дагомыс, Вольничная ул., 8;

пос. Мамайка, на 280-м км от Новоросси́ска;

«Металлург» — в г. Сочи;

пос. Малый Ахун, на 2-м км за пос. Мацеста;

«Черноморец» — пос. Веселое, на 10-м км от Адлера;

пос. Леселидзе, на границе Краснодарского края и Грузинской ССР.

Ставропольский край

Кемпинги:

«Ромашки» — г. Пятигорск, ул. Патриса Лумумбы, 17;

«Приозерный» — г. Кисловодск, озеро;

«Редант» — г. Орджоникидзе, Редант 1.

Мотель «Дарьял» — г. Орджоникидзе.

Кемпинг «Азгек» — курорт Теберда, Красная Поляна, 2.

Кемпинг «Турнет» — г. Черкесск, Приокзальная, 18.

Украинская ССР

Кемпинг — Киев, Старо-Вроварское шоссе, 31.

Мотель и кемпинг «Пролісок» — Киев, Святошино, 6-я протекция.

Трасса Москва — Симферополь

Мотель «Дружба» — Харьков, пр. Гагарина, 185.

Кемпинг — Харьков, пос. Научный, на выезде.

Кемпинг — с. Левшино-Михайловское, не доезжая г. Запорожье.

Мотель — пос. Зеленый Гай, на 60-м км от Запорожья.

Кемпинг — шоссе Харьков — Ростов, г. Донецк, Красноармейская, 70.

Кемпинг — с. Коло-Михайловка, Винницкая обл.

Кемпинг — с. Дубляны, на 8-м км от Львова.

Мотель «Полтава» — г. Полтава, Совпаркомовская, 1.

Трасса Львов — Самбор — Ужгород

Кемпинги:

с. Соля;

с. Невинское;

«Дубки» — не доезжая 8 км до Ужгорода;

«Форель» — Закарпатская обл., Мукачевский р-н, урочище «Синяк»;
«Морское око» — г. Хуст, на 73-м км у озера Синевир;
«Прикарпатье» — г. Трускавец, ул. Горького;
«Гуцульщина» — трасса Ивано-Франковск — Рахов, пос. Яремча;
«Черновцы» — г. Черновцы, ул. Новоселицкая, 1.

Черноморское побережье

Кемпинги:
Одесса, Гагаринское плато, 15;
с. Затока, устье Днестровского лимана;
«Морской» — г. Бердянск, ул. Октябрьская, 1а.
«Евпатория» — Евпатория, ул. Морская, 29.
«Перевал» — шоссе Симферополь — Алушта, 31-й км;
«Мир» — г. Алушта, пос. Рабочий уголок.

Ялта

Кемпинги:
«Массандра» — Массандровский парк;
«Магнолия» — ул. Ломоносова, 25;
«Звездочка» — ул. Свердлова, 46.

Шоссе Алушта — Керчь

Кемпинги:
пос. Рыбачье, пляж;
«Приморское» — пос. Планерское;
«Золотой пляж» — на 5-м км за Феодосией.

Белорусская ССР

Мотель и кемпинг — Минск, 18-й км Брестского шоссе.
Кемпинг «Брестский» — г. Брест, крепость.

Грузинская ССР

Черноморское побережье

Кемпинги:
пос. Гантиади, на 12-м км от Адлера;
с. Холодная Речка, на 14-м км от Адлера;
пос. Аквара, на 21-м км от Гагры;
пос. Лидзава, мыс Пицунда, в 13 км от пос. Аквара;
оз. Рица, 41-й км шоссе Аквара — Аватхара;
г. Гудаута, на 36-м км от пос. Аквара;
г. Новый Афон, ул. Водопадная, 8;
«Гумиста» — в 151 км от Сочи;
«Синоп» — г. Сухуми, Тбилисское шоссе, 57;
г. Очамчира, ул. Карла Маркса, 5;
«Кобулет» — г. Кобулет, на 77-м км от г. Сам-тредна.

Трасса Батуми — Тбилиси

Мотель «Ушба» — 381-й км трассы.
Кемпинги:
379-й км трассы;
берег Тбилисского моря, у ресторана;
г. Тбилиси, ул. Делиси, 50;
пос. Пасанаури, трасса Орджоникидзе — Тбилиси, 111-й км.

Армянская ССР

Трасса Тбилиси — Ереван

Кемпинги:
пос. Иджеван, 136-й км трассы;
пос. Дилижан, 172-й км;
оз. Севан, 213-й км;
г. Ереван, 280-й км.

Азербайджанская ССР

Кемпинги:
г. Мингечаур, на въезде;
г. Сумгаит, 34-й км от Баку.

Молдавская ССР

Мотель «Стругураж» — Кишинев, Котовское шоссе, 230.
Кемпинг — с. Вадулуй-Водэ.

Литовская ССР

Кемпинг — г. Паланга, шоссе Паланга — Лиепая, на выезде.
Кемпинг — г. Паланга, шоссе Клайпеда — Паланга, на въезде.

Латвийская ССР

Кемпинги:
пос. Мелужи, Рижское взморье;
г. Юрмала, ст. Пумпури;
г. Юрмала, ст. Вайвари.

Эстонская ССР

Кемпинги:
пос. Вийтна, 147-й км шоссе Нарва — Таллин;
г. Таллин, пос. Пирита, мотоклуб «Калев»;
г. Таллин, пос. Раннамяэ;
г. Пярну, трасса Таллин — Рига, на выезде;
пос. Кабли, 49-й км шоссе Пярну — Рига.

Книжная полка туриста

Общие вопросы

Карманный справочник туриста. М., 1970.
Спутник туриста. Изд. 3-е, М., 1969.
Справочник армейского туриста. М., 1966.
Потресов А. С. Спутник юного туриста. М., 1967.
Сергеев Б. Туристские бивуаки. М., 1967.
Ромашков Е. Туристские походы выходного дня. М., 1967.
Наравцевич З. А., Ходаков Н. М. Участнику туристского похода. М., 1964.
Туристское снаряжение. М., 1968.
Куприн А. Умей ориентироваться на местности. М., 1969.
Справочник пассажира. М., 1970.
Атлас автомобильных дорог СССР. М., 1970.
Вам, туристы! Сборник в помощь проведению наблюдений. Л., 1967.
Карманная книга натуралиста и краеведа. М., 1961.
Туристские базы профсоюзов. М., 1971.
«Турист». Журнал. Выходит с 1966 года.
Ветер странствий. Альманах. Выпуск первый — седьмой. М., 1965—1972.
Туристские тропы. Альманах. Книжки первая — шестая. М., 1958—1962.
По местам боевой славы. Маршруты туристских походов. М., 1969.
Акимов Н. И. и Гинцбург М. Г. Путешествие на автомобиле. М., 1969.
Справочник автопутешественника. М., 1969.
Алексеев В., Мамаев Ф. Мотоциклетный туризм. М., 1972.
Власов А. А. Велосипедный туризм. М., 1954.
Водный туризм. М., 1968.
Григорьев В. Н. и Штовба Ю. К. Сложные походы на байдарках. М., 1971.
Потемкин И. Спортивный сплав на плоту. М., 1970.
Берман А. Е. Путешествия на лыжах. М., 1968.
Гранильщиков Ю. и др. Горный туризм. М., 1966.
Илюхин В., Дублянский В. Путешествие под землей. М., 1968.

Болдырев С., Жмуров В., Косарев Е. Сложные туристские походы. М., 1959.

Путеводители, описания, маршрутные справочники

По РСФСР

Российская Федерация (серия «Советский Союз»). М., 1969—1971.
Широкие просторы. Сборник маршрутов по РСФСР. Сост. Гурвич Л. М., 1963.
Штильмарк Р. А. Образы России. М., 1967.
Мячин И. Москва. М., 1967.
Ильин М. А. Подмосковье. М., 1966.
Скотников Ю., Белов К. По местам великой битвы под Москвой. М., 1966.
Попадейкин В. И., Струков В. В. По тропам родного края (маршруты по Московской, Владимирской и Рязанской областям). М., 1969.
Воронин Н. Владимир, Боголюбovo, Суздаль, Юрьев-Польский. М., 1967.
Попов А. С. Мещерский край. М., 1970.
Мазурин Н. И. На Селигере. М., 1968.
Бессмертный А. С. Ленинград. Л., 1966.
Громов В. И., Файнштейн Л. А. Памятные места Ленинградской области. Л., 1959.
Руф Л. Путешествие по стране озер (Карелия). М., 1970.
Богуславский Г. А. Соловецкие острова. М., 1968.
Штурмер Ю. А. По Архангельской области. М., 1967.
Зарубина Н. О., Непомнящий Б. С. От Балтики до Каспия. Л., 1969.
Макаров И. И., Артышевская Н. С. Москва — Ростов. М., 1965.
Москва — Владивосток. Путеводитель. М., 1968.
На верхней Волге (Калининская область). М., 1967.
Макаров М. Т. По Волге-реке. М., 1971.
Демин Э. Н. и др. На байдарках по Подмосковью. М., 1967.

По северо-западному Кавказу. Ростов-на-Дону, 1968.
 Арсенин В. и др. Горные путешествия по Западному Кавказу. М., 1968.
 Кабардино-Балкария. Путеводитель. Нальчик, 1964.
 Страхов С. М. Приезжайте к нам на Ставрополье. М., 1969.
 Ефремов Ю. К. Тропами горного Черноморья. М., 1963.
 Бероев Б. М. По Северной Осетии. М., 1971.
 По Башкирии. Уфа, 1965.
 Истомин П., Масленников Е., Рубель Р. Урал — туристская страна. Свердловск, 1964.
 Грушко Я. По Байкалу. Иркутск, 1967.
 От Саян до океана. Красноярск, 1958.
 Дулькейт Т. Г. По восточному Алтаю. М., 1971.
 Рогальский В. Туристские маршруты в Саянах. М., 1968.
 Ткачев В. А., Николаев С. А. По городам Приморья. М., 1966.
 Басевич В. П. По дальневосточным морям. М., 1969.

По Украинской ССР

Украина (серия «Советский Союз»). В двух томах. М., 1969.
 Архипец А. Украина — край туризма. Киев, 1967.
 Водные маршруты Украины. М., 1969.
 Завалий П. В., Ионкин В. С. Путеводитель автолюбителя по Украине. Киев, 1967.
 Лапоногов А. Н. По Днепру. Путеводитель. М., 1970.
 Советское Прикарпатье. Путеводитель. Ужгород, 1969.
 Советское Закарпатье. Путеводитель. Ужгород, 1971.
 Советская Буковина. Путеводитель. Ужгород, 1971.
 Семко О. Ф., Ходин А. С. Туристские маршруты Запорожья. Днепропетровск, 1971.
 Полтавщина. Путеводитель. Харьков, 1969.
 Чопп И. Туристские тропы Одессщины. Одесса, 1964.
 Белоусова Е., Вирдич А. Херсон. Аскания-Нова. Одесса, 1971.
 Хохряков Ю. А. Южный берег Крыма. Симферополь, 1966.
 Пузанов И. И. По нехоженому Крыму. М., 1960.
 Шаец В. Дорогами Крыма. Спутник автолюбителя. Симферополь, 1967.

По Белорусской ССР

Белоруссия (серия «Советский Союз»). М., 1967.

Богданов П. Н. и др. Туристские базы и маршруты Белоруссии. Минск, 1970.
 Кокорев Ю. М. По рекам и озерам Белоруссии. М., 1966.
 В памяти народной. Путеводитель по местам боевой славы. Минск, 1969.
 Школьные туристские маршруты по Белоруссии. Минск, 1969.

По Узбекской ССР

Узбекистан (серия «Советский Союз»). М., 1967.
 Бэбин Л. В. Узбекистан. Путеводитель. Ташкент, 1969.
 Колбинцев А. П. Маршруты здоровья. Ташкент, 1969.
 Пронский Е. В. С рюкзаком по горам Средней Азии. Ташкент, 1971.
 Зотов А., Раимов Т. Города Узбекистана. Ташкент, 1965.

По Казахской ССР

Казахстан (серия «Советский Союз»). М., 1970.
 Туристские маршруты по Казахстану. Алма-Ата, 1971.
 Достопримечательные места Казахстана. Алма-Ата, 1959.
 Иванов Е. И. Северный Тянь-Шань. М., 1970.
 Пальгов Н. Н. Казахстан от Уральска до Алма-Аты, 1965.
 Путеводитель-справочник по Иртышу и Нижней Оби. Омск, 1960.

По Грузинской ССР

Грузия (серия «Советский Союз»). М., 1967.
 Тбилиси. Краткий справочник для туристов, 1969.
 Грузия. Краткий справочник-путеводитель. Тбилиси, 1966.
 Квезерели-Копадзе Н. И. Военно-Грузинская дорога. Тбилиси, 1969.
 Пачулиа В. Черноморское побережье Кавказа. М., 1971.

По Азербайджанской ССР

Азербайджан (серия «Советский Союз»). М., 1971.
 Дадашев С. и Усейнов М. Архитектурные памятники Баку, 1946.
 Котляров Е. А. По горам и долинам Азербайджана. Баку, 1970.

По Литовской ССР

Литва (серия «Советский Союз»). М., 1967.
 Медонис А. Туристу о Вильнюсе. 1965.

Симонавичене Т. Экскурсионные маршруты Литвы. Вильнюс, 1971.
 Вайчюнас А. Туристские базы Литвы. Вильнюс, 1971.
 Янушкис В. Голубые дороги Литвы. М., 1967.

По Молдавской ССР

Молдавия (серия «Советский Союз»). М., 1970.
 Пилат И. Н. Молдавия туристская. Кишинев, 1970.
 По Днестру. Путеводитель для туристов-водников. Ужгород, 1967.
 Пилат И., Ульянов В. Исторические и памятные места Молдавии. Кишинев, 1969.
 Халаминский Ю., Богдеско И. В краю дойн. Кишинев, 1969.

По Латвийской ССР

Латвия (серия «Советский Союз»). М., 1968.
 Рига. Путеводитель, 1968.
 Ветра К. Я., Эглите П. А. Путешествие по Латвийской ССР. М., 1968.
 Рудайс Я. Рижское взморье. Путеводитель. Рига, 1960.

По Киргизской ССР

Киргизия (серия «Советский Союз»). М., 1969.
 Маречек Б. Туристские маршруты по Северной Киргизии. Фрунзе, 1968.
 Чичикин Ю. П. По заповедным тропам Киргизии. Фрунзе, 1968.
 Рукавишников Б. И. Озеро Иссык-Куль и хребет Терсей-Алатау. М., 1970.
 Дядюченко Л. В пещерах Киргизии. Фрунзе, 1970.

По Таджикской ССР

Таджикистан (серия «Советский Союз»). М., 1968.
 Ширкин В. По туристским маршрутам Таджикистана. Душанбе, 1966.
 Лукницкий П. Таджикистан. М., 1957.
 Митлянский Д. По таджикским дорогам. М., 1970.
 Пагануцци Н. В. Фанские горы и Ягноб. М., 1968.
 Гвоздецкий Н. А. Памир, М., 1958.

По Армянской ССР

Армения (серия «Советский Союз»). М., 1966.
 Арутюнян Н. Армения. Путеводитель. Ереван, 1962.
 Кириллова Ю. Армения — открытый музей. М., 1969.

Озеро Севан. Путеводитель. Ереван, 1969.
 Саниян А. А. Архитектурные памятники Гарни и Гехарда. Ереван, 1969.

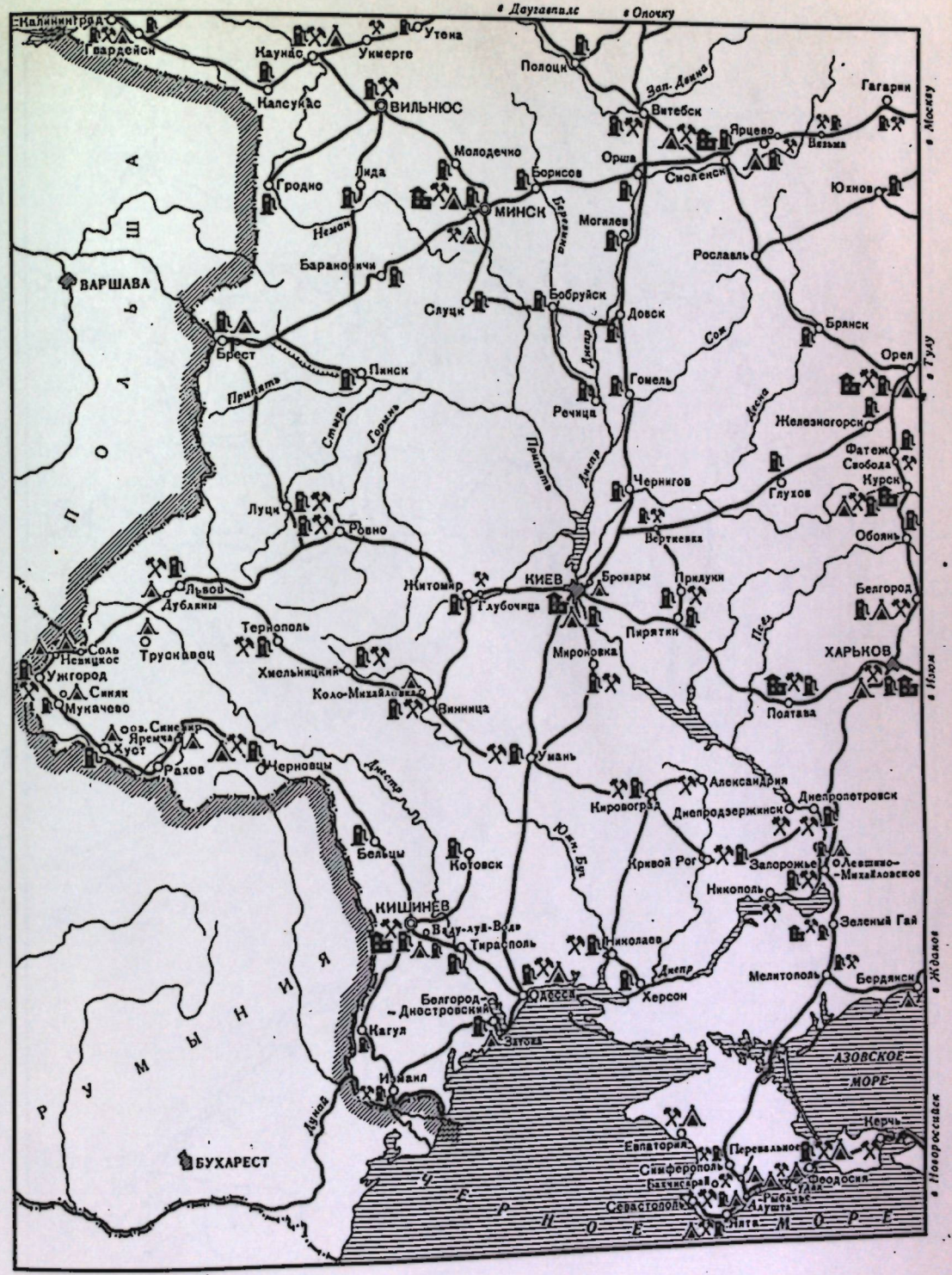
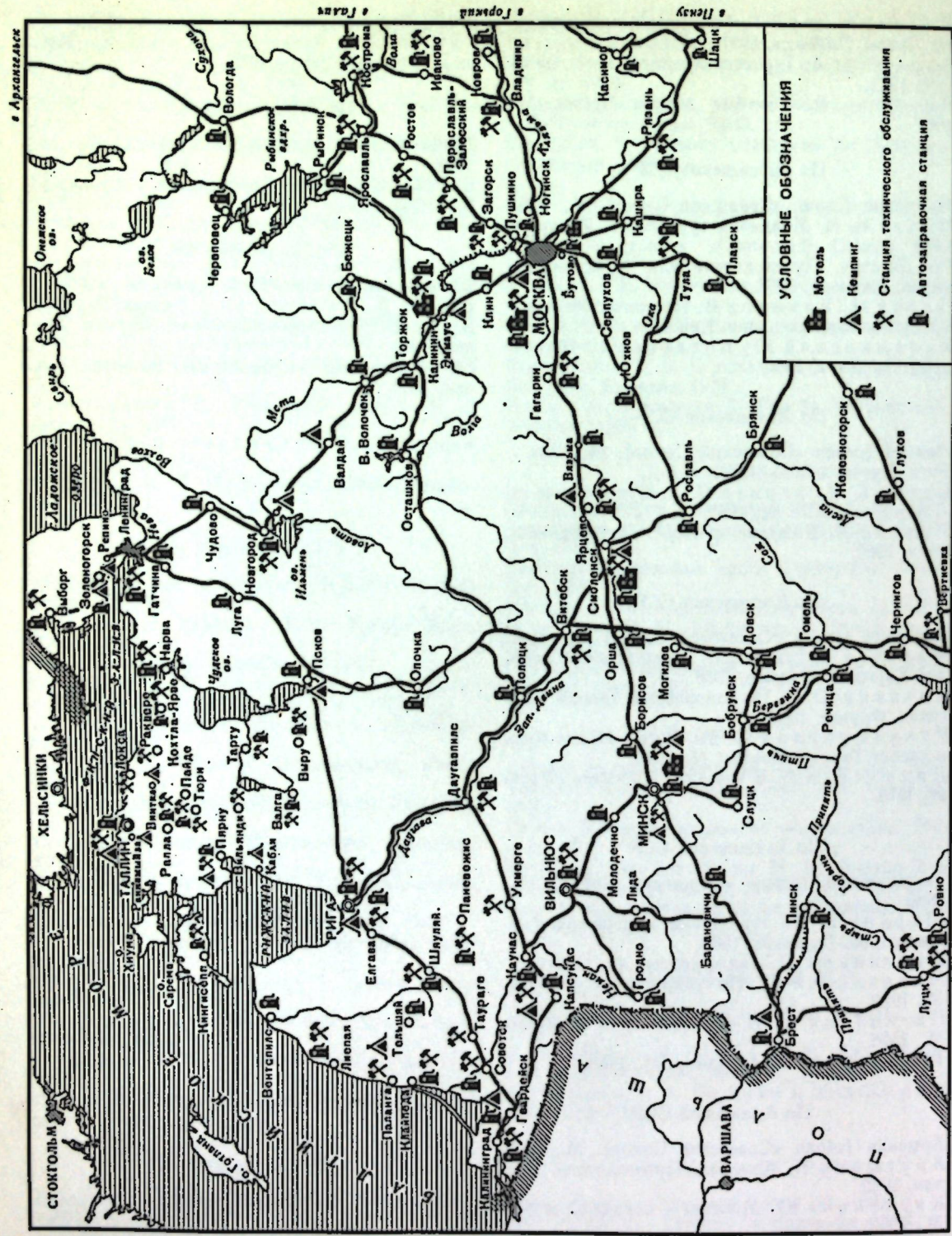
По Туркменской ССР

Туркменистан (серия «Советский Союз»). М., 1969.
 Ключкин Е. Н. Заповедники Туркмении. Ашхабад, 1967.

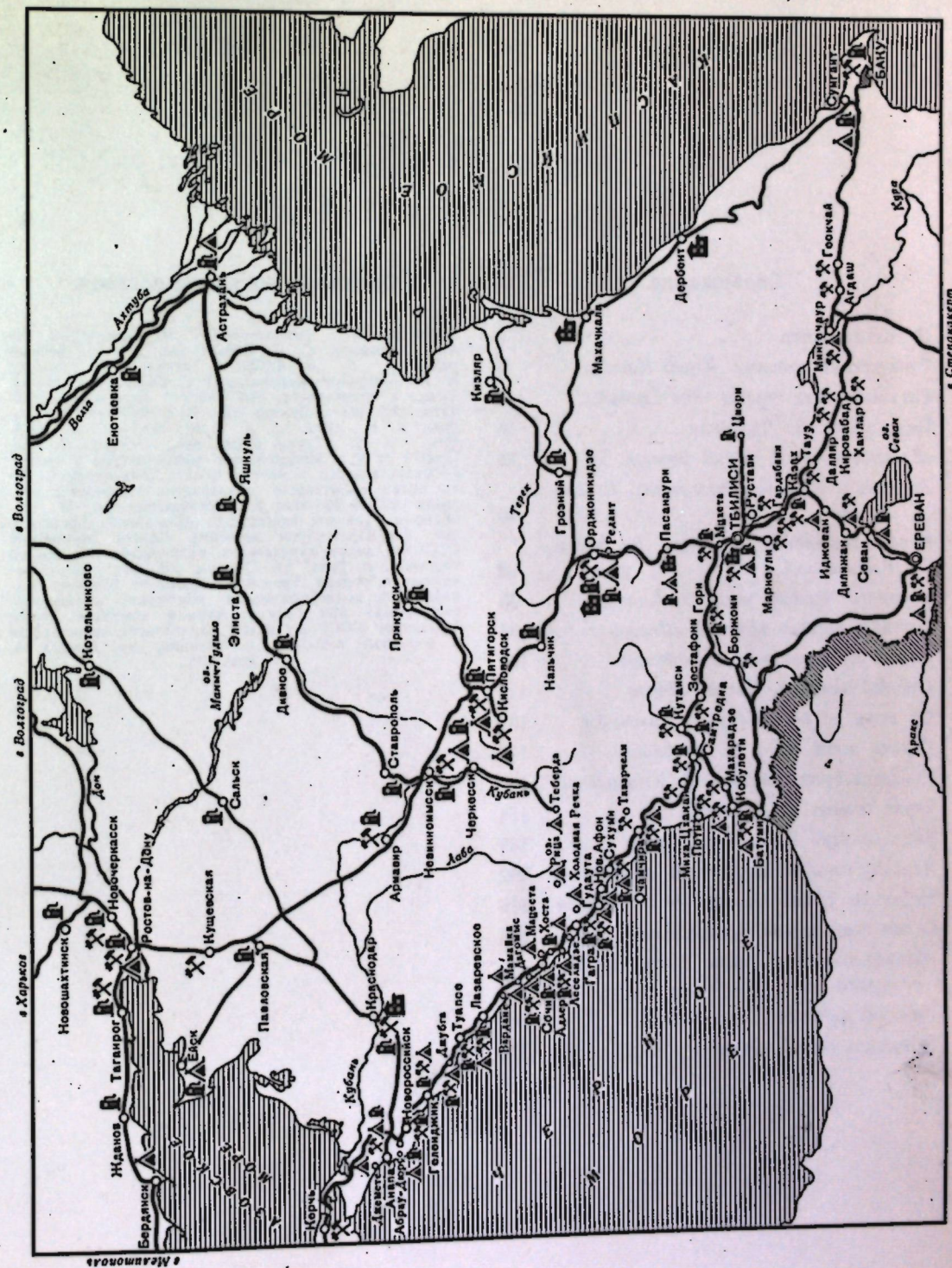
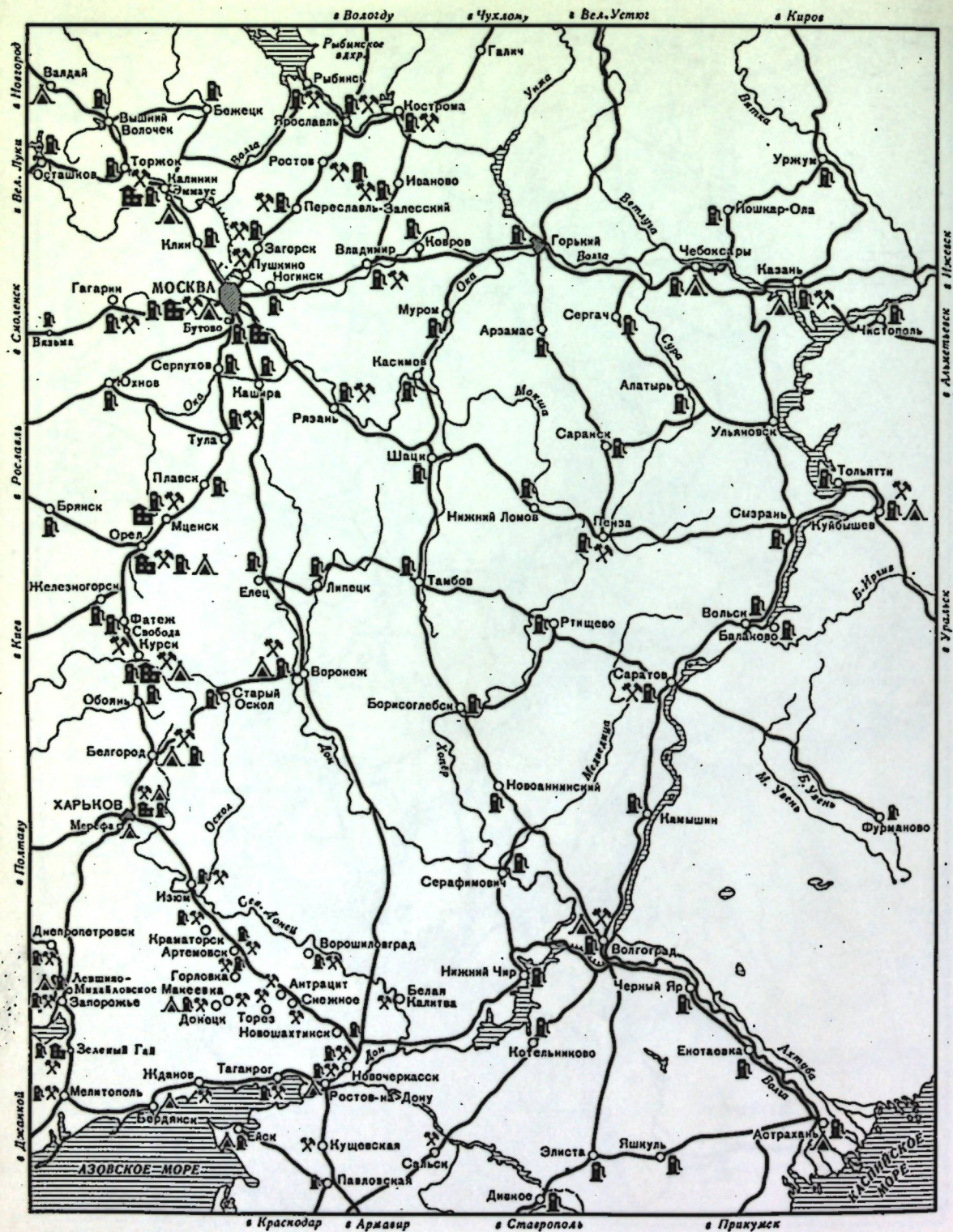
По Эстонской ССР

Эстония (серия «Советский Союз»). М., 1967.
 Брунс Д., Кангпоолс Р. Таллин. М., 1971.
 Брик Е. Туристские походы по Эстонии. Таллин, 1960.
 На автомашине по Советской Эстонии. Таллин, 1964.

Содержание

От издательства	5
Туристскими тропами. <i>Юрий Нагибин</i>	6
Главный город страны. <i>Лев Гурвич</i>	8
Пояс славы. <i>В. Дробинин</i>	16
«Золотое кольцо». <i>Юрий Бычков</i>	26
Далекое и близкое (Фотоочерк). <i>П. Демидов</i>	40
Край неопалимой купины. <i>Владимир Радзиевский</i>	62
У самого Черного моря. <i>Э. Киян</i>	76
Легенды лесного края. <i>В. Ширяев</i>	86
Глоток из Амударьи. <i>А. Зайченко</i>	100
Степной великан. <i>Виктор Панов</i>	114
От моря до неба. <i>Михаил Квливидзе</i>	132
Страна огней. <i>М. и Ч. Гусейновы</i>	146
Капелька густого янтаря. <i>В. Ужскальнис</i>	160
Тирас помнит. <i>Г. Ременко</i>	174
Вниз по реке Гауе. <i>Лев Гурвич</i>	188
Яблоки с горы Баубашата. <i>Л. Дядюченко</i>	202
Небесные тропы Памира. <i>Ф. Патрунов</i>	218
О чем поют камни. <i>Геворк Эмин</i>	230
Щедрое солнце пустыни. <i>Каюм Тангрыкулиев</i>	246
Каждый километр. <i>Эне Хион</i>	262
Присядем перед дорогой	274

Приглашение к путешествию

Редакторы *Л. Г. Трипольский, Э. П. Киян, Ю. К. Ценин*. Художник *С. С. Верховский*. Художественный редактор *О. И. Айзман*. Технический редактор *И. А. Суровцова*. Корректор *З. Г. Самылкина*. А00804. Сдано в производство 24/IV 1973 г. Подписано к печати 1/XI 1973 г. Бумага офс. № 1. Формат 70×90¹/₁₆. Печ. л. 18. Усл. п. л. 21,06. Уч.-изд. л. 20,95. Бум. л. 9. Тираж 50 000 экз. Издат. № 4750. Цена 1 р. 78 к. Издательство «Физкультура и спорт» Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103106. Москва, К-6, Каляевская ул., 27. Набрано в Тульской типографии «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, пр. Ленина, 109. Зак. 433. Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени Калининском полиграфическом комбинате «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Калинин, пр. Ленина, 5. Зак. 376.

« Джанкой

« Польша»

« Киев

